

A posse ad esse

апрель 2017

focus

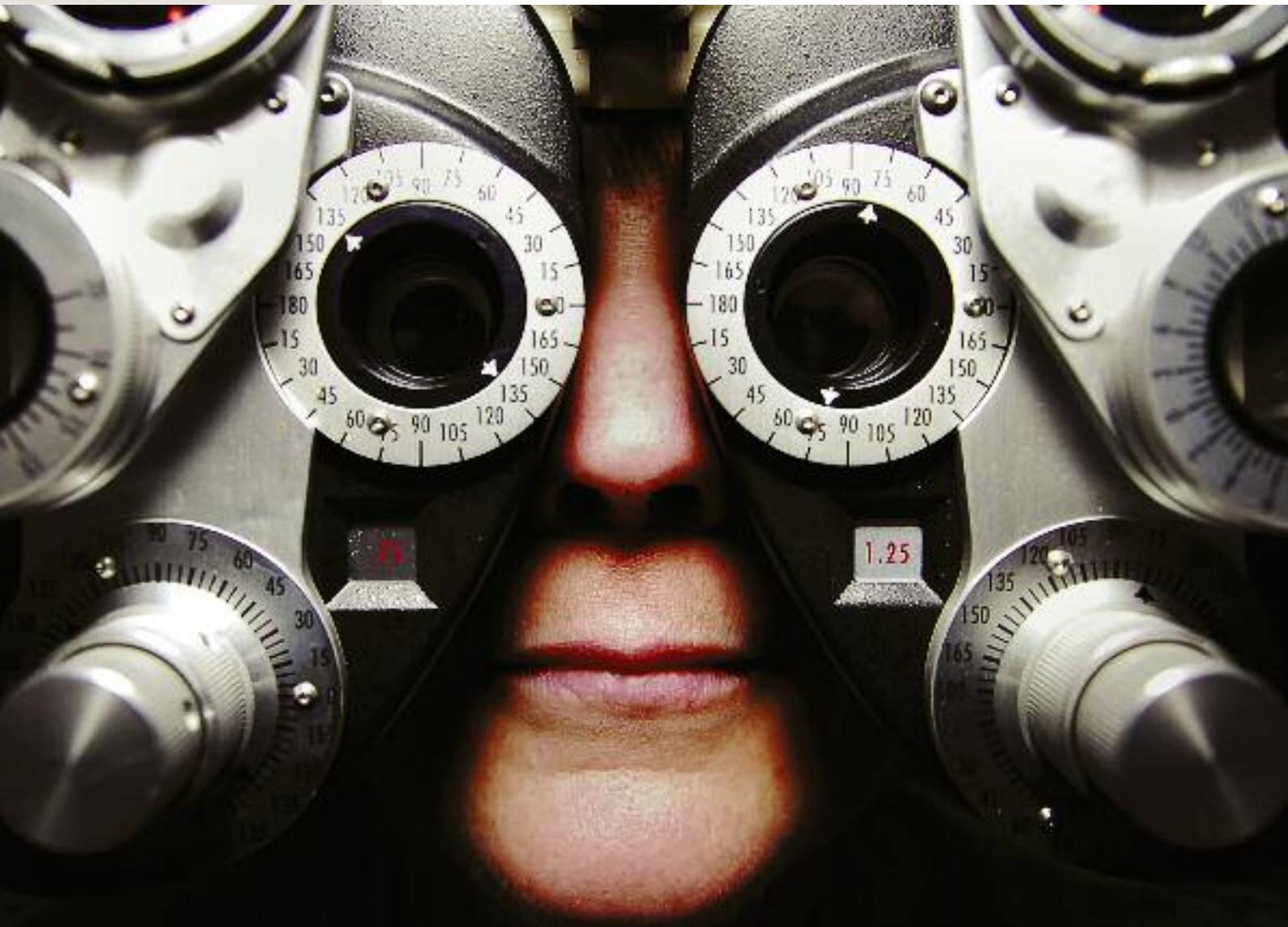
1

«Цивилизационный выбор»

или

«выбор цивилизации»? »

Интернет-журнал «Развитие»

Выходит один раз в месяц, публикуется на сайте www.dynamic-of-civilizations.ru и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу info@dynamic-of-civilizations.ru с указанием своей электронной почты.

8

18

34

FOCUS

апрель 2017 | №1

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

3

С.Н. Белкин
Цивилизационный фокус

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

6 | 18 | 32 | 50 | 68

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

8

В.Н. Кустов
Душа России на распутье

20

В.В. Малявин
Синергия и грядущее евразийское содружество

34

К.А. Свасьян
Христианство и политика
К истории католического воцерковления Бога

43

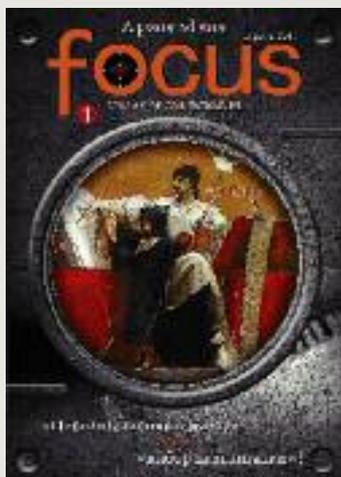
С.В. Хатунцев
Культурно-исторические зоны России и Европы

52

В.Э. Багдасарян
«Русская идея»: чего не понимает власть

59

А.В. Белокобыльский, В.С. Левицкий
Украина и Россия в эпоху постсекулярных идеологий

**Информационно-аналитический
и общественно-политический журнал
Focus**

Главный редактор: **Сергей Белкин**

Первый заместитель главного редактора:
Дмитрий Андреев

Заместитель главного редактора:
Вадим Прозоров

Арт-директор: **Олег Фирсов**

Адрес:

105077, г. Москва, Средняя Первомайская
улица, д. 4, оф. 17, редакция журнала Focus

dynamic-of-civilizations.ru
info@dynamic-of-civilizations.ru

Издание осуществляется при поддержке
ГК «ЭФКО» в рамках проекта
«Цивилизационная динамика».
Управляющая компания «ЭФКО»
в г. Москве:

119017, г. Москва, ул. Летниковская, д. 10,
стр. 2, БЦ Святогор-2
Тел.: +7 (495) 225-87-23; www.efko.ru

Журнал выходит 6 раз в год.

Тираж: 700 экз.

Подписано в печать: 28 апреля 2017

Перепечатка материалов возможна только
с разрешения редакции. При использовании
материалов журнала Focus в любой форме ссылака
на журнал Focus обязательна.

Электронная версия журнала доступна после
регистрации на сайте dynamic-of-civilizations.ru.
Бумажная версия распространяется по редакцион-
ной подписке. Доставка журнала подписчикам осу-
ществляется почтовой рассылкой либо путем полу-
чения номера в редакции. Часть тиража распро-
страняется бесплатно прямой персональной почто-
вой рассылкой по собственной базе данных, вклю-
чающей руководителей органов государственной
власти, политиков, глав администраций субъектов
Федерации, общественно-политических деятелей,
ученых, представителей экспертно-аналитического
сообщества, творческих союзов, деятелей культуры.
Журнал бесплатно получают крупнейшие библио-
теки, университеты и академии, он также распро-
страняется на мероприятиях, проводимых с учас-
тием представителей его редакции. Заявку на вклю-
чение в персональный список бесплатной рассылки
направлять на электронный адрес редакции.
Редакция оставляет за собой право отказать в бес-
платной подписке без объяснения причин.

ОБЩЕСТВО: КУЛЬТУРА, НАУКА, ТЕХНОЛОГИИ

70

Даниил Крамер:

**«Культура – это непосредственный
способ физического выживания нации»**

*Интервью композитора, педагога, продюсера
и джазового исполнителя, народного артиста России
журналу Focus*

80

10 прорывных технологий-2017

КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

86

Центр «Бирюч»

88

**Глобальный социально-экономический
кризис, его причины, параметры,
особенности протекания и вероятные
сценарии дальнейшего развития**

Семинар Школы менеджмента «Бирюч»

25 февраля 2017 года

Тезисы выступлений:

88 А.В. Бузгалин

92 А.И. Фурсов

97

**Европейские христианские духовные
практики Средневековья и раннего Нового
времени: историко-культурный контекст,
содержание, современное прочтение**

Семинар Школы менеджмента «Бирюч»

25 марта 2017 года

Тезисы выступлений:

97 С.С. Хоружий

105 Н.Л. Мухелишвили

АНОНСЫ

111

**Мероприятия Научно-исследовательской
лаборатории философии хозяйства
экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова**

Сергей
БЕЛКИН

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ фокус

В

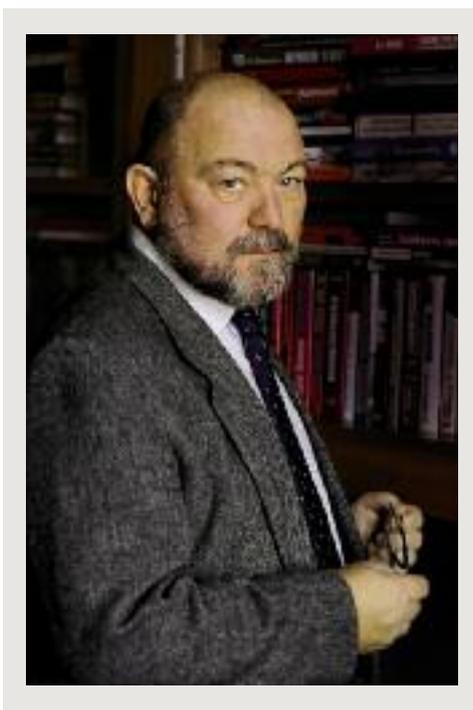
от он и явился в мир – первый номер нового журнала ...

К двум десяткам тысяч журналов, зарегистрированных в России, добавляется еще один. Его создатели верят – нет: уверены! – что новый голос будет услышан, что аудитория журнала не только существует, но и ждет нас. Обозначить категорию журнала, используя традиционный рубрикатор – «публицистический», «научный», «художественный» и т. д., – непросто. Потому что он и научный, и художественно-публицистический, и просветительский.

Журнал является частью проекта «Цивилизационная динамика», предусматривающего создание дискуссионной площадки, организацию и проведение семинаров, круглых столов, конференций, издание журнала и работу аналитической группы. Проект призван анализировать процессы, происходящие в стране и в мире, во всех сферах жизнедеятельности: в политике и культуре, в экономике и общественных отношениях, в науке и технике. Причем анализировать с так называемой цивилизационной точки зрения, рассматривать их в цивилизационном фокусе, для которого характерен язык ценностей, пристальное внимание к фундаментальным свойствам личности и общества, к взаимодействию традиционного и нового.

Страны и народы движутся по своим историческим траекториям, формируя, вбирая и отвергая разные ценности, религии, этические системы, создавая и разрушая множество политических конструкций, институтов, создавая науку, достигая технического прогресса, экономического развития и упадка, внедряя различные модели жизнеустройства. При этом они то обретают сходные черты и признаки, то их утрачивают.

Начиная с недавнего времени – менее двухсот лет назад – ученые стали описывать сходства и различия, вводя понятие

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор журнала Focus

«цивилизация», распределяя страны и народы по различным культурно-историческим типам. Существует много подходов к описанию цивилизаций. Количество разных цивилизаций на планете в зависимости от авторского взгляда может составлять и несколько штук, и несколько десятков. За многие десятилетия в науке сложился так называемый цивилизационный подход в описании развития стран и народов.

Однако при описании событий в общественно-политическом пространстве до сих пор преобладает взгляд на происходящее как на следствие развития материальных производительных сил и классовой борьбы. В сказан-

ном мы узнаем язык марксизма. Но те же самые причины и факторы исторического развития (экономика и социальные противоречия) лежат в основе совершенно иного взгляда – современного либерализма, считающего себя антитезой марксизму-коммунизму. Либеральный – особенно неолиберальный – взгляд еще выше, нежели марксизм, оценивает роль экономики, ставя ее в мировоззренческий центр бытия, видя в ней не просто базис, а смысл жизни: вплоть до квазирелигиозного поклонения ей («золотому тельцу»).

Цивилизационный подход, не отрицающий марксистского и либерального подходов, но принимающий их в качестве дополнительных специфических инструментов анализа, – это другая система причинно-следственных связей и иная система координат. Фундаментом этого подхода является убеждение в том, что в основе динамики общества лежит развитие человека, его духовного мира – науки, культуры, образования, этики, религии. Духовный мир во всей его многомерной полноте формирует систему ценностей человека и общества. Система ценностей определяет мотивацию человеческой деятельности, формирует цели и пути их достиже-

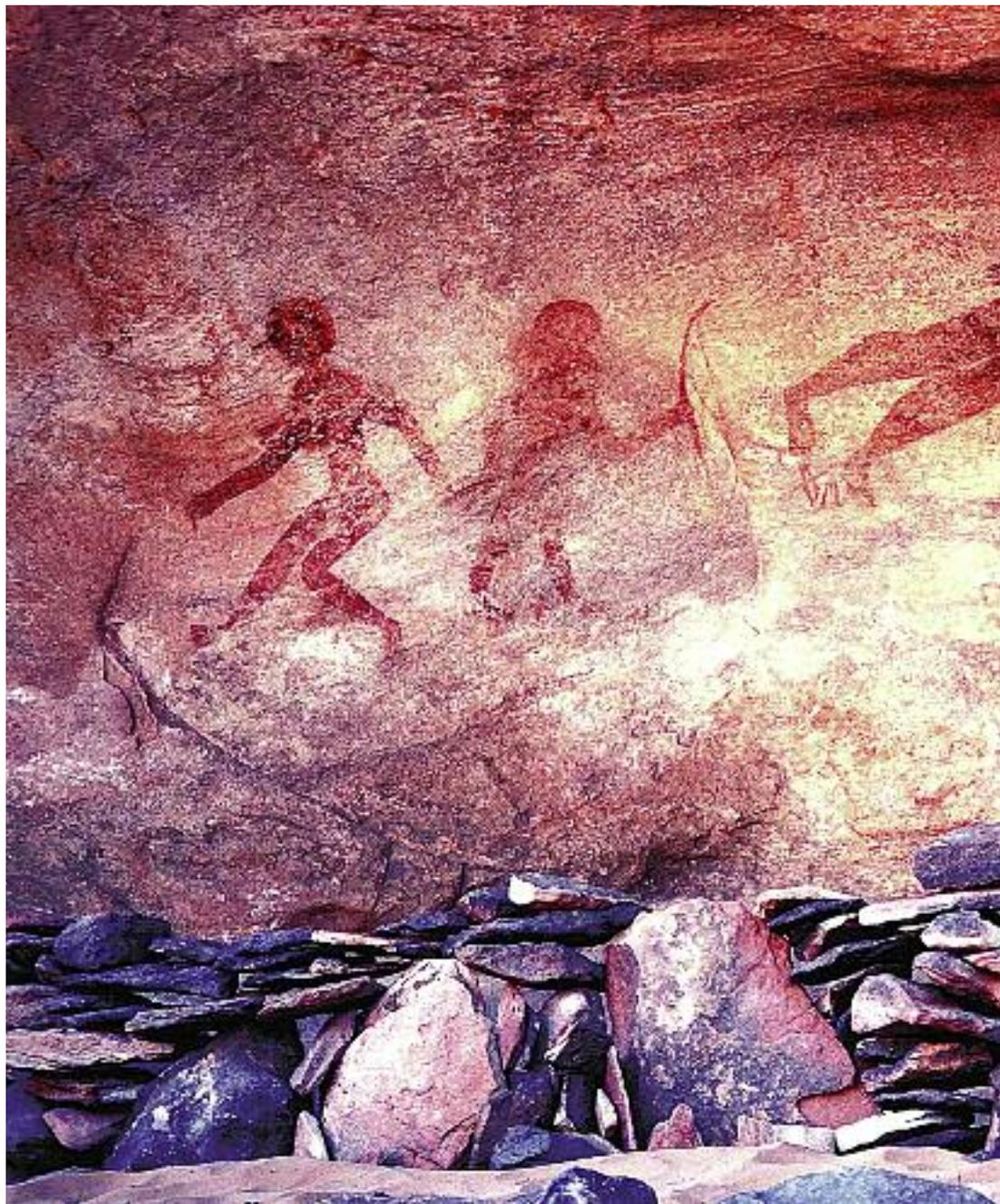
→ ния. Духовный мир и сложившаяся в обществе система ценностей задают структуру, форму и правила жизнедеятельности – представления о должном составе и функциях семьи, о безопасности и качестве жизни, – определяют социально-политическое и экономическое устройство, влияют на выработку применяемых технологий, обуславливают уровень экологического сознания, формы и правила взаимодействия стран и народов, обеспечивают способность и стремление к прогнозированию и конструированию будущего.

И либеральный, и марксистский подходы предрекают обществу достижение некой терминальной стадии развития – глобального либерализма или глобального коммунизма. И в том и в другом случае считается, что с приходом этой терминальной стадии развитие, по сути, завершается, наступает бесконечный период стационарного благоденствия. В отношении марксистской мечты о коммунистическом обществе можно говорить о принципиальной теоретической возможности его достижения. В либеральной модели, где не просто действуют, но оберегаются как неотъемлемая сущность примат индивидуальной свободы и стремление к обогащению, главными двигателями истории становятся алчность и эгоизм. А это с неизбежностью

рождает определенный тип хозяйствования, вступающий в противоречие с человеческой природой и с исчерпаемостью природных ресурсов. В рамках этой модели достижение стационарного либерального благоденствия в планетарном масштабе невозможно: система начнет спасать саму себя, порождая жесткое разделение человечества на тех, «кому благоденствие», и тех, за чей счет оно может поддерживаться.

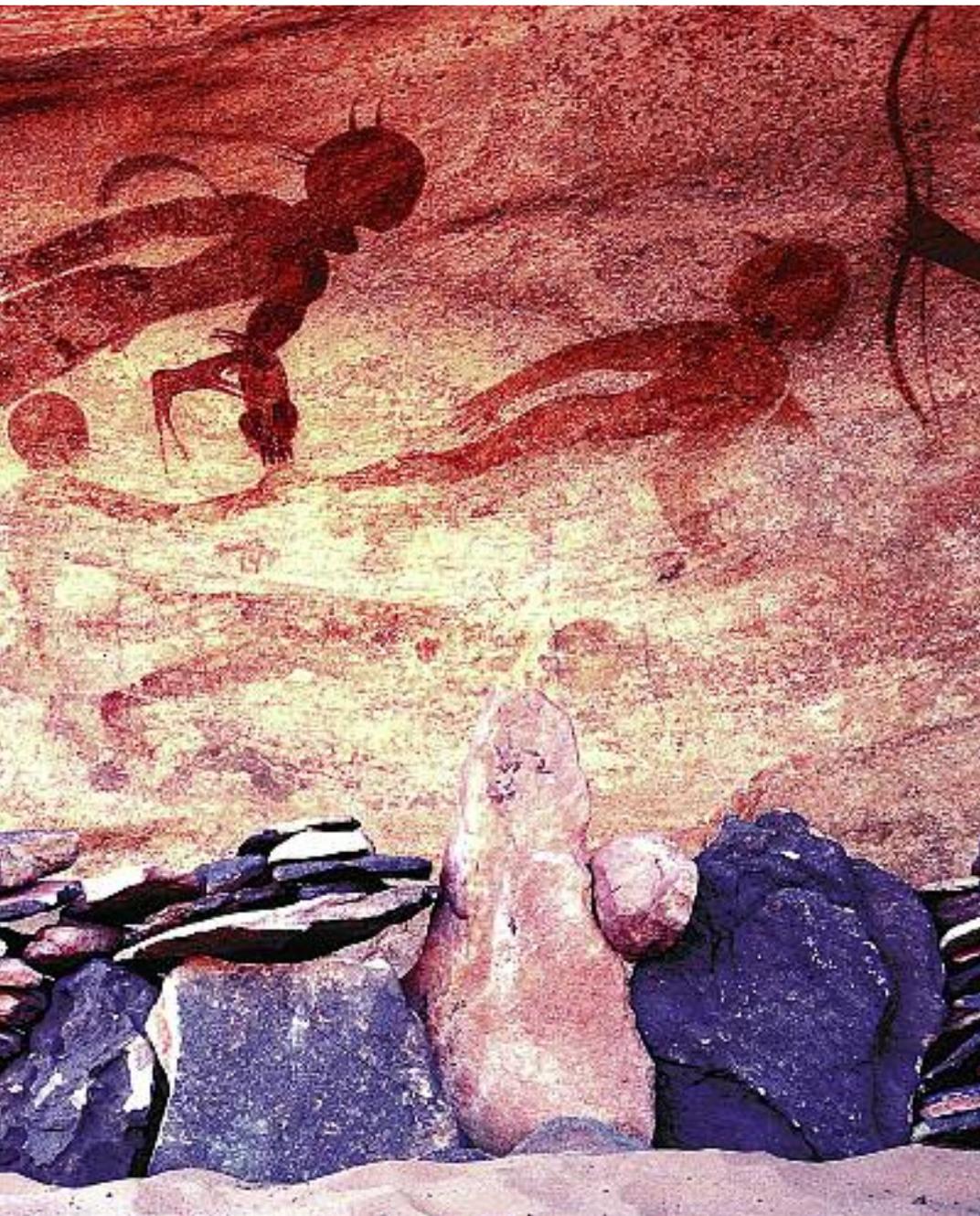
Цивилизационный подход не отрицает возможности подобных стадий человеческой истории, но при этом исходит из того, что цивилизационные изменения будут длиться бесконечно: столько, сколько человечеству предначертано существовать. «Конец истории» не будет, «окончательных стационарных состояний» – тоже. Локальные цивилизации продолжают влиять друг на друга, исчезать и появляться, переживать кризисы, время будет ставить перед ними новые вызовы, а они станут искать и находить ответы на них. В связи с этим говорят о цивилизационной динамике, о взаимовлиянии цивилизаций, об их столкновениях и диалогах.

Когда происходит существенное изменение культурно-

исторического типа, затрагивающее самые фундаментальные основы бытия народа, говорят о переходе цивилизации к иному типу, к осуществлению, тем самым, цивилизационного выбора. Например, в качестве перехода из одной цивилизации в другую рассматриваются такие масштабные события, как перевод народа из одной религии в другую. Наиболее распространенным примером из отечественной истории является принятие христианства на Руси в X веке – это многими трактуется как цивилизационный выбор. Такой подход не лишен оснований, но не лишен и неточностей: религиозный выбор не тождествен цивилизационному. Более очевидным и осознанным именно как слом культурно-исторической матрицы был переход к строительству социализма после 1917 года, в связи с чем эти действия скорее можно называть цивилизационным выбором.

Цивилизационный выбор – распространенное словосочетание, но плохо определенное понятие. Выбор – действие, производимое здесь и сейчас, в настоящее время. Поэтому говорить об осознанном цивилизационном выборе чаще всего можно лишь с оговоркой. Выбор чего-либо может иметь

оказывающие свое влияние на процесс цивилизационного развития, и в этом смысле считать, что они могут стать тем, что впоследствии назовут цивилизационным выбором.

Полноценный цивилизационный выбор, однако, имеет место в пространстве идей, образов будущего, мечты. Если общество вырабатывает желанный для своего развития образ и модель бытия, стремится к определенному цивилизационному будущему, то оно должно научиться соотносить свои действия со сделанным в образной форме цивилизационным выбором. А значит, важно не забывать, что любое действие – в политике, в экономике, в культуре и в религиозной жизни, в науке и технике, в духовно-нравственном и личностном развитии, – так или иначе, является элементом и фактором цивилизационной траектории, по которой движутся страны и народы. Поэтому наш проект, посвященный проблеме цивилизационной динамики, нацеливает общество, его лидеров и граждан на выработку умения соизмерять происходящее и собственные действия, определять место, роль и направление события в цивилизационной динамике.

Журнал называется Focus. Наряду с общепринятым восприятием этого слова – как точки, в которой сходятся лучи, преломленные линзой, как средоточия внимания на избранной проблеме – имеется и другой смысл,

место только тогда, когда есть субъект, обладающий возможностью производить выбор, и есть набор возможностей, из которых этот выбор производится. Важной особенностью, отличием цивилизации от государства является ее бессубъектность: у цивилизаций нет органов и персон, действующих от ее имени и в ее интересах. Чаще всего исторический процесс приводит страну к тем или иным цивилизационно новым состояниям в ходе сложным образом складывающихся процессов, под влиянием многих факторов. Часто осознание тех или иных действий в качестве факторов, приведших к цивилизационному выбору, приходит спустя время.

Тем не менее вдумчивые аналитики, ответственные политики и руководители всех уровней должны взвешивать свои действия на цивилизационных весах. Следует соотносить предлагаемые или навязываемые обществу пути, цели и ценности с тем новым состоянием, в какое попадут народ и страна. Отсюда очень многие явления жизни общества, внедряемые модели развития – экономического, политического, духовного и т. д. – можно и должно рассматривать как действия,

утраченный при применении данного слова в русском языке. Изначально слово focus означало огонь, очаг, источник жизни и тепла. И этот смысл для нас не менее важен. Но мы не вправе забыть и еще одно значение этого слова, так ярко описанное Владимиром Далем в его знаменитом словаре: «Фокус, фокус-покус – фиглярство, штука, морока, отвод глаз, непонятное явление, основанное на искусстве и проворстве фокусника, штукாரя или фигляра». Об этом мы тоже будем помнить. Например, размышляя над двумя похожими высказываниями – «цивилизационный выбор» или «выбор цивилизации». Первое из них о том, что народ как целое ведет свою цивилизацию по пути развития. Второе же о том, как часть народа, считающая себя элитой, хочет выбрать более комфортную лишь для себя цивилизацию, обманом заманивая в нее народ.

Важно подчеркнуть, что и проект в целом, и журнал являются независимыми дискуссионными пространствами, в которых есть место для выражения самых разных – в том числе и противоборствующих – идеологических, политических и иных течений и точек зрения. **F**

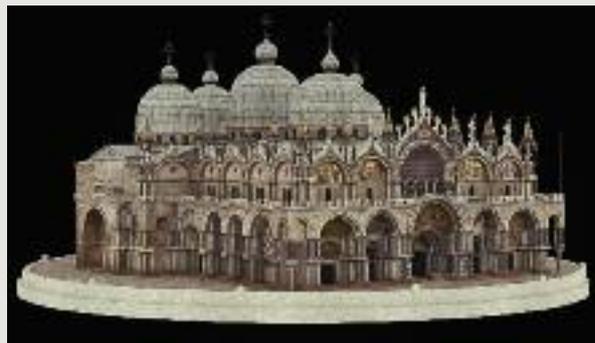
Великомученик Георгий со сценами жития. Двусторонняя икона. XIII век. Византийский и христианский музей, Афины

«Шедевры Византии»

Государственная Третьяковская галерея,
8 февраля – 9 апреля 2017 года

«Шедевры Византии» – третье событие перекрестного года России и Греции, организованное при участии Третьяковской галереи. Экспонируемые памятники датируются концом X – началом XVI века и дают представление о различных периодах византийского искусства и разных художественных центрах. Один из самых ярких экспонатов выставки – рельеф с образом великомученика Георгия со сценами жития. Он служит примером взаимодействия византийских и западноевропейских мастеров, положившего начало феномену мастерских крестоносцев – интереснейшей страницы в истории XIII века. Техника резьбы по дереву, в которой выполнена фигура святого Георгия, нехарактерна для византийского искусства и была, очевидно, заимствована из западной традиции, в то время как великолепное обрамление из клейм было создано в соответствии с канонами византийской живописи».

Из аннотации ГТГ к выставке

Базилика Сан-Марко в Венеции

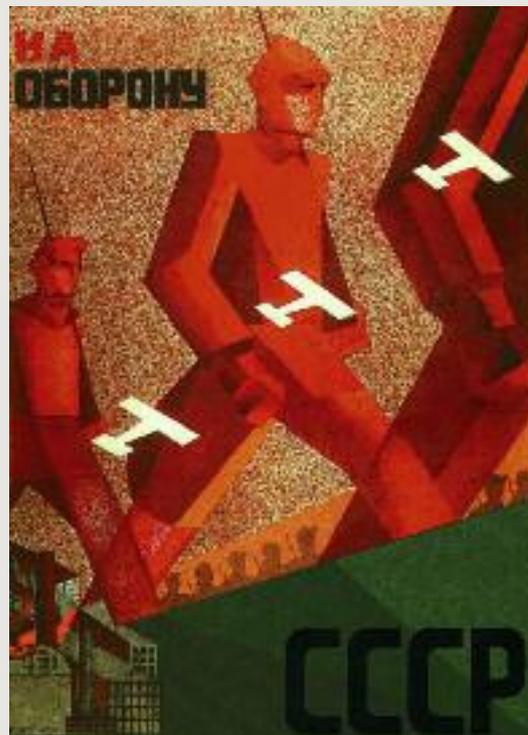
«От Базилики Сан-Марко в Венеции до Софийского собора в Великом Новгороде»

Государственный Русский музей,
4 марта – 23 марта 2017 года

«На мультимедийной выставке “Византия в третьем измерении: Ватикан, Италия и Россия” впервые представлены 3D модели шедевров из Италии, Ватикана и России. Мобильное приложение “Виртуальный музей наследия Византии – MuByz” содержит в своей трехмерной коллекции наиболее важные произведения византийской архитектуры».

Из аннотации ГРМ к выставке

Валентина Кулагина. На оборону СССР. 1930-е годы

«Представьте себе Москву»

Музей дизайна, Лондон, 15 марта – 4 июня 2017 года
«Русская революция в плакатах – выставка, посвященная столетию русской революции, представленной в воображении нового смелого поколения архитекторов и дизайнеров Советской России 1920-х – начала 1930-х годов».

Из аннотации Музея дизайна к выставке

«Вермеер и мастера жанровой живописи»

Лувр, Париж, 22 февраля –
22 мая 2017 года

«Выставка организована совместно с Национальной галереей Ирландии (Дублин) и Национальной галереей искусств США (Вашингтон). На выставке представлены великие шедевры Вермеера и работы его современников – таких, как Геррит Доу, Герард тер Борх, Ян Стен, Питер де Хох, Габриель Метсю, Каспар Нетшер и Франс ван Мьерис».

*Из аннотации Музея Лувра
к выставке*

**Вермеер. Женщина, держащая весы. 1662-1663 годы.
Национальная галерея искусств, Вашингтон**

**Ханс Грундиг. Против атомной смерти.
1958 год. Государственный Эрмитаж**

«Лицом к будущему. Искусство Европы 1945–1968»

Государственный музей изобразительных искусств
имени А.С. Пушкина, 7 марта – 21 мая 2017 года

«Уникальный по своей масштабности проект продолжается второй год, и за это время выставка уже показывалась последовательно в Брюсселе и Карлсруэ. Несмотря на то, что состав экспозиции каждый раз претерпевал изменения, принципиальная концептуальная позиция остается неизменной – это взгляд на послевоенное искусство и культуру Западной и Восточной Европы как на единый художественный ландшафт, созданный усилиями мастеров разных стран, к каким бы политическим лагерям они ни относились. Представлены работы таких мастеров, как Герхард Рихтер, Георг Базелиц, Марк Шагал, Александр Дейнека, Пабло Пикассо, Ив Кляйн, Лучо Фонтана, Жан Дробиоффе, Люсьен Фрейд, Фернан Леже, Франциско Инфанте-Арана, Жан Фотрие, Отто Дикс, Вадим Сидур, Армандо, Отто Мюль, Тадеуш Кантор и др.»

Из аннотации ГМИИ имени А.С. Пушкина к выставке

**Виктор Борисов-Мусатов. Автопортрет
с сестрой**

«Виктор Борисов-Мусатов и мастера общества “Голубая роза”»

Государственный Русский музей,
2 марта – 29 мая 2017 года

«Выставка представляет творчество В.Э. Борисова-Мусатова (1870–1905) – одного из ведущих мастеров русского символизма в контексте продолжения и развития его художественной программы в деятельности общества “Голубая роза”. Рядом с произведениями Борисова-Мусатова будут демонстрироваться работы Павла Кузнецова, Николая Крымова, Сергея Судейкина, Николая Сапунова, Мартироса Сарьяна, Петра Уткина, братьев Милиоти и других участников “Голубой розы”, первая выставка которой состоялась 110 лет назад, в 1907 году. Экспозицию составят около 80 живописных и графических работ из собрания Русского музея и частных коллекций Петербурга».

Из аннотации ГРМ к выставке

Валерий
КУСТОВ

ДУША РОССИИ на распутье

В настоящее время в России остро стоит вопрос активизации общественного и экономического развития. В третье тысячелетие страна вошла с поучительным опытом разнотипного собственного переустройства – как социалистического, так и капиталистического. И этот непростой опыт все больше подсказывает необходимость такого жизнеустройства, которое максимально активизировало бы людей на труд и давало бы ощущение счастья. Все в большей степени мы понимаем, что психологические особенности русских, россиян, наша душа требуют соответствующего жизнеустройства, где бы различные «измы» занимали не главенствующую роль, где бы мы думали больше не о том, какой у нас тип социально-государственного устройства, а насколько оно соответствует душе нашего народа, нашим архетипам.

В этом случае развитие общества будет наиболее гармоничным.

Валерий Николаевич Кустов –
председатель Совета директоров
Группы компаний «ЭФКО»,
кандидат психологических наук

Два типа цивилизаций

В настоящее время все чаще говорят о двух типах цивилизаций: цивилизации, придающей решающую роль индивидуализму человека (типичный представитель – США), и цивилизации, уделяющей приоритетное

внимание коллективу, общине, народу (типичные представители – страны исламского мира).

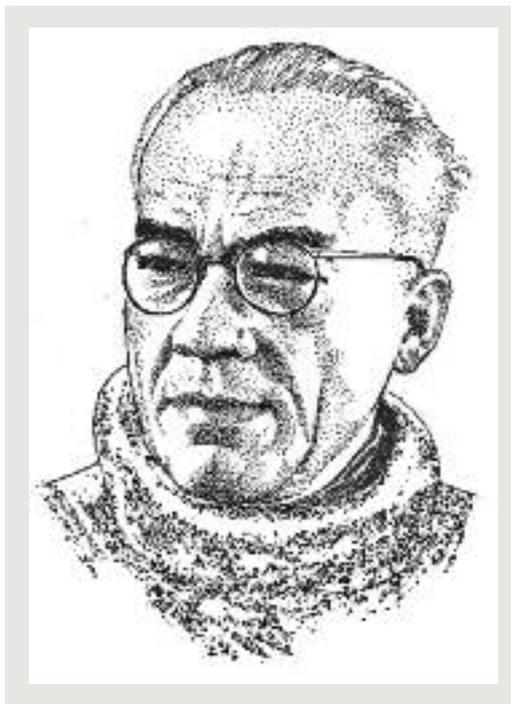
Россия при этом вновь занимает свое особое место. Длительное время она была оазисом общинной психологии, коллективизма. В начале 90-х годов ее общественно-экономическая жизнь стала переходить на принципы индивидуализма, абсолютизации роли и значимости эгоизма, внедрять способ производства и особые отношения между людьми, которые приняты в американском обществе. Россия испытала и государственное устройство, построенное на принципах всеобъемлющего коллективизма, и устройство, при котором индивидуализм и стремление к наживе любой ценой захватили большую часть населения. Сейчас Россия переживает период, когда русский народ все отчетливее осознает, что дикий капитализм и стихия индивидуализма встречают внутреннее сопротивление в глубине его души.

Многие психологи говорили, что государственное устройство людей должно учитывать особенности архетипов их бессознательного. Так, Гюстав Лебон отмечает: «Врожденные представления составляют наследство расы, завещанное отдаленными или ближайшими предками, наследство, воспринимаемое человеком бессознательно при самом рождении его и направляющее его поведение. Приобретенные или умственные представления суть те, которые человек приобретает под влиянием среды и воспитания. Они направляют рассуждение, разъяснение, толкование, и очень редко – поведение. Их влияние на действия остается совершенно ничтожным до тех пор, пока представления, наследственно повторяясь в поколениях, не перейдут в область бессознательного и не сделаются чувствами. <...> Если и удастся иногда приобретенным представлениям восторжествовать над врожденными, то это бывает только тогда, когда последние были уничтожены врожденными же представлениями противоположного свойства, как это случается, например, при скрещивании представителей различных рас».

Подтверждением данных слов служат события, происходящие в России. Россия – страна традиционного коллективизма, общинности, людей особого состояния духа. На определенном этапе развития в силу имманентных, большей частью психологических причин на почве российской истории упали семена, призывающие к общественному строю, основанному на личном интересе, эгоизме. Да, были объективные экономические причины для появления такого мнения. Но это мнение в полной мере не учитывало архетипы русского народа. Оно направляло рассуждения, разъяснения, толкования приоритетов общественного развития, но в итоге несколько не изменило душу народа. Беззащитный эгоизм, стремление к наживе как универсальный способ мотивации людей так и не стали определяющими архетипами нашей нации.

Как реакция на происходящее пробуждается стремление русского народа, его элиты не к инди-

Говоря о русском характере, Иван Солоневич (на иллюстрации) отметил в нем «глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт». Именно этот инстинкт направляет наш народ на путь мобилизации государственного потенциала для выхода из, казалось бы, безвыходного положения тотального крушения Государства российского

видуальному накопительству, а к государственности.

Говоря о русском характере, Иван Солоневич отметил в нем «глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт». Именно этот инстинкт направляет наш народ на путь мобилизации государственного потенциала для выхода из, казалось бы, безвыходного положения тотального крушения Государства российского.

Зная об этом инстинкте, об этом архетипе, можно ли было навязывать русскому народу путь развития, построенный на естественном эгоизме людей? Если любому народу навязать такое общественно-государственное устройство, которое не соответствует его архетипу,

то психология людей после некоторого неосознаваемого периода подобно маятнику пойдет в обратную сторону, выплескивая вместе с ненавистью, неудовлетворенностью и то положительное, что содержится в общественном устройстве, построенном на индивидуалистическом начале.

Стремление к коллективизму, общинность быта – это традиционные черты русского народа. Поэтому общественное устройство, не учитывающее их, обречено на провал.

У русских людей традиционно была высокая зависимость – как экономическая, так и психологическая – от соседей. Это вытекает из фундаментальных психологических особенностей русских людей и нашего общественного сознания. Можно го-

ворить о наличии в русском народе, в его общественном и индивидуальном сознании эффекта так называемого двойного зажима. Этот эффект позволяет чувствовать, воспринимать противоположные явления и процессы. Для русского народа характерны тяга к справедливости, истине, сострадательность, глубокое осмысление действительности, однако отсроченное по времени от конкретной ситуации.

Психология русских такова, что высокая эмпатичность является одной из фундаментальных национальных особенностей. И потребность в эмпатии, общности взглядов и чувств предопределяет тот факт, что эти чувства оказываются нередко сильнее чувства обогащения, чувства частной собственности – или, во всяком случае, борются с ними. Отсюда ограниченность схем мотивации, построенных только на достигнутых и ростовщических мотивах. Попытки перенести в российскую действительность систему управления персоналом западного типа оказываются удачными лишь в узком слое русских, перенявших данную культуру. Однако эта культура заимствовалась – и в значительной степени – за счет эффекта двойного зажима: тянуло и к тому, что было новым, необычным.

Эмоциональная зависимость русских людей от окружающих, от своих соседей и товарищей привела к особой значимости для нас мо- ➔

Михаил Нестеров. На Руси. Душа народа. 1915-1916 годы

Богоискательство, стремление к добру, поиск всеобщей справедливости и смысла жизни так характерны для русского народа. Искони на Руси всем народом принимались больше те идеи, которые содержали в себе проповедь справедливости

→ ральных норм. Эти нормы построены так, что каждый может рассчитывать на помощь окружающих. Такой моральный стандарт более соответствует архетипу русского народа. Достижение цели у русских нередко происходит сообща, «строим», коллективно.

По своему восприятию русский человек более эмоционально-чувственный, чем абстрактно-логический. Особенно рельефно это отличие характерно для современных крестьян (а раньше Россия более чем на 90 процентов была крестьянской). Эмоционально-чувственная личность более ранима, более склонна к внутренним переживаниям. Внутренняя жизнь для русского – довольно трепетное состояние. Восприятие внешних влияний и воздействий, если они не соответствуют состоянию души, протекает сложно и противоречиво. В конечном счете такие идеи встречают сопротивление в глубине русской души, в глубинах бессознательного.

Соприкосновение же душ у русских протекает как процесс не только эмпатичный, но и полный содержания и определенного смысла. Отсюда такая значимость для русских совместных идей и идеологического объединяющего начала.

Богоискательство, стремление к добру, поиск всеобщей справедливости и смысла жизни так характерны для русского народа. Искони на Руси всем народом принимались больше те идеи, которые содержали в себе проповедь справедливости. Для русских важно, чтобы было хорошо всем, а не только конкретному индивиду. И это вытекает из психологической сущности архетипов русских людей, для которых эмоциональное сближение, эмпатия с близкими по духу – зачастую более значимые ценности и потребности, нежели личное обогащение.

А если это так, если это соответствует архетипам русской души, то и организация общественной жизни на основе эгоизма и индивидуализма приведет к противоположной реакции, будет малоэффективной.

Материальное производство у русских развивается более высокими темпами, когда все поглощено одной национальной идеей, когда нации трудно, когда у нее нет иного выхода, как развиваться быстро, безудержно, стремительно.

Индустриализация, перевод народного хозяйства с мирных рельс на военные, восстановление экономики, ее развитие с целью достижения близкого светлого будущего давали

невиданные в истории темпы развития. Все это достигалось за счет сплочения нации, активизации моральных мотивов к труду и подавления в себе эгоистических импульсов. Для русских более просто и естественно подавить в себе эгоистический инстинкт, нежели инстинкт к эмоциональной идентификации, инстинкт общности, коллективизма. Этот инстинкт находится в бессознательном, архетипах русского народа достаточно давно. Неслучайно на Руси не было рабства, а общинное устройство рассматривалось как особый фактор, предопределяющий ее социальную структуру в целом, неслучайно Россия стала первой социалистической страной.

Общность для русских важна не только как эмоциональный факт, но и как духовное единение, как смысл жизни. Именно поэтому смыслообразующие идеологии на Руси получают поддержку у народа. Все стремления, построенные на использовании только общечеловеческих инстинктов, наоборот постепенно затухают.

Русское общество, как и любое другое, социально неоднородно. Так было всегда, так будет и в дальнейшем. Мир не знает примеров построения социально однородных обществ. Мир не знает также примеров, когда при неудовлетворенных первичных, базовых потребностях людей они в массовом порядке искали бы смысл жизни. В этом состоянии любой человек, в том числе и русский, включит механизмы самовывживания и будет бороться за кусок хлеба и глоток воды.

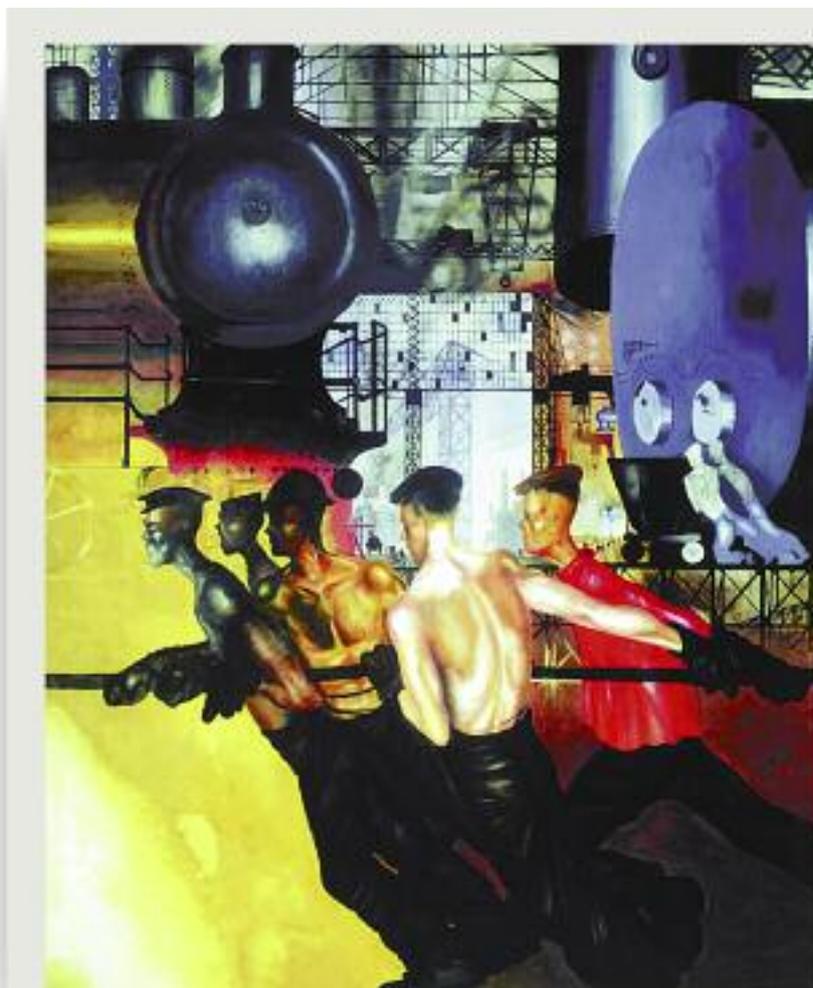
Но для России характерна минимизация первичных потребностей. Типичному русскому стыдно есть что-то, когда на тебя глядят глаза голодных детей. Он обязательно поделится. Минимизация первичных потребностей – это и хорошо, и плохо. Хорошо – потому что община, коллектив обеспечивает удовлетворение минимальных потребностей людей. Плохо – потому что это не способствует усердию сильных, чтобы иметь больше и лучше. У сильных личностей включаются защитные реакции, и они начинают оправдывать перед собой и другими тот факт, что не напрягаются с полной отдачей. Подобное явление в массовом масштабе наблюдалось и в период социализма, особенно в 70–80-е годы, когда идея национального спасения, выживания нации уже фактически не действовала, а идея внешней опасности в полной мере не срабатывала.

Для русских всегда была характерна минимизация потребностей (много иметь и есть, когда другие голодают, стыдно, а перенапрягаться, трудиться так, чтобы много есть всем, наиболее сильным неохота). Эту историческую черту отмечал в свое время еще Отто фон Бисмарк: «Россия опасна мизерностью своих потребностей».

Эмоциональная, духовная взаимозависимость выступала одним из основных факторов, ограничивающих величину базовых потребностей людей. Это было свойственно русским, россиянам в период Великой Отечественной войны и в период послевоенного восстановления экономики, это характерно и по сей день.

В России, по данным известного социолога Натальи Римащевской (1999), субъективно бедными и малообеспеченными считают себя лица, которые:

- недоедают;
- не имеют средств на ремонт и покупку необходимой одежды и обуви;
- не могут приобрести холодильник, самую простую мебель и даже черно-белый телевизор;
- не имеют средств на приобретение жизненно важных лекарств;
- не могут обратиться к платным врачам;
- не могут оплатить похороны;
- не могут даже иногда покупать фрукты и сладости детям;

Юрий Пименов. Даёшь тяжёлую индустрию! 1927 год

Материальное производство у русских развивается более высокими темпами, когда все поглощены одной национальной идеей, когда нации трудно, когда у нее нет иного выхода, как развиваться быстро, безудержно, стремительно

- не имеют в полной мере средств на питание детей в школе и оплату детского садика или яслей.

К бедным исследовательница относит тех, кто испытывает два и более лишения из перечисленных выше. В то же время, например, у английской семьи критерии бедности совершенно иные. Субъективно бедными себя считают те англичане, которые не имеют возможности ежегодно отдыхать вне дома. Россияне же даже не упоминают этого в критериях бедности.

Следует отметить, что выявление бедных через лишения дает иной результат, нежели ориентация на прожиточный уровень. Бедных, выявленных через лишения, в России оказалось в два раза меньше,

чем через определенных в соответствии с величиной прожиточного минимума. К тому же на селе, несмотря на более низкий уровень дохода, субъективно бедными себя считают немногие (процент таковых меньше, чем в городе): здесь на психологическом уровне происходит минимизация потребностей, но эти минимальные потребности удовлетворяются с большей гарантией, чем в городе. Так, в городе люди могут голодать, а на селе представить такое можно только в случае с отпетыми лодырями. Минимальное, но гарантированное удовлетворение потребностей – это фактор, заставляющий обеими руками держаться за свое подворье и коллективное ведение хозяйства. Общинная жизнь →

→ на селе никогда не прекращалась. Похороны, рождение ребенка, пожар и пр. всегда были делами общими, коллективными. И человек в условиях общинной психологии никогда не оставался один на один со своим горем. Для селянина не такое уж частое явление, когда он субъективно ощущает себя очень бедным. Он чаще всего таков, как и все. И хотя материальная планка бедности на селе может быть ниже, чем в городе, люди себя бедными, как правило, не считают.

Если на селе потребности минимизировались, то в городе имеют место разные процессы. С одной стороны, стремление к достатку и богатству, с другой стороны – выделение групп населения, которые довольствуются малым и у которых также происходит психологический сдвиг в сторону минимизации потребностей и снижения достиженческой мотивации.

Когда потребности минимизируются и люди получают гарантированный минимум, у них возникает эмоциональное удовлетворение от общения. Общение как роскошь человеческого бытия более проявляется в среде равных. Потребность в общении фиксируется в архетипах, которые можно выявить разными путями.

Во-первых, современными исследованиями установок бессознательного.

Во-вторых, с помощью экспертных оценок лиц, которые недавно приехали в Россию, либо же с помощью наших людей, оказавшихся в силу каких-то обстоятельств за границей. У русских, вдруг ощутивших на себе влияние иной культуры, обостряется стремление жить так, как велят им их совесть, голос предков, архетипы.

В-третьих, через изучение исторических событий и фактов, особенно прошлого столетия, когда Россия смела институт частной собственности, провела поголовную национализацию и когда так же резко отказалась от самых высокопродуктивных государственных, общенародных проектов в пользу их денационализации, в пользу частного капитала.

Таким образом, архетипы не есть вещи в себе, они поддаются рациональному осмыслению.

**Франц фон Ленбах.
Князь Отто фон Бисмарк. 1879 год**

**Отто фон Бисмарк:
«Россия опасна
мизерностью
своих потребностей»**

Одним из таких архетипов является стремление к коллективизму, общинности, соборности. И в этом стремлении Россия не одинока, подобный тип цивилизации характерен для многих народов. В такой цивилизации влияние общественного мнения на поведение индивида исключительно сильно, порой тотально. Подобное влияние очень эмоционально и психологично. Люди общинной культуры эмоционально, эмпатично зависимы от других лиц. Эта психологическая зависимость усиливается зависимостью экономической. Аналогичные личности есть и на Западе, но там они воспринимаются скорее как отклонение от нормы, когда доброе отношение окружающих, их эмпатия оказываются настолько сильными базовыми потребностями, что порой (в своих крайних проявлениях) становятся выше потребности в безопасности и даже затмевают собой инстинкт самосохранения. Как в одном из сонетов Уильяма Шекспира: «Убей меня, но будь ко мне добра».

Для этих людей сделать что-то против своих – себе дороже. Настрой коллектива против такой личности лишает ее комфорта общественного существования – эмпатии,

сочувствия, совместного переживания, – в то время как потребность именно в этом является для нее определяющей. Неслучайно в минуты радости и горя люди тянутся друг к другу. Радость усиливается, когда радуются другие, а горе легче преодолевается в компании.

Однако для разных людей потребность в общении и в одиночестве неодинакова. Есть те, кто не мыслит себя вне коллектива, вне общения, для кого отсутствие эмоциональной эмпатии – это трагедия, горе. Но есть и другие – лишённые такой психологической особенности. На самом деле она у них есть, но проявляется в ситуации стресса, во время лишений и страданий. В условиях же обычной жизни

этим людям чужда сострадательность. Они нацелены на достижение собственных целей любой ценой. Это типичная ростовщическая психология: я дам тебе деньги, но ты верни больше во что бы то ни стало. Человек с такой психологией не учитывает того, что иному вернуть сложно – а иногда и невозможно – даже взятую сумму. Но с другой психологией ростовщик разорился бы. А вот эмпатичная личность просто не в состоянии стать ростовщиком.

Было бы неправильно оценивать эти разные личности по шкале «плохой–хороший». Ростовщический тип личности также необходим – благодаря ему происходит концентрация капитала, общество развивается более высокими темпами. Пусть этому настрою сопутствуют безжалостность и бездушность, но нередко эти качества приносят успех в чем-то важном и нужном. Тот же Шекспир замечал: «Чтоб добрым быть – жестоким быть обязан».

Между тем есть люди, для которых эмоциональный разрыв с окружающими смерти подобен. Эмпатия для них – одна из основных, базовых потребностей. Такие люди зависимы от окружающих, они боятся потерять их доверие и взаимопонимание с ними. Для общества коллективного типа особо значимо установление и соблюдение норм взаимоотношений между людьми. Если человек не обладает способностью чувствовать, предугадывать отноше-

ние другого к себе, реакцию окружающих на то или иное действие, он просто не приживется в подобном сообществе.

Российское общество – именно такое. У нас менее выражена ростовщически-достиженческая психология. Как считал Николай Бердяев, «душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и <...> никогда ему не поклонится в последней глубине своей». Но неверно считать людей с общинной, коллективной психологией неспособными к достиженческой мотивации. Такая мотивация может стать для них определяющей и всепоглощающей, однако только в том случае, если охватывает все общество и превращается в общенациональную идею. Но для этого необходимо эмоциональное единение людей. При таком единении порыв может быть неистовым, страстным, достиженческим. Поэтому особую роль в консолидации обществ подобного типа играют религия или идеология, национальная идея. Есть такая идея – общество спланируется вокруг нее и творит чудеса, как это не раз случалось в нашей истории. У нас, как и у других народов, базовые потребности конкурируют между собой. Но при этом русский лучше откажется от удовлетворения других потребностей, но не от обеспечения духовного единства, общинной жизни, эмоциональной идентификации.

Русская достиженческая мотивация принципиально отличается от западной достиженческой мотивации. На Западе одобряется рационально-достиженческая и даже ростовщически-достиженческая мотивация – ради личного обогащения или обогащения узкого круга лиц за счет других. Но для общинного сознания нехарактерна такая мотивация: ее обладатели просто не уживутся в коллективе, они элементарно не смогут получать эмоциональную признательность от окружающих.

Чтобы быть частью общины, человек должен чувствовать других, понимать, что можно, а что нельзя, что другие одобряют, а что – нет. Без этого психологического механизма существование общинной цивилизации невозможно. В ней желание удовлетворять потребности за счет других блокируется, подавляется, вытесняется. А если какие-либо индивидуалистические начала – например, эгоизм – и проявляются в обществе с эмпатичным типом мотивации, то они выражаются, как правило, в сильно измененном виде.

Так, тот же эгоизм сводится к желанию получить удовлетворение от общения с другими лицами, а общества – с другими народами. Русский человек чувствовал себя комфортно даже тогда, когда приезжал в страны, которым оказывалась помощь, но народы которых жили лучше русских в материальном отношении. Для нас порой лучше что-то отдать, но в ответ получить искреннюю признательность, нежели что-то ухватить себе, но попасть за это под общественное осуждение. Мы всегда искренне желали получить взамен за оказанную помощь признательность, ощутить принятие наших взглядов, идей, чувств.

Два способа социального конструирования

Влияние на людей с рационально-достиженческими и эмпатично-общинными мотивационными особенностями напрямую зависит от их психологической специфики.

Для рационально-достиженческого типа личности характерна направленность главным образом на реализацию личных целей, кото- ➔

Общинная жизнь на селе никогда не прекращалась. Похороны, рождение ребенка, пожар и пр. всегда были делами общими, коллективными. И человек в условиях общинной психологии никогда не оставался один на один со своим горем

Григорий Мясоедов. Страдная пора (Косцы). 1887 год

не играют принципиальной роли: людей чаще останавливают не внутренние запреты, а законы, сопротивление других людей и рациональная целесообразность. Если риск потерь от достижения поставленной цели выше, чем вероятность победы, то цель может быть отвергнута. При этом моральные нормы в целом не отрицаются, но они достаточно прагматичны.

Такое общество держится более не за счет порывов отдельных людей, а за счет социальной системы, за счет государства, которые гармонизируют интересы индивидов, социальных групп и находят между ними компромисс. Здесь принято уповать больше на институты, нежели на общественное мнение.

Противоречие между богатыми и бедными решается в рационально-достиженческом обществе с помощью механизма демократии, когда богатые отстегивают бедным ради своего спокойствия. И в результате у бедных постепенно складываются иждивенческие настроения.

Внутреннее развитие личности в рационально-достиженческом обществе в социокультурном и духовном отношении, как правило, проще. Личности тут не нужно тратить особые силы на осознание себя частью общества, ей можно быть менее

ся от нравственных и духовных исканий Льва Толстого и Федора Достоевского.

Содержание идей для рационально-достиженческого общества не играет существенной роли. Идеи здесь служат в качестве способа достижения поставленной цели. Мораль и нравственность также не столь важны, как в эмпатично-общинной среде. Соблюдение законов в рационально-достиженческом обществе важно, но их «умное» нарушение нередко считается доблестью.

Нормы взаимоотношений в рационально-достиженческом обществе выступают как бы компромиссом между лицами, обладающими реальной силой, властью (денежной, военной и др.), и народом. Эти нормы более отражают реальное соотношение возможностей отдельных личностей, нежели их внутренние переживания. И основная моральная норма тут сводится к тому, что личность с большими возможностями (материальными, интеллектуальными, родственными и т. п.) имеет право более полно удовлетворять свои потребности.

Внутренние переживания в рационально-достиженческом обществе должны работать на реализацию поставленной цели. Если такие переживания этому мешают, то они просто подавляются.

В рационально-достиженческом обществе большим авторитетом

Николай Бердяев:

«Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные блага высшей ценностью. <...> Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговеет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества»

Благоразумный разбойник. Середина XVII века

→ рые преимущественно связаны не с внутренним развитием личности, а с обладанием чем-то или кем-то. Но достигая поставленной внешней цели, личность развивается. Поэтому развитие личности зависит от целей, которые она ставит.

Внутренние самоограничения в процессе осуществления этих целей

изопренной в понимании переживаний окружающих, можно меньше подстраиваться под других. Демократические механизмы помогают личности соотносить себя с обществом более эффективно, чем механизмы взаимопонимания или душевные потуги в поисках справедливости и смысла жизни. Нравственные смыслообразующие искания писателей рационально-достиженческого общества отличаются

пользуется тот, кто богаче, кто проще и естественнее удовлетворяет свои потребности.

Для эмпатично-общинной среды характерна совершенно другая картина.

Здесь неперемными условиями являются гармония личных целей с общественными, личностное восприятие социально значимых целей. Такие цели в большинстве своем связаны как с общественными инте-

ресами, так и с внутренними потребностями развития человека.

Внутренние самоограничения, терзания, нравственные поиски могут проявляться при постановке и достижении поставленной цели. При этом отдельные личности в эмпатично-общинной среде в состоянии брать ответственность на себя и ради большинства переступать через общепринятые нормы. Людей здесь способны остановить не столько внешние ограничения, сколько внутренние сомнения, терзания. Такие сомнения и терзания могут идти вразрез и с прагматической необходимостью. Так, вместо того чтобы оценить соотношение сил и сдать врагу, обладающему превосходящими силами, люди эмпатично-общинной культуры вопреки нормальной логике сочтут своим долгом принять бой и погибнуть ради будущего.

Если цель общественно значима и поддерживается большинством, то на ее осуществление будет направлена неистовая энергия – даже если риск поражения выше, чем вероятность победы. И наоборот – если цель не одобряется сколько-либо представительным мнением, то она в большинстве случаев не принимается. Бердяев это выразил так: «Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные блага высшей ценностью. <...> Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества».

Общество держится за счет порывов как отдельных людей, так и нации в целом. Единое мнение, миропонимание, единство переживаний в таком обществе для прогресса значат порой неизмеримо больше, чем усилия органов власти и социальных институтов. В свою очередь, этот общий строй мыслей и взглядов определяется авторитетом тех, кто их формулирует, – авторитетом, определяемым не материальным достатком, а склонностью к поиску справедливости, истины и правды, понятных и принятых всем народом. Авторитетность личности зависит от того, насколько она ясно и последовательно выражает архетипы народа, не теряя душевной связи с ним. В таком обществе боль-

Василий Пукирев. Прием приданого в купеческой семье по росписи. 1873 год

Ростовщический тип личности также необходим – благодаря ему происходит концентрация капитала, общество развивается более высокими темпами. Пусть этому настрою сопутствуют безжалостность и бездушность, но нередко эти качества приносят успех в чем-то важном и нужном

шим авторитетом пользуются те, кто более заботится о других, кто свое отдает наиболее обездоленным. Или же те, кто сражается за это и живет этим.

Противоречие между богатыми и бедными в пространстве эмпатично-общинных ценностей решается с помощью эмоционального отношения, общественного мнения или же сметающего всё на своем пути народного гнева. Народ тут простит любое богатство – раздели ты его чаяния и помыслы. И напротив – никакое богатство не поможет, если по отношению к его владельцу накопились ненависть и неприязнь. Никакие современные психо- и политтехнологии, никакие средства массовой информации не в состоянии отмыть политиков, запятнавших себя предательством. И в то же время народ в такой культуре отход-

чив и легко прощает тех, кого еще недавно хотел растерзать, – лишь бы промахи этого человека не вызвали сомнений в его святости, справедливости и человечности. А уж если человек раскаялся в содеянном им, то простить ему могут многое. Истинное раскаяние – это всегда глубокая эмпатия с другими.

Личности в эмпатично-общинной культуре с трудом поддаются рациональному вычислению, формально-логическому пониманию. Это личности ищущие, осознающие себя в мире сем, свои роль и место. На поиск правды, справедливости и смысла жизни у таких людей уходит немало времени. Более всего подобными исканиями управляют эмпатичные переживания, ожидания наиболее значимых, референтных для данного человека людей. Идеи для людей эмпатично-об- ➔

Уильям Блейк. Сострадание. Около 1795 года

Личности в эмпатично-общинной культуре с трудом поддаются рациональному вычислению, формально-логическому пониманию. На поиск правды, справедливости и смысла жизни у таких людей уходит немало времени. Более всего подобными исканиями управляют эмпатичные переживания, ожидания наиболее значимых, референтных для данного человека людей

→ щинной культуры нередко оказываются самоцелью, к которой они продолжают идти даже тогда, когда это становится невыгодно.

Мораль, нравственность, общепринятые ценности и нормы поведения играют в этих обществах особую роль – несопоставимо большую, нежели законы и их соблюдение. Общество может не следовать законам, пренебрегать ими, если их требования не отвечают преобладающему мнению.

Нормы взаимоотношений в эмпатично-общинной среде оказываются результатами совместных переживаний. Эти нормы более отражают

реальное соотношение, а порой и столкновение архетипов людей.

Внутренние переживания представителей данной культуры живут нередко своей особой, автономной жизнью, влияя на социально-экономический уклад. Регулярно возникают ситуации, когда внешне, формально-логически целесообразные нормы, правила и законы не соблюдаются, когда они не соответствуют архетипам людей, их психологическим особенностям.

Здесь надо быть вместе со всеми – побеждать и ошибаться, – а если уж и конфликтовать, то порой ради будущего тех лиц, с которыми этот кон-

фликт протекает. Сами же конфликты в эмпатично-общинной среде часто случаются между самыми близкими, самыми дорогими людьми.

Никто в данном обществе не обладает правом безраздельно удовлетворять свои материальные потребности. Минимизация же потребностей выступает своеобразной индальгенцией для человека даже с большим богатством, хотя авторитет богатых и неизмеримо ниже, чем у правдоискателей.

Осуждение окружающих воспринимается тут как одна из самых негативных санкций.

Люди эмпатично-общинной культуры более эмоционально-чувственные, у них более сильная впечатлительность. Это и понятно: данные качества заставляют людей быть вместе, подчиняться общественному мнению, испытывать одинаковые чувства и переживания. В силу этого для данной культуры более значим учет особенностей бессознательного и архетипов при проведении социального конструирования.

Такое общество устойчиво, когда система экономических отношений более или менее стабильна, когда миграция людей минимальна, когда общественное мнение может следить за поведением каждого. Названные условия более соответствуют особенностям жизнедеятельности на селе. Городские условия жизни уже размывают подобное жизнеустройство, так как в них человек может позволить себе удовлетворять свои желания (половые, проявления негативных эмоций и др.), не ориентируясь на неизбежность санкций со стороны общественного мнения. Общественное мнение здесь уже не является всевидящим оком.

Люди тут порой бессознательно ищут человека-диктатора, жесткого правителя, который заставил бы поддерживать заведенные порядки – а значит, уберег бы эмпатично-общинную культуру от разрушительного соседства, сосуществования с рационально-достиженческой культурой.

Ростовщически-достиженческая культура живет эмпатично-общинной культурой, питается ей, паразитирует на ней. Однако не следует идеализировать и эмпатично-общинную культуру. И в ней существует борьба людей, идей, эксплуатация одних другими. Для такой культуры, например, характерно деление людей на общественников и предметников. Общественники – это те, кто лучше и тоньше чувствует окружающих людей и может управлять ими. Предметники же – те, кто более разбирается в технологических процессах, но менее способен управлять общественным мнением. Общественники объединяются и начинают использовать предметников в своих интересах. Общественники чаще оказываются руководящими работниками. Предметников также допускают до руководства, однако чаще всего это случается в критических ситуациях. Но после того как предметник справился с трудностями, его заменяют общественником.

При урбанизации жизненного пространства эмпатично-общинной культуры проживающие в нем личности могут начать бессознательно искать человека, который защитил бы их естественное стремление к равенству и предотвратил бы распад коллективного начала.

Кадр из фильма «Великий диктатор» 1940 года

При урбанизации жизненного пространства эмпатично-общинной культуры проживающие в нем личности могут начать бессознательно искать человека, который защитил бы их естественное стремление к равенству и предотвратил бы распад коллективного начала. Такая потребность способна актуализировать запрос на установление диктаторского режима

Такая потребность способна актуализировать запрос на установление диктаторского режима, который силой заставлял бы всех по-прежнему подчиняться единым правилам и тем самым удерживал бы от разрушения социально-психологическую среду, в которой люди данной культуры чувствуют себя комфортно. Поэтому диктаторские режимы более характерны для обществ с эмпатично-общинной культурой, особенно на момент начала ее разрушения частнособственническими устремлениями в складывающихся рыночных отношениях.

Любые социальные нововведения в эмпатично-общинной и рационально-достиженческой культурах должны учитывать психологические особенности и архетипы людей этих культур. Социальное конструирование более безболезненно происходит в рационально-достиженческой культуре. Его закономерности просчитываются логически и в принципе поддаются научному анализу и прогнозу на длительную перспективу. В эмпатично-общинной культуре, где люди более эмоционально-чувственные, без понимания особенностей их бессознательного, их ар-

хетипов сложно рассчитывать на успех. Поэтому социальное конструирование здесь становится искусством, а требования к нему предъявляются достаточно высокие. Организаторы социального конструирования в эмпатично-общинной культуре не должны принадлежать всецело ей, иначе они попросту не смогут быть эффективными при взаимодействии с представителями рационально-достиженческой культуры. Но они не могут быть и совершенно вырванными из данного общества, оторванными от него, так как в таком случае окажутся неспособными чувствовать и понимать поведение людей, их бессознательные инстинкты и стремления.

Если на заре российской государственности русские приглашали к себе «княжити» правителей со стороны, то в настоящее время лиц, способных осознать и сконструировать оптимальную систему управления в России, отражающую национальные архетипы, нужно искать не в среде рационально-достиженческой культуры. Такие искания уже подвели нас к пропасти. **Б**

Окончание следует

«Турандот»

Опера в трех действиях на музыку Джакомо Пуччини
Премьера 28 января 2017 года

«Геликон-опера»

Либретто – Джузеппе Адами и Ренато Симони
Режиссер-постановщик – Дмитрий Бертман
Дирижер-постановщик – Владимир Федосеев

«Премьера подготовлена в рамках крупнейшего за всю историю театра интернационального проекта “Евразийская опера”. В проекте участвовала международная команда: художник-постановщик – известный сценограф Камелия Куу, над светом работает американец Томас Хазе, оформивший множество постановок в оперных театрах Европы и Америки, а также мюзиклов на Бродвее».

Пресс-релиз театра «Геликон-опера»

«В конце жизни Джакомо Пуччини, профессионал из профессионалов, наступил на грабли собственного таланта – подходя к завершению оперы “Турандот”, он написал сцену смерти бедняжки Лиу так жалостливо и трогательно, что под вопросом оказался финал: как вообще может принц Калаф продолжать добиваться любви жестокой Турандот, из-

за которой и свела счеты с жизнью ни в чем не повинная рабыня? Вина ли в том возникший творческий затык или просто судьба, но Пуччини финала так и не написал. Оперу ставят с финалом Франко Альфано, есть и альтернативные финалы, а в “Геликоне” решили финал вообще не петь».

Петр Поспелов

«Точка пересечения 2017. Четыре хореографические истории»

Премьера 10 марта 2017 года

Московский академический музыкальный театр имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко (МАМТ)

«Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко продолжает проект “Точка пересечения”. Двадцатиминутный сюжетный балет, минимальный бюджет и никаких творческих ограничений – таковы были заданные условия. <...> В сезоне 2016/2017 участниками проекта стали четверо молодых хореографов: Эяль Дадон (“То, да не то”), Дастин Кляйн (“Х2”), Дмитрий Хамзин (“Железный занавес”) и Эно Печи (“Дежавю”)».

Пресс-релиз МАМТ

В «Травиате» Джузеппе Верди прозвучали голоса Сони Йончевой, Пласидо Доминго, Томаса Хэмпсона и др., дирижер – Никола Луизотти

Metropolitan Opera (Нью-Йорк)

Сезон 2016/2017 в нью-йоркской «Метрополитен-опера», как и всегда, радует великими именами – и прошлого, и настоящего. Из 26 опер, включенных в репертуар сезона, начавшегося в сентябре 2016 года, зрители уже увидели и услышали такие шедевры, как «Тристан и Изольда», «Богема», «Дон Жуан», «Итальянка в Алжире», «Вильгельм Телль», «Аида», «Манон Леско», «Набукко», «Саломея», «Волшебная флейта», «Ромео и Джульетта», «Севильский цирюльник», «Кармен», «Риголетто», «Русалка», «Пуритане», «Вертер» и др. Роли исполняли как мировые звезды – Анна Нетребко, Рене Флеминг, Людмила Монастырская, Екатерина Губанова, Соня Йончева, Кристина Ополэйс, Диана Дамрау, Красимира Стоянова, Пласидо Доминго, Рамон Варгас, Роландо Вианзон, Петр Бечала, Витторио Григоло, Рене Папе, Томас Хэмпсон, Ильядар Абдразаков и др. знаменитости, – так и начинающие исполнители.

В завершение второй половины этого сезона, с марта по май, на сцене «Метрополитен-опера» новые премьеры: «Травиата», «Фиделио», «Идоменей», «Кавалер розы», «Летучий голландец», «Сирано де Бержерак» и «Евгений Онегин».

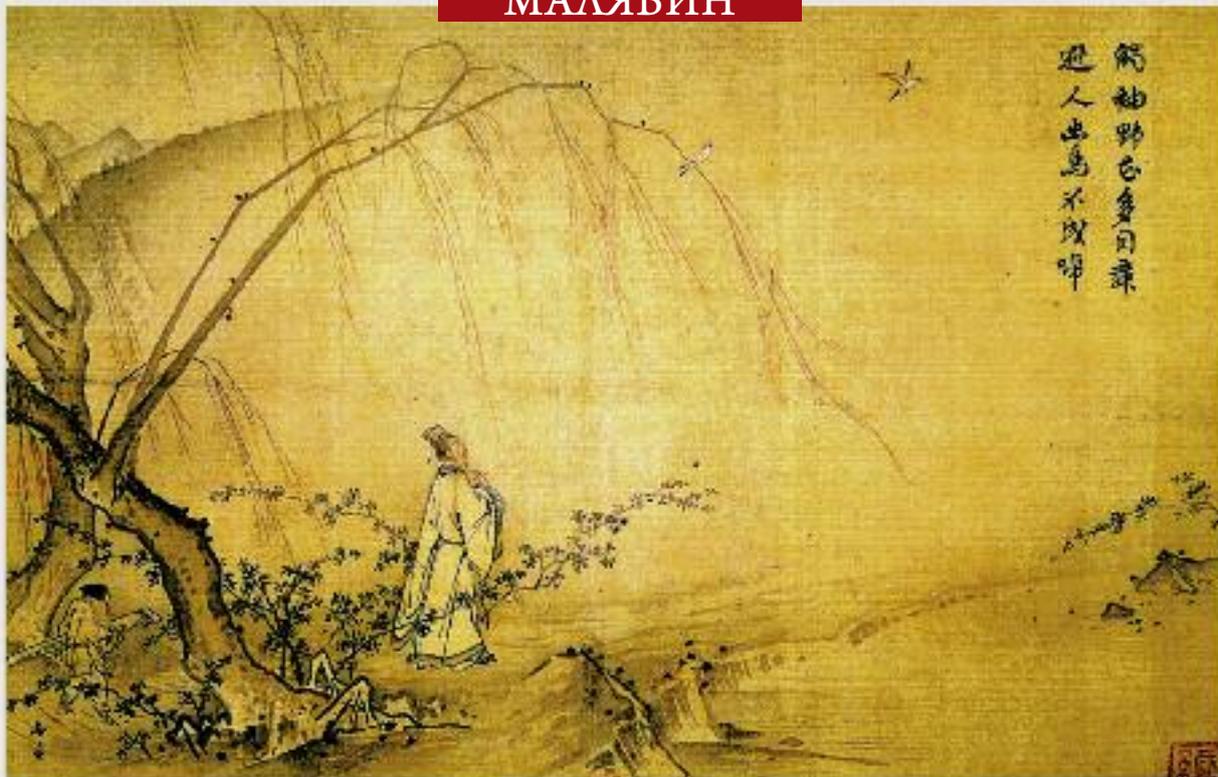
«Кавалер розы» Рихарда Штрауса в новом оперном сезоне исполнил звездный состав: Рене Флеминг, Элина Гаранча, Гюнтер Гройсбок. Дирижер – Себастьян Вейгель

В «Ромео и Джульетте» Шарля Гуно зрители были заворожены блистательным дуэтом Дианы Дамрау и Витторио Григоло. Дирижеры – Джанандре а Носеда / Эммануэль Виллаум

В «Евгении Онегине» П.И. Чайковского роли исполняют: Анна Нетребко – Татьяна, Елена Максимова – Ольга, Мариуш Квечень / Питер Маттеи – Онегин, Алексей Долгов – Ленский. Дирижер – Робин Тиччати

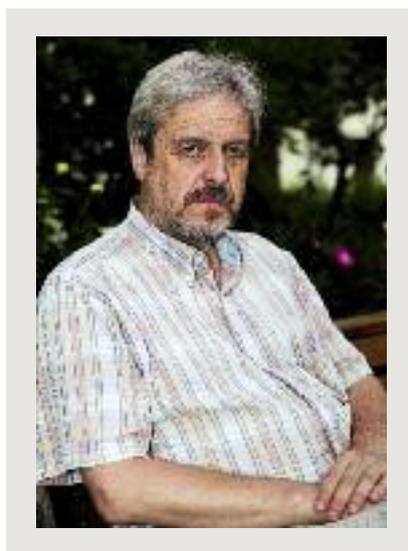

Ма Юань. Весной на горной тропе. Конец XII – первая четверть XIII века

СИНЕРГИЯ

и грядущее евразийское содружество

В Азии больше всего поражают, во-первых, великое разнообразие языков, народов, культур и, во-вторых, способность этих народов и культур свободно уживаться в русле прочного, настоящего на тысячелетиях, сочащегося всеми ароматами жизни быта. Наблюдая этот человеческий океан, можно понять, что основой его непривычного, малопонятного для европейцев уклада, в котором единство и многообразие не просто сосуществуют, но именно обуславливают и пронизывают друг друга вне юридических формальностей, является ритуал как принцип и норма общественной практики. Ритуал есть прежде всего коммуникация, но коммуникация особого рода, утверждающая единство через разделение взаимодействующих сторон. Ритуал обещает встречу именно

Владимир Вячеславович Малявин – доктор исторических наук, профессор Тамканского университета (Тайвань), научный руководитель Института исследований развивающихся рынков Московской школы управления **СКОЛКОВО**

несоизмеримых величин. Отсюда его первостепенная роль в регулировании отношений не только между индивидами и сообществами, но также между государствами и даже целыми цивилизациями.

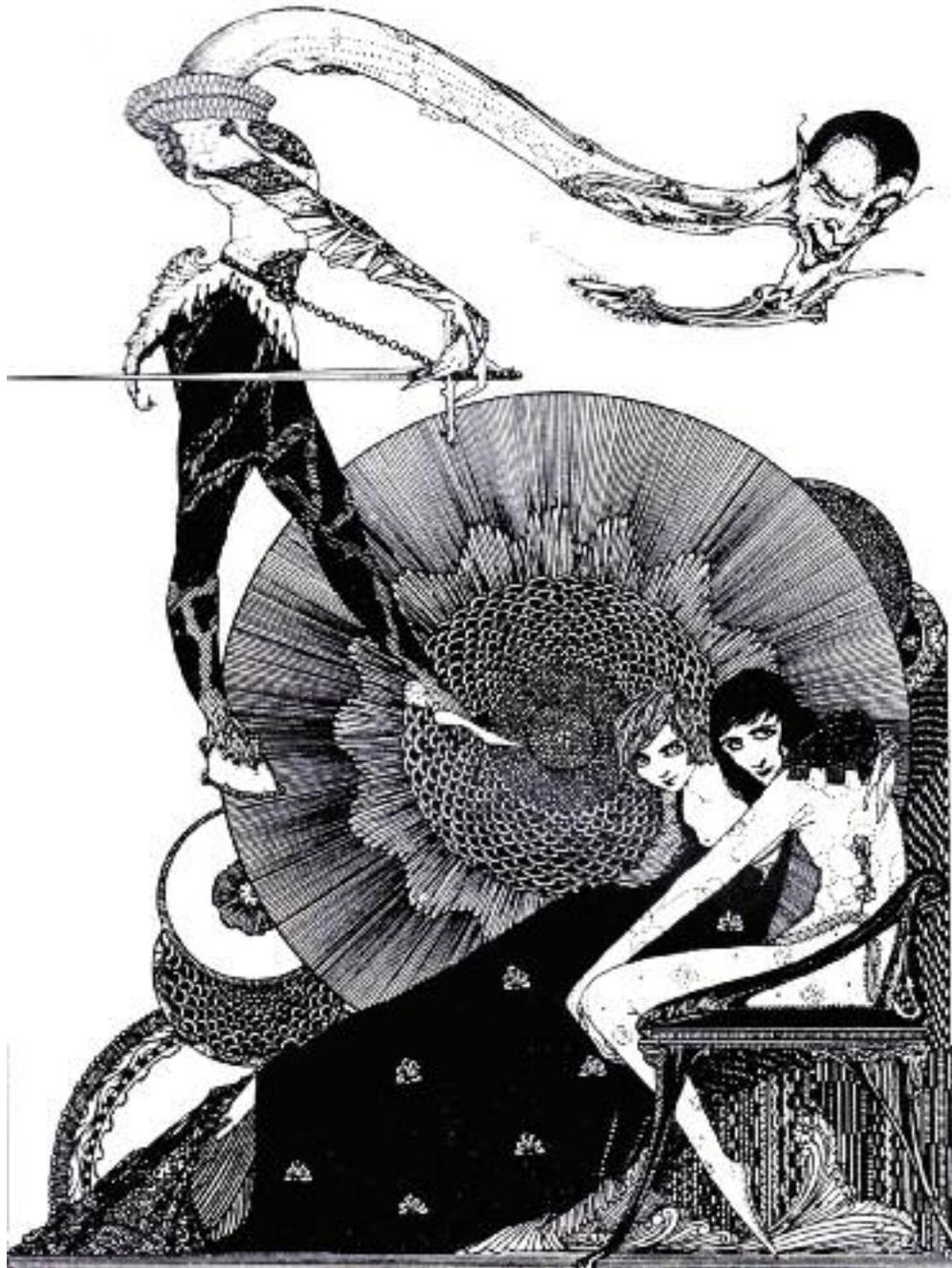
Азия с древности считалась «первой частью вселенной», и, надо думать, неслучайно: великие азиатские цивилизации сохранили органическую связь с наиболее фундаментальными, глубинными основами психической жизни человека. Азиатские религии и культурные традиции воспитывают в личности чувство причастности к родовой полноте существования, требуют от нее вернуться к состоянию блаженной самодостаточности младенца в «утробе мира» и учат коммуникации интимной, бессловесной. Спор между фаустовским человеком Запада, разрывающим пути природы и стремящимся к господству над ней,

и «ветхим Адамом» Востока, живущим в с-мирении, то есть в мире с миром, стар как сама история и, по-видимому, не разрешится, пока история не придет к концу.

Несмотря на давность спора между западным и восточным типами мирознания, реальные последствия различий между ними всё еще недостаточно продуманы и осознаны. Факт неудивительный: слишком глубокие корни человеческой психики и практики он затрагивает, слишком многое поставлено на карту для обеих сторон. Но сегодня, в момент явного исчерпания интеллектуальных ресурсов западного Модерна – момент, заставляющий Запад отказываться от прежних догм и открываться, часто помимо своей воли, более аморфным и гибким мировоззренческим установкам Востока, – складываются как никогда благоприятные условия для диалога Запада и Востока и выработки основ действительно глобального мира, в котором эта фундаментальная оппозиция человеческой истории преобразится если не в логически стройный синтез – что, скажу сразу, представляется крайне маловероятным, – то, по крайней мере, в некую целостную мыслительно-духовную конфигурацию. Такая смычка и станет моментом начала глобального мира.

В ряду понятий, знаменующих преодоление классической интеллектуальной традиции Запада, видное место принадлежит понятию синергии. Сегодня оно широко применяется и в естественных, и – хотя в меньшей степени – в гуманитарных науках. Некоторыми отечественными учеными выдвинуты концепции «синергичной антропологии», «цивилизационной синергии» и т. п. Отдельные историки и востоковеды отмечают роль принципа синергии в организации евразийского геополитического и цивилизационного пространства. Но понятие синергии еще не стало предметом систематического исследования применительно к социокультурным, цивилизационным или геополитическим отношениям. Между тем именно синергия, как можно предположить, является ключом к пониманию самобытной природы евразийской общности.

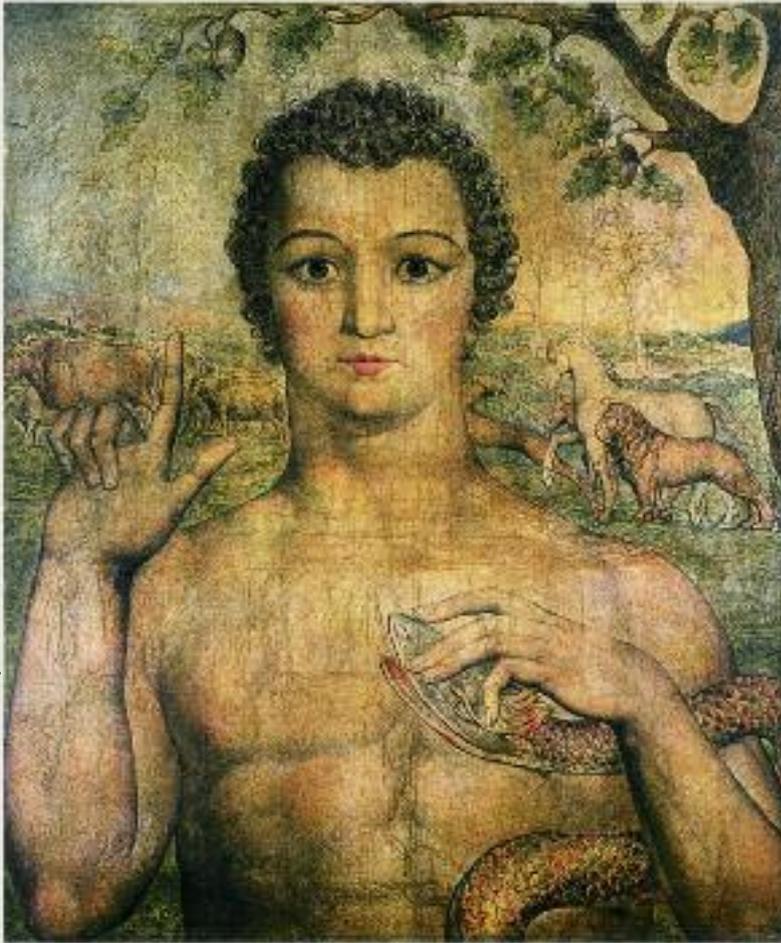
Синергию часто называют принципом организации – или, точнее,

Спор между фаустовским человеком Запада, разрывающим пути природы и стремящимся к господству над ней, и «ветхим Адамом» Востока, живущим в с-мирении, то есть в мире с миром, стар как сама история и, по-видимому, не разрешится, пока история не придет к концу

самоорганизации – сложных систем самой разной природы: от хаоса микромира до живого тела. Этимологически этот термин означает содействие, сотрудничество, но он получил самостоятельную жизнь, вероятно, вследствие того, что в отличие от сотрудничества относится к связям и отношениям, лежащим за пределами рефлексии, полностью спонтанным и на первый взгляд не поддающимся сознательному регулированию. Принято также считать, что синергия обозна-

чает общий эффект взаимодействия различных сил, который превосходит их простую сумму. В этом смысле синергия почти совпадает с творческой деятельностью. Я не буду говорить о природе и сущности синергии в теоретическом плане, а сосредоточусь на двух аспектах этого явления, которые особенно важны для исторического исследования: метафизических предпосылках синергии в человеческой практике и ее последствиях для истории культуры. →

В момент исчерпания интеллектуальных ресурсов западного Модерна, заставляющий Запад отказываться от прежних догм и открываться более аморфным и гибким мировоззренческим установкам Востока, складываются как никогда благоприятные условия для диалога Запада и Востока и выработки основ действительно глобального мира

➔ С точки зрения философских оснований евразийского миропонимания принцип синергии проявляется прежде всего в отсутствии в азиатских традициях метафизических систем, основанных на логике формального тождества и параллелизма духовного и материального бытия. Философская мысль Восточной Азии – вне ареала распространения индоевропейских языков – не знала онтологической редукции и всегда исходила из посылки о множественности бытия, что, кстати сказать, сближает ее с философией так называемого Постмодерна. Синергия имеет отношение не к сущностям или

формам, а к определенному виду пространства или, точнее, месту, а еще точнее – к некоему абсолютному, архетипическому месту, праместу, месту-матрице, которое делает возможным существование всех вещей или, можно сказать, является вмещителем мира. В мифологеме хоры (места) у Платона или Дао (Пути) у Лао-цзы такое место именуется «матерью мира», которая порождает все вещи и, отделяясь от себя, перетекая в инобытие, каким-то образом остается собой. Таким образом, нет тождеств и различий, но всё есть подобие, все вещи вовлечены во вселенскую паутину соответствий, существуют в-месте

повсеместной совместности, которая есть также мировая совместительность. Соответственно, перво-степенное значение приобретают не сами вещи, а их эстетическая аура, ускользающая между-бытность как своего рода антракт, пауза в мировом ритме, точка одновременно наибольшей насыщенности и самого глубокого покоя. В месте совместности всё есть ровно в той мере, в какой оно не есть.

Совместность воплощает существеннейшее свойство синергии: самовозрастание бытия. Она соответствует точке сингулярности, знаменующей разрыв в любой длительности и присутствие в ней реальности более высокого порядка. Ей соответствует формула из китайской «Книги перемен»: «В смешении вещей рождается благодатная сила». Всеобщность смешения придает всему сущему статус подобия, каковое становится собой как раз в той мере, в какой отличается от себя. Другими словами, подобие, как само сознание, усиливается и само в себе возрастает посредством потери, оставления себя. Подобие – это трещина или складка бытия, в которой зияет бездна свободы. Оно, по сути, есть чистая временность, добытийное различие, которое служит матрицей бытия. Именно в свете совместности, как сказано в даосских канонах, «все вещи вмещают друг друга», и «мир скрыт в мире», ибо мир, скрытый в себе, никогда не есть, но может быть только подобен себе. Скрытость же мира в себе есть залог высшей целостности существования, а потому безопасности и душевного покоя, что, в свою очередь, обеспечивает наиболее полное раскрытие творческого потенциала жизни.

Теперь мы можем сполна оценить, быть может, наиболее универсальную формулу китайской мудрости, которая представлена в изречении: «Соответствуй вещам в том, что существует само по себе». Оставление себя в пространстве мировой совместности равнозначно следованию Изначальному, то есть возвращению к истоку жизненных метаморфоз, каковой есть мировая событийность всего сущего, саморазличие как всеобщее подобие. Вторая половина формулы определяет онтологическую приро-

Энсо – образ «истинной таковости»

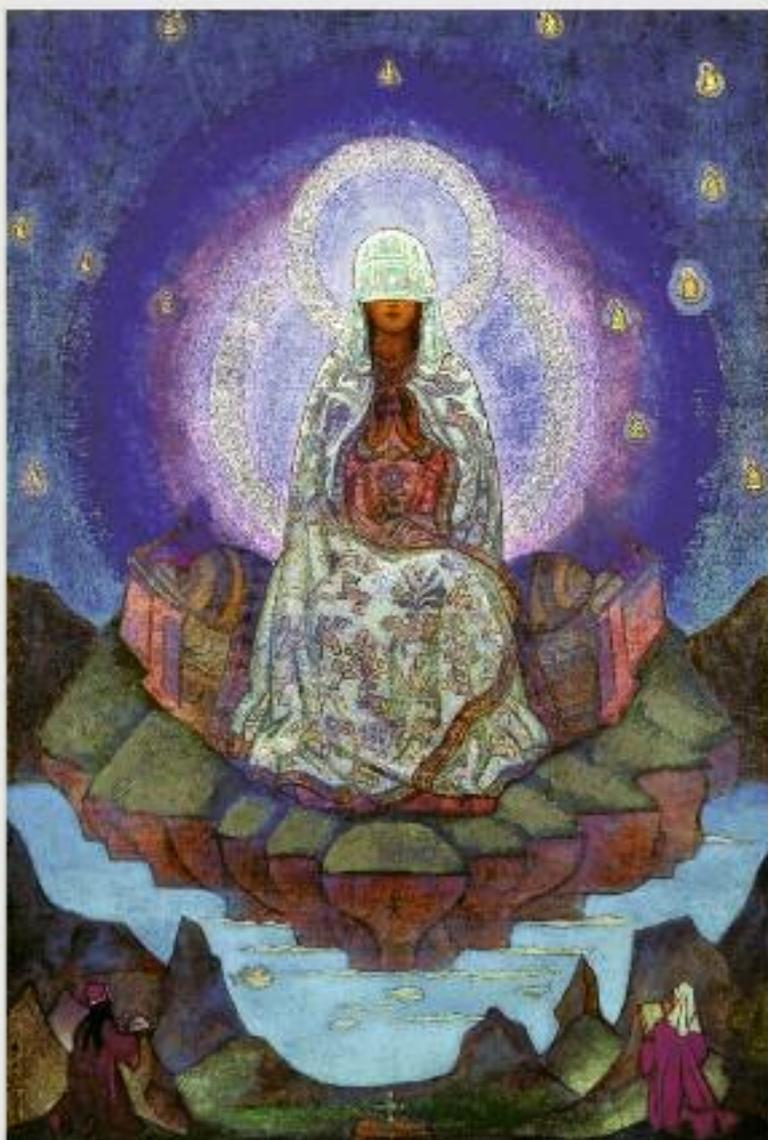
«Таковость» – это конкретная целостность существования. Она обуславливает двойственную природу всех вещей, являющих совместность сущего и несущего, присутствия и отсутствия, и сама есть воплощенная антинормичность, ибо она является одновременно предельной конкретностью, принципом самодостаточности каждого момента существования и универсальной природы этой самодостаточности

ду реальности всеобщего соответствия. Эта природа есть абсолютная спонтанность, несотворенная «таковость» всякого существования. Ошибочно видеть в ней субстанцию, сущность, форму или идею. Грамматически «таковость» следует понимать как прилагательное или наречие. Она имеет отношение к качеству состояния или действия и требует видеть в существовании прежде всего вертикальную ось возрастания этого качества, усиления интенсивности переживания. Всё сущее, по китайским представлениям, уравнивается или едино в чистом динамизме жизни как условия и пределе всякой деятельности. Как сказал древний китайский поэт, «движения насекомых – тоже действия духа», то есть дух и материя едины не субстанционально и не в интеллектуальном «гипостазировании», а в чистой актуальности практики. Другими словами, «таковость» –

это бесконечная действенность в ограниченном действии, которая не существует вне мира вещей, но и несводима к нему. Она находится с миром форм в отношении «недвойственности». Судьба вещей и самого бытия в рамках такого мировоззрения заключается не в том, чтобы замкнуться в самоутверждении, а в том, чтобы наоборот рас-

крыться бесконечности вселенского потока со-бытий и в конечном счете – вездесущей и всегда конкретной событийственности.

«Таковость» пребывает вне предметности опыта, знания или действия. Она выступает принципом неисчерпаемой или, как сказано в даосском каноне «Дао-Дэ цзин», «в хаосе завершенной» множе- ➔

Николай Рерих. Матерь мира. 1924 год

Синергия имеет отношение к некоему абсолютному, архетипическому месту, праместу, месту-матрице, которое делает возможным существование всех вещей или, можно сказать, является вместилищем мира. В мифологеме хоры (места) у Платона или Дао (Пути) у Лао-цзы такое место именуется «матерью мира», которая порождает все вещи и, отделяясь от себя, перетекая в инобытие, каким-то образом остается собой

→ ственности бытия, великого изобилия жизни. «Таковость» – это конкретная целостность существования. Она обуславливает двойственную природу всех вещей, являющих совместность сущего и несущего, присутствия и отсутствия, и сама есть воплощенная антиномичность, ибо она является одновременно предельной конкретностью, принципом самодостаточности каждого момента существования и универсальной природы этой самодостаточности. Поэтому, например, в комментарии танского императора Сюань-цзуна (VIII в.) к 26-й главе «Дао-Дэ цзин» говорится, что «таковость» «одна возносится над всеми вещами».

Словом, в «таковости» все вещи едины именно благодаря их отличию друг от друга. В классическом комментарии Го Сяна к даосскому канону «Чжуан-цзы» (III в.) так и сказано: «Чем больше вещи отличаются друг от друга по форме, тем более они едины в том, что они таковы сами по себе». «Таковость» можно назвать принципом свободной и даже, точнее, взаимно освобождающей совместности всего сущего.

Итак, природа пространства всеобщей событийности или, можно сказать, уместности каждого места – это нескончаемое саморазличие, бесконечно малое различие, дифференциальное уравнение сил. Пожалуй, его можно назвать пространством со-небытийности, ибо в нем всё удостоверяет другое и причастно всеобщности... самоотсутствия, как об этом сказано в чаньбуддийской сентенции: «Когда птицы не поют, гора еще покойнее». Птицы никак не связаны с горой, но их молчание внезапно выявляет незыблемый покой громады гор. Физическое увечье властно напоминает об отсутствующей цельности тела. Невидимое, но вездесущее смещение мест, непрерывно обновляющее мир, рождает сильное переживание, погружает в «аффект событийности», который равнозначен пребыванию в сокровенной преемственности жизни и дарует необыкновенную чувствительность духа, позволяет воспринимать малейшие метаморфозы бытия, как гениально показано

Что является прообразом синергии в человеческом бытии? Не что иное, как его самая естественная и неотъемлемая данность: присутствие тела. Конечно, речь идет не о теле в его физическом состоянии, а о теле живом, интроспективно переживаемом, что Морис Мерло-Понти (на иллюстрации) называл *corps vécu*, и потому не поддающемся локализации

Александром Пушкиным в стихотворении «Пророк». В этом мгновении духовной осиянности сходятся бесконечно далекое прошлое и невообразимое будущее, отчего оно связывает сердца глубже и крепче всяких слов. Таково действие синергии, и это действие – или, вернее, бесконечная действенность в конечном действии – имеет сущностно нравственную природу. Соответствие всех вещей возвышается до морально обязывающей ответственности.

Таким образом, синергия в человеческом обществе неосуществима вне нравственного совершенствования. Она открывает бездонную глубину просветленного сознания и дает человечеству пример нравственной прямоты. Синергия – первое условие человечности человека.

Согласно китайской традиции, принцип действия синергии есть центрированность как совместность полярных сил, встреча несходных начал, которые предполагают их взаимное уступление, даже само-

устранение. В моменте центрированности сознание, уступая инобытию, оставляя себя, в действительности пред-оставляет всему быть и тем самым проясняет себя, растет само из себя. Таков смысл «таковости» как производства самоподобия. Так божественный танец в восточной мифологии, выходя за рамки себя, то есть как бы устраняя себя, отсутствуя в себе, воспроизводит себя и тем самым творит мир в своем танце. Речь идет, конечно, не о повторении, а о преобразении, подобии бесподобного. Точка

центрированности стягивает, вовлекает всё сущее в свой фокус. В ней есть своя ось возрастания качества и своя глубина свертывающегося пространства. Поэтому она бесконечно длит себя поверх течения времени.

Способность чувствовать момент событийности считалась в Китае главным секретом мудрого, ведь она дает власть не то чтобы над миром, но – в самом мире. Мир расцветает в пустыне уединенного, то есть бес-подобного, отличного даже

от самого себя, лишённого идентичности сознания, которое дарует всему полноту бытия, разделявая себя, разделяваясь с собой.

Что является прообразом синергии в человеческом бытии? Не что иное, как его самая естественная и неотъемлемая данность: присутствие тела. Конечно, речь идет не о теле в его физическом состоянии, а о теле живом, интроспективно переживаемом, что Морис Мерло-Понти называл *corps vécu*, и потому не поддающемся локализации. Такое тело выступает прообразом синергетической реальности в следующих аспектах.

Во-первых, живое тело, представляя собой одновременно запрeдельную цельность и чистую выра-

зительность, преломляется в множественность точек, каким и представляется тело в восточной медицине. И цельность, и точки, заметим, недоступны рассмотрению. В этом смысле тело точно воспроизводит природу «таковости» существования. Оно, как говорили китайские учителя боевых искусств, «свершается по сфере», а в предметном мире дает знать о себе как нечто, по слову Фридриха Ницше, «вневременное», плавающее во времени, *das Unzeitige*.

Во-вторых, такое тело всегда отсутствует в себе, являет собой как бы мировую телесность или, если позволить себе игру слов на основе еще одного определения Мерло-Понти, бес-плотную плоть мира как

Кишение уличной толпы, готовность нарушать все публичные правила и законы (разумеется, помимо церемониальных норм) – характернейшие черты китайской жизни, в первую очередь бросающиеся в глаза иностранцам. Этот хаос не отрицает и даже подразумевает высокую степень бытовой самоорганизации социума

«толщу опосредующей среды без вещей».

В-третьих, телесное присутствие предваряет всё сущее и является условием любого опыта и знания. Оно – анонимная мать-матрица мира и потому, будучи относимой к женскому роду, отличается определенной семантической неопределенностью. Китайская традиция говорит о «сокровенной родительнице» мира, что не мешало считать воплощением последней бородатого мудреца Лао-цзы или просто видимый мир.

В-четвертых, тело – и это обстоятельство имело особенно большое значение в традиции боевых искусств – выступает как место встречи, взаимного превращения полярных сил (присутствия и отсутствия, пустоты и наполненности, видимого и невидимого, центростремительного и центробежного и т. д.). Превращения, в котором генерируется имманентная сила жизни. В этом смысле тело является и средством, и средой духовного прозрения, что предполагает отвлечение от предметности тела и вместе с тем вовлеченность в телесное присутствие или, как гласит нарочито двусмысленная формула духовного бодрствования, пребывание в «пределе слушания и видения». Предельная чуткость восприятия уже неотличима от полной отрешенности от него.

В даосском каноне «Дао-Дэ цзин» мы встречаем специальные термины, которые обозначают перечисленные выше аспекты синергии. Призванием мудрого там объявляется «пособление таковости вещей», то есть благоприятствование – по необходимости скрытое – самовосполнению всего сущего. Чрезмерных индивидуалистов мудрец «смиряет первоизданной цельностью» мира, иначе говоря – вводит их в безграничную сферу вселенского резонанса. Наконец, о мудром сказано, что он «жалует всех обратным ходом», или посредством «возвращения к истоку», актом само-оставления пред-оставляет всем свободу жизненных превращений или само-восполнения.

Нетрудно видеть теперь, что пресловутый «азиатский коллективизм» имеет совсем иную природу, нежели коллективизм, свойствен- ➔

Живое тело, представляя собой одновременно запредельную цельность и чистую выразительность, преломляется в множественность точек, каким и предстает тело в восточной медицине. И цельность, и точки, заметим, недоступны рассмотрению. В этом смысле тело точно воспроизводит природу «таковости» существования

→ ный идеологиям западного Модерна (социализму, национализму, либерализму, даже консерватизму). Это не коллективизм, основанный на подчинении трансцендентной идее или принципу, а коллективизм стилиобразующего действия, не требующий подобия форм или идей, хотя он нуждается в строгой унификации самого стиля письма и даже мышления (что хорошо известно на примере великой китайской бюрократии). Подобный кол-

лективизм ничуть не предполагает «идейного единства» вовлеченных в него людей и в повседневной жизни допускает изрядную толику индивидуализма. Недаром сами китайцы называют себя «кучей песка». Кишение уличной толпы, готовность нарушать все публичные правила и законы (разумеется, помимо церемониальных норм) – характернейшие черты китайской жизни, в первую очередь бросающиеся в глаза иностранцам. Этот

хаос не отрицает и даже подразумевает высокую степень бытовой самоорганизации социума.

Таким образом, принцип «таковости» утверждает самодостаточность каждого момента существования. В его свете мир состоит из сингулярностей, которые настолько же тождественны себе, насколько отличаются от себя. Азиатская культура синергии учит быть вместе, не замечая друг друга. В том же Китае часто можно видеть, как на одной спортивной площадке увлеченно играют, не обращая внимания друг на друга, две пары команд. Для них пространство игры и есть «большое тело» социума, в котором все друг другу родные и никто не имеет субъектности. Бытие этих игроков, если воспользоваться китайскими понятиями, разделяется на внутреннее «тело-сердце» и внешнее «тело-тень». То и другое пусто, лишено идентичности и потому неспособно порождать конфликты. Чтобы сделать тело чувствительным и, следовательно, быть успешным во взаимодействии с другими, тело надо устранить, то есть сделать пустотным. Таково главное требование духовной практики на Востоке.

Подлинным основанием подобного отношения к жизни как раз и является ритуальная практика. Именно ритуал утверждает единение его участников в том, что предписывает каждому его индивидуальный статус, и тем самым разделяет их. Ритуал связывает индивидов посредством символической коммуникации и воспитывает в них вкус к безмолвной общительности. Он не позволяет сделать человеческую социальность предметом рефлексии и анализа. В ритуале социум мыслится как «мировая единотелесность», напоминающая «надвременное соборное тело» (Валериан Муравьев) в традиции русских славянофилов или, как уже говорилось выше, «плоть мира» в феноменологии имманентности Мерло-Понти.

Отличительная черта ритуального социума – наличие вертикальной оси возрастания качества, интенсификации опыта, где власть и авторитет зависят от степени внутренней центрированности, динамического покоя духа. Речь идет, как мы уже знаем, о фокусе мирового круговорота, точке вселенской событий-

ственности, в которой все вещи переходят в свое инобытие. Это «место пустоты» и является залогом подлинной общности людей, и связаны в нем люди не мыслями и даже не чувствами, а усилием само-центрирования, «выправления себя», которое, конечно, предполагает постоянное «выправление выправления». Этот поиск безупречной выверенности действия соответствовал высшей «искренности сердца» (и доверию к себе), каковая служила источником «духовной силы», оказывающей неотразимое воздействие на других. Душевный покой мудрого выправляет мир – вот главный завет китайской традиции.

Легко понять, что такое «само-превращение» равнозначно возвращению к началу всего сущего и, следовательно, восстановлению родовой полноты бытия. Мир в китайском представлении есть не что иное, как бесчисленное множество сингулярностей (традиционно именовавшихся «утонченным принципом» вещей), они же – точки самовосполнения или, можно сказать, самотипизации вещей через их рассеивание, самооставление. Социум, творимый силой самопревращения всего сущего, регулируется – точнее, саморегулируется как живое тело – не знанием, а, так сказать, просветленным неведением или, если угодно, забывчивым бодрствованием. В нем всё обретают, всё оставляя. В нем неустранима духовная иерархия, однако последняя исключает противостояние и конфликты между вышестоящими и подчиненными именно потому, что мерой власти здесь оказывается степень уступления, само-потери, которые равнозначны преодолению всего частного и субъективного ради приобщения к всеобщему порядку вещей, безмерной мощи «великого превращения» мироздания. Об этом – известная заповедь Конфуция: «Превозмогайте себя, претворяйте ритуал, и весь мир назовет вас человеческим». Здесь каждый достигает блаженной самодостаточности через преодоление индивидуального «я». И заметим, что ничтожество отдельного человека перед вселенским превращением есть оборотная сторона величия

Конфуций:

«Превозмогайте себя, претворяйте ритуал, и весь мир назовет вас человеческим»

этого человека в его причастности к мировому танцу вещей.

Сказанное позволяет понять природу двухполюсной по виду, а по сути синергийной организации общества и государства в восточно-азиатском ареале и в значительной мере во всем евразийском пространстве. В этой традиции люди едины «по незнанию», и власть представлена непостижимым, непрозрачным для эмпирического опыта и знания «небесным» символизмом имперского правления, которому противостоит столь же недоступная осознанию, необъективируемая стихия повседневности. Оба полюса не находятся в каких-либо формальных отношениях друг с другом, но именно поэтому связаны безусловным единством, тайной, но неразрывной преемственностью, как раз соответствующей принципу синергии. В азиатских традициях эти отношения, часто уподоблявшиеся отношениям между матерью и младенцем с их безмолвным, но непоколебимым взаимным доверием, имели подлинно универсальный характер. Чаще всего они трактовались как отношения между «небесным» и «человеческим» началами бытия или как отношения между отдельными органами тела, которые, выполняя совершенно определенные и уникальные функции в организме, составляют одно нераздельное

целое. Об этом говорится в древней китайской поговорке: «Зубы и губы не действуют друг для друга, но если убрать губы, зубам будет холодно». Речь идет об известных и в западной науке отношениях взаимного «полагания» различных сторон жизнедеятельности организма и психосоматической жизни. Можно вспомнить в связи с этим понятия полагания (*Anlehnung*, *Anaclisis*) у Зигмунда Фрейда и Корнелиуса Кастириадиса.

Власть на Востоке есть, в сущности, право отмечать порядок вселенской гармонии – бесконечно разнообразной и всё преобразующей. Эта власть абсолютна, ибо она происходит из первозданной целостности синергии, предшествующей оппозиции субъекта и объекта, а также всякой предметности. Невозможно ее оспорить и тем более ей противостоять, ей можно только (на)следовать, возводя существование к его родовой полноте. Ее природа хорошо определена в характеристике, данной одному персонажу даосского канона «Чжуан-цзы»: она «направляет течение вещей, храня в себе своего предка». Как видим, «предок» (мировая единотелесность) и явления мира составляют определенную иерархию, но эта иерархия снимается благодаря самоотрицательной природе абсолюта: «предок» целиком переходит в мир вещей, поскольку не принадлежит себе, каждое мгновение «оставляет себя», переходит в «иное». Он есть, по сути, чистая выразительность, чудесное «явление», превосходящее всё явленное. Оттого же мудрый способен незримо, но неотразимо воздействовать на мир, направлять течение событий. И это воздействие тем сильнее, чем сокровеннее его присутствие.

Перед нами мир, который «сокрыт в самом себе», существует в разрыве и пределе опыта, в зазоре вездесущей между-бытности, в собственной складке; мир, где всё на виду, присутствует в другом (и отсутствует в себе), но никто ничего не видит. В таком мире не может быть формального единства. И сама власть в евразийском пространстве предстает в двух как бы несовместимых видах. С одной стороны, власть часто выступает в личине «восточ- ➔

**Власть на Востоке есть, в сущности, право
отмечать порядок вселенской гармонии –
бесконечно разнообразной и всё предвещающей.
Эта власть абсолютна, ибо она происходит
из первозданной целостности синергии,
предшествующей оппозиции субъекта и объекта,
а также всякой предметности**

➔ ного деспотизма», ничем не ограниченного самовластия. В этом качестве она представляет избыточность жизненной трансценденции, соответствующей имперскому началу в политике. С другой стороны, власть сама подчиняется принципу следования и в конечном счете пред-оставления всем вещам свободы быть. Она не вправе вступать в конфронтацию или даже напрямую воздействовать на что-либо, она оправдывается своим инобытием. Эта власть допускает только текучие, ролевые, символические по своей природе идентичности. В сущности, она неотделима от ритуала и самой игры бытия и именно поэтому разыгрывается со всей серьезностью.

Мы видим действие принципа синергии в самом способе глобализации Китая посредством распространения по всему миру так называемых китайских кварталов, или чайна-таунов. Чайна-таун – пространство производства и потребления глобальной китайской мечты, заданная всем строем китайского мировоззрения фабрика подделок-

симулякров в отсутствие подлинников, по определению аполитичная. Его политическая индифферентность воспроизводит природу синергетической цельности как всеместительного (не)схождения, разрыва в потоке жизни. Чайна-тауны везде и всегда находятся с окружающим социумом в отношениях некоего симбиоза, творящих гибридные формы культуры в самых разных областях жизни – от кухни до промышленных брендов. Однако чайна-тауны – лишь продолжение отношений, на которых выстроено само китайское общество и, как легко предположить, ступень к синергичной со-организации цивилизаций в мировом масштабе. Их отношения с внешним обществом, возможно, указывают на характер отношений между двумя метацивилизационными мировыми системами, которые можно назвать евро-азиатской и евро-американской. Отношения между ними будут иметь принципиально неопределенный характер, ибо им суждено остаться невидимыми и даже неопознаваемыми друг для друга.

Надо заметить, что евразийское пространство имеет свою, так сказать, цивилизационную и геополитическую глубину. В нем на бескрайних просторах степей, равнин и лесов отдельные люди и целые народы свободно перемещаются, перемешиваются и легко переходят от крайней враждебности к сердечной дружбе и наоборот. Такова низшая ступень евразийской синергии, которая характеризуется отсутствием устойчивых форм артикуляции человеческой социальности. Дружба русского офицера Арсеньева и «инородца» (выделяю это слово, поскольку «инородец» означает также «единородец») Дерсу Узала – хорошая иллюстрация такого рода спонтанных отношений. В российской цивилизации уже в силу чисто географических факторов очень заметно и сильно наследие этой первичной страты, или ступени, евразийской общности. Россия находится между двумя миросистемами и выступает в мире скорее как начало испытующее, бросающее вызов всем цивилизационным нормам. Свойственные русскому менталитету шутовство и пародирование всех идеалов и образцов неотделимо от высшей искренности сердца. Поскольку нормы мышления, культуры или общества всегда в известной мере условны и тем самым благоприятствуют лицемерию, Россия выступает как фактор предельной духовной искренности.

Но Евразия потому и грезила искони о великой империи (полнее всего реализовавшейся в Среднем царстве восточноазиатских народов, которое не равнозначно Китаю), что примитивная свобода общения может быть упорядочена и сублимирована в ритуале – подлинной сердцевине евразийской метацивилизации. Ритуал не отменяет первичной правды человеческой встречи, не подменяет ее метафизическими истинами и религиозными догматами. Он эту правду артикулирует и усиливает, внося в нее нравственный пафос. «Если ритуал утерян, ищите его среди дикарей», – говорил, по преданию, Конфуций.

Евразия не знает трансцендентных принципов, идей, форм, сущностей, которые могли бы служить идеальной моделью или образцом действительности. Евразийский

мир, как уже было сказано, – это плотная сеть узлов, точек скрещения сил, взаимных отражений, одними словом – интерактивное пространство, в котором свершается таинство самопревращения сущего, возрастания качества. В преемственности первоначальной, еще ничем не обусловленной встречи и предельно утонченного, досконально осознанного общения или, говоря языком даосской традиции, «сокровенной сообщительности», которые свершаются до и поверх всех условностей культуры, – секрет устойчивости евразийского мирознания и структурного единства евразийского мира от Балтики до Японского моря.

Таким образом, принцип синергии в евразийском мире имеет три основных измерения.

Во-первых, онтологическое измерение как единство-в-различии, совместность в повсеместно-совместительном месте, событийность всех событий и превыше всего – сущего и несущего, видимого и невидимого, внутреннего и внешнего миров. Синергия утверждает – или, лучше сказать, освобождает – существование всех вещей, возводя его к высшей цельности, которая превосходит оппозицию порядка и хаоса, единого и множественного, ограниченного и безграничного.

Во-вторых, измерение практическое, в том числе политическое. В нем синергия предстает как недвойственность всеобщности символического «небесного» порядка и актуальности повседневного существования. В свете синергийного принципа одно не отличается от другого, хотя то и другое – величины несопоставимые, принципиально несходные. Их общее основание – имманентность жизни «как она есть», что в конечном счете снимает противостояние возвышенного и низменного, священного и мирского и служит благодатной почвой для так называемого бытового исповедничества, характерного для Евразии. Имманентность религиозного идеала благоприятствует отождествлению последнего с человеческими практикой и техникой во всех их формах, что зафиксировано, помимо прочего, в популярной китайской поговорке: «Когда свершится путь человека,

путь Неба свершится сам собой». Другими словами, человеческая практика и есть высшая реальность, что обусловило легкость восприятия западного гуманизма на Востоке в эпоху Модерна с его представлением о человеке как господине космоса и одновременно придало ему «постгуманитарные» свойства, сближающие азиатский «небесный гуманизм» с предчувствием эры «постчеловеческого» на Западе.

В-третьих, историко-культурное измерение. Оно представлено двумя последовательными стадиями, или ступенями, развития евразийского мирознания. Первая из них соответствует свободным формам отношений, регулируемым лишь базовыми практическими или эмоциональными факторами. Россия уже в силу чисто географического фактора представляет в основном именно этот уровень доцивилизационной организации, что определяет ее уникальное место в мировой истории. Вторая стадия характеризуется всё более тщатель-

ной артикуляцией межличностных отношений, основанной на рефлексии об изначально заданной, совершенно естественной связи членов общества. На этом этапе в человеческой практике возникают устойчивые нормативность и иерархия, а также возможность и даже потребность в духовном совершенствовании. Наиболее полно данная стадия развития евразийского мирознания представлена в общем для всех народов Восточной Азии идеале Срединной империи (империи Центрированности!) – идеале культуроцентричном и наднациональном по своей природе.

Нужно подчеркнуть, что социум и сама общественная природа человека в евразийской картине мира конституируются не рациональным знанием сущностей и, следовательно, ясной идентичности всех вещей, а именно разрывом в опыте, пределом знания, сокровенной глубиной складки, которая как раз и позволяет постулировать не-двойственность всего сущего. Евразийский →

Мы видим действие принципа синергии в самом способе глобализации Китая посредством распространения по всему миру так называемых китайских кварталов, или чайна-таунов. Чайна-таун – пространство производства и потребления глобальной китайской мечты

Чайна-таун в Нью-Йорке

В евразийском пространстве отдельные люди и целые народы свободно перемещаются, перемешиваются и легко переходят от крайней враждебности к сердечной дружбе и наоборот. Дружба русского офицера Арсеньева и «инородца» (выделяю это слово, поскольку «инородец» означает также «единородец») Дерсу Узала (на фото) – хорошая иллюстрация такого рода спонтанных отношений

→ мир основан именно на не-знании – или, если угодно, на положительном незнании, – которое является условием спонтанного, истинно творческого действия синергии. Но эта глубина складки соответствует природе сознания и переживается самым непосредственным и внутренне убедительным образом. Синергия есть принцип творческой и в полном смысле слова свободной жизни, не поддающейся формально-логическим ограничениям. Разнообразие хорошо уже тем, что в нем больше истины. А неисчерпаемое разнообразие жизни высвобождается строжайшей дисциплиной само-выправления. Совместность того и другого выражает особый этос открытости бездне жизненных превращений – этос вольной дружбы тех, кто видит жизнь неуклонным уклонением, «благодатной ошибкой».

Взгляд на Евразию в свете принципа синергичности бытия позволяет по-новому оценить одну необъяснимую в западной системе координат особенность политического уклада в евразийском ареале. В западной литературе и особенно политизированной публицистике часто отмечается – не без внутреннего удовлетворения – «одиночество», «изоляция» России и Китая, якобы неспособных создавать устойчивые коалиции и политические союзы. В свете сказанного о главенстве принципа синергии в евразийской картине мира и евразийской геополитике это мнение нуждается, как минимум, в серьезной корректировке. Пресловутое «одиночество» крупнейших дер-

жав Евразии оказывается не чем иным, как следствием того же принципа синергии, заменяющего формальные договоренности «чудесным совпадением» противоположностей, отношениями спонтанной «совместности» и самоорганизации, свободного культурного обмена и взаимопомощи, в широком смысле – ориентацией на согласование, притом исключительно в актуальной ситуации, очень разных сил и ценностей. Общие для всей Восточной Азии принципы внешней политики выражены в древней китайской формуле: «Быть вместе,

не имея союзов». Такая позиция предполагает восхождение от взаимного соответствия в отношениях к нравственно обязывающей ответственности отдельных личностей, народов и государств.

Культурные нормы Евразии показывают, каким образом политика и мораль могут сойтись непосредственно в общественной практике народов. Напротив, западная идея фиксированной идентичности обязывает делить мир на друзей, скрепленных союзническими отношениями, и врагов, наделяемых иной и негативной идентичностью. Западное мышление требует создания политических партий и блоков, тогда как на Востоке политика осуществляется в пространстве неопределенной, но интимно заданной жизненной общности. Отсюда тяготение к партиям «всенародного» типа, даже независимо от характера политического режима (Партия государственного народа, Партия любви к народу, Партия народного действия и т. д.) и порой, как в Корее, с выплесками национального честолюбия (например, Партия великого государства). Россия тоже принадлежит к этому виду политической организации.

Сказанное позволяет сделать три важных вывода относительно при-

На Востоке политика осуществляется в пространстве неопределенной, но интимно заданной жизненной общности. Отсюда тяготение к партиям «всенародного» типа, даже независимо от характера политического режима

Деталь картины «Добрые люди счастливо выбирают правительство». 1950 год

роды и организации грядущего евразийского содружества.

Во-первых, евразийское содружество действительно основывается на совместности и даже, можно сказать, со-вместительности его устройства по известному принципу восточной мысли: «вещи вмещают друг друга», «тьма вещей – как сеть, в которой нет начала» («Чжуан-цзы»). Поистине, разделяя мир, мы на самом деле разделяем нашу совместность.

Во-вторых, между-бытность само-различия утверждает бесконечность в самой конечности всего сущего или, точнее, всего, что бывает. В нем и благодаря ему становится возможной сама освобожденность свободы. В фольклоре русских казаков недаром воспевается «вольная воля», и последняя с неумолимой закономерностью соотносится с пределом человеческой конечности – смертью.

В-третьих, евразийское содружество не нуждается в трансцендентных или просто формальных принципах организации общества и политики. Азиатские общества, не исключая России с ее приверженностью к ритуалистической религии, сплочены не идеями и даже не ценностями, а опытом постижения истоков сознания, которым обеспечивается нерушимое единение людей вне и помимо общественных институтов. Образцом социума синергии является школа как метод и практика передачи опыта родовой полноты бытия (жизненной мудрости) в сообществе индивидуально очень разных учеников. Надо признать, что в рамках синергичного уклада отношения между властвующими и управляемыми, посвященными и профанами, учителями и учениками остаются непрозрачными для вторых и регулируются не рациональным знанием, а стихийным доверием наподобие доверия ребенка к старшим в семье. Но это обстоятельство не вызывает конфликтов, поскольку авторитет старших основывается на нравственном усилии «оставления себя», преодоления в себе эгоистических поползновений.

Политически евразийское пространство отличается, можно сказать, глубинной нейтральностью: оно способно вместить в себя самые разные политические режимы –

или, другими словами, имеет метаполитический базис. Событийность и сообщительность указывают путь «из монады в номады», устанавливают связь между «небесным» и «земным» полюсами общественной практики, пред-оставляют свободу проявлениям человеческой социальности, то есть воистину очеловечивают человека. Ибо человек

в конечном счете следование Изначальному. Следование не требует усилий и не терпит произвола. Оно есть архетипический, бесконечно действенный жест, который предваряет или, лучше сказать, предвосхищает всё сущее подобно тому, как в пространстве совместности подобие предшествует сущности. Оно есть форма гармониза-

Евразийское содружество действительно основывается на совместности и даже, можно сказать, со-вместительности его устройства по известному принципу восточной мысли: «вещи вмещают друг друга», «тьма вещей – как сеть, в которой нет начала» («Чжуан-цзы»),
на иллюстрации)

доподлинно становится человеком, когда ему «негде преклонить голову».

Опознание природы евразийского мира станет прорывом в деле выработки универсального, ко всему человечеству обращенного и подлинно человеческого пути развития как сбережения полноты форм жизни. Запад породил активистский, субъективной волей направляемый и по сути насильственный способ управления как использования природного материала, который в своем пределе и в человеке обязывает видеть только расходный материал. Этот путь по определению не может быть всемирным, и опыт России, пожалуй, яснее всего об этом свидетельствует. Стратегия синергии, утверждающая свободную совместность и, как следствие, взаимное высвобождение людей, напротив, возводит всех участников игры бытия к родовой полноте жизни и, следовательно, к бессмертию. Она не «пускает в расход» человека, а напротив, обогащает всех ее делателей и последователей. Действие воистину действенно, только когда оно есть со-действие и

ции и синергии всех уровней и сил бытия (вспомним прекрасное русское слово «чинопоследование»). В основе всечеловеческой цивилизации – или цивилизации всечеловечества – может лежать только такое великое действие, как самосвидетельствование того, что в великих традициях Евразии именуется «мировой единотелесностью», «великим соборным телом» человечества.

В конце концов, главная трудность в опознании и осмыслении природы евразийского единства имеет всецело познавательный характер: открытие Евразии требует необычайно обостренной духовной чувствительности и, следовательно, долгих и методически выверенных усилий духовного совершенствования, присутствия «расширенного», со-вместительного сознания. В евразийском мире человек ценится не в силу каких-то естественных и врожденных прав, а в меру его духовной зрелости. Именно Евразия откликается призыву Ницше превозмочь в себе все «слишком человеческое», чтобы стать... настоящим человеком. **В**

«Золотой век»

Балет в двух действиях на музыку Дмитрия Шостаковича

Большой театр, премьера сезона 2016/2017

Либретто – Исаак Гликман и Юрий Григорович

Хореография – Юрий Григорович

«Золотой век» в постановке Григоровича – это фантастический балет с потрясающей музыкой, которая оказала влияние на три поколения композиторов. Григорович исключительно тонко и бережно восстановил это произве-

дение, создав немыслимый хореографический рисунок. Вся труппа – звезды. Как в фильмах Эйзенштейна и Пудовкина – что ни образ, то явление колоссальной силы».

Леонард Бернстайн

Василий Васильевич Верещагин

К 175-летию со дня рождения

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург,

20 апреля – 24 июля 2017 года

«На выставке представлено более 220 произведений из собрания Русского музея, Государственной Третьяковской галереи и других российских музеев. Наряду с прославленными полотнами В.В. Верещагина из Туркестанской и Балканской серий (1860–1880-е годы) на выставке впервые столь полно будет раскрыта важная, но менее известная широкому зрителю грань наследия великого живописца – выполненные в разные годы пейзажные этюды и этнографические мотивы (портреты и сюжетные композиции). Впервые в большом объеме представлены графические произведения В.В. Верещагина».

Из аннотации ГРМ к выставке

Василий Верещагин. Шипка-Шейново (Скобелев под Шипкой). До 1890 года. ГРМ

Иван Айвазовский. Русская эскадра на севастопольском рейде. 1849 год. ГРМ

Иван Константинович Айвазовский

К 200-летию со дня рождения

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург,

22 декабря 2016 – 20 марта 2017 года

«В собрании Русского музея хранятся 54 картины великого мариниста. Наряду с этими произведениями в юбилейную экспозицию, посвященную 200-летию мастера, вошли полотна из собрания музея-заповедника «Петергоф», музея-заповедника «Царское село», Центрального военно-морского музея, Морского кадетского корпуса. Выставка занимает всё пространство выставочных залов Корпуса Бенуа, и по составу, дизайну и смысловым акцентам выставка в Русском музее значительно отличается от экспозиции, открытой в июле–ноябре в Третьяковской галерее в Москве».

Из аннотации ГРМ к выставке

Большой театр. «Клетка», «Русские сезоны», «Этюды». Премьера 19 марта 2017 года

«Клетка»

Балет в одном действии на музыку
Игоря Стравинского

Хореография – Джером Роббинс

«Клетка» – один из величайших балетов Роббинса. В 1951 году, когда этот балет начал свою жизнь, критиков повергла в смятение его свирепая ярость. В Голландии власти даже поначалу запретили его – как «порнографический»»

Дженнифер Хоманс

«Этюды»

Балет в одном действии на музыку
Карла Черни в аранжировке и оркестровке
Кнудаге Риисагера

Хореография – Харальд Ландера

«Этюды» так много значат для меня, потому что этот балет я воспринимаю как метафору, в том числе моих мыслей о танце. Танцевать не означает только демонстрировать зрителям какие-то движения. Задача и цель балета в большей степени заключается в достижении единства души, танца и музыки. Задача эта была в «Этюдах» выполнена, в противном случае не покорить бы им балетный мир»

Харальд Ландер

«Русские сезоны»

Балет в одном действии на музыку
Леонида Десятникова

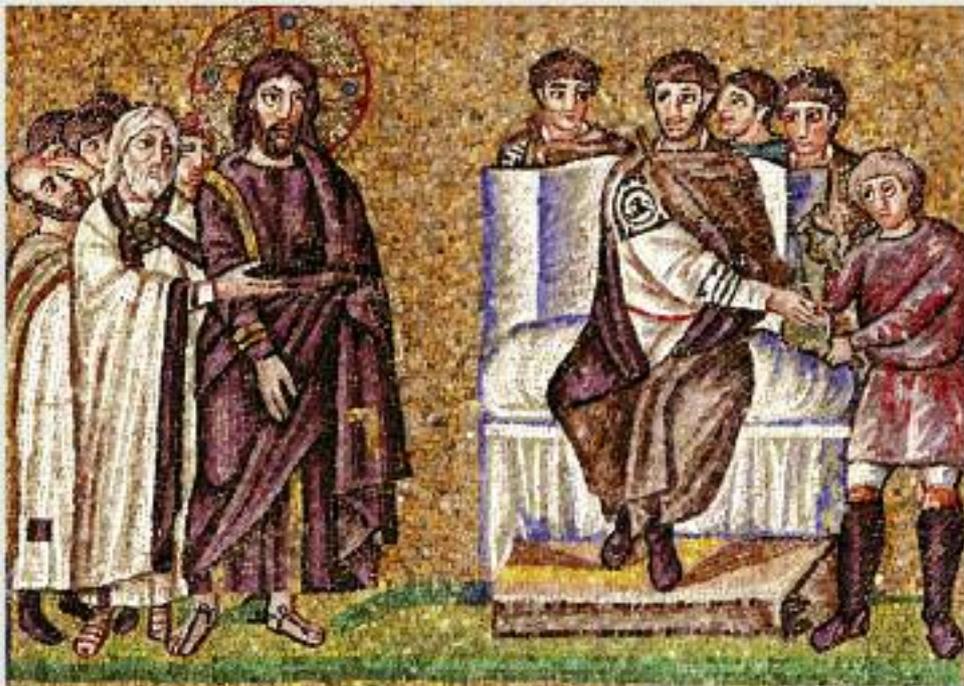
Хореография – Алексей Ратманский

«Господин Ратманский просто фонтанирует идеями, придумывая движения, – тут и широко раскинутые “одеревенелые” руки, и энергичные притопывания в пол, и похлопывания, и всевозможные “кошачьи” позы, здесь всё – от на редкость смешного до глубоко трагичного»

Джон Рокуэлл

«За истошно-экспрессивным танцем Натальи Осиповой чудятся все знаменитые русские бунтарки – те, что травят свекровь во имя великой любви, кидают миллионы в огонь и идут за идею на плаху. Светлана Захарова своим красноречивым телом выпевает лирическую партию во всей красоте любовных плачей и почти религиозной чистоте танцевальной мелодии. И если бы пафос не противоречил самой природе дарования Ратманского, можно было бы сказать, что “Русские сезоны” – самый патриотичный и самый пронзительный балет в новейшей русской истории»

Татьяна Кузнецова

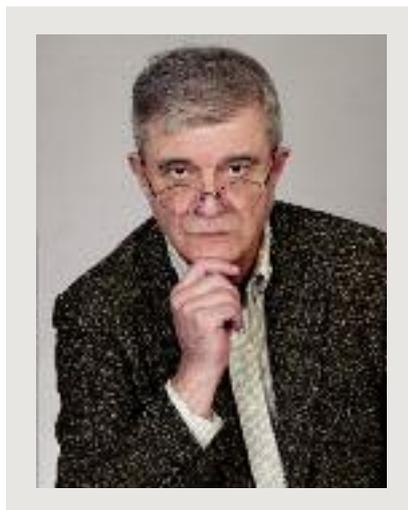
Христос перед Пилатом. Мозаика 520-х годов из равеннской базилики Сант-Аполлинаре-ин-Классе

Нужно было научиться труднейшему: не просто воздавать Богу Богово и, параллельно, кесарю кесарево, а так, чтобы при этом не заменять Бога кесарем, а кесаря собой – в отредактированной версии стояния Иисуса перед Пилатом, где римский прокуратор видит уже не молодого мечтателя и чудака, а соперника, способного при случае отлучить его и унижить хождением в Каноссу

ХРИСТИАНСТВО И ПОЛИТИКА

К истории католического воцерковления Бога

Т 1
о, что христианство, едва выйдя из катакомб и упав во власть, быстро и энергично начало осваивать политические техники и технологии, было столь же неизбежно в текучей логике момента, сколь и пагубно в перспективе уже ближайшего будущего. Нужно было научиться труднейшему: не просто воздавать Богу Богово и, параллельно, кесарю кесарево, а так, чтобы при этом не заменять Бога кесарем, а кесаря собой – в отредактированной версии стояния Иисуса перед Пилатом, где римский прокуратор видит уже не молодого мечтателя и чудака, а соперника, способного при случае отлучить его и унижить хождением в Каноссу. Поздний ницшевский гибрид «римского цезаря с душой

Карен Араевич Свасьян – доктор философских наук, с 1993 года живёт в Швейцарии, где занимается лекторской и издательской деятельностью при Forum für Geisteswissenschaft Zürich, автор многочисленных книг на русском и немецком языках

Христа» дополняется здесь фигурой Vicarius Filii Dei (наместника Сына Божьего) в цифровой транскрипции трёх шестёрок. Ещё раз: случилось то, что, с одной стороны, не должно было случиться, а с другой, не могло не случиться, и от этого парадокса, сообщающего ей невыносимую двойственность, Римская церковь так и не смогла оправиться за всё время своего существования. Первым знаком и сигналом перемен стало её обособление на фоне прочих церквей и наделение ею себя статусом исключительности, легитимность которого она будет обеспечивать уже задним числом легендой о так называемом Константиновом даре. В богословском отношении значимость Рима была ничтожна до такой степени, что отсутствие римского епископа на Никейском соборе в 325 году вообще осталось

незамеченным. Тем заметнее проявлялся его административный талант: способность к аппаратным играм, в которых юрист всегда одерживал верх над гностиком и решал в конце концов сам, что можно и чего нельзя знать. «Здесь царили не мечтательство и произвол, – замечает Гарнак, – а порядок, послушание и повинование; всякий элемент энтузиазма казался изгнанным. Христианская община Рима, хотя она и была греческой общиной, приняла в себя уже характерные черты римлян и ощущала себя общиной столицы мира». Сила и суть Римской церкви лежали не в экзегезе, а в умении выбирать единственно нужные толкования среди множества прочих и так, камень за камнем, выстраивать несокрушимую твердыню догматики. Толкователи лишь множили толкования, но последнее слово принадлежало не им, а аппарату: именно чиновники решали, что есть ортодоксия, а что гетеродоксия, что канон, а что ересь, что от Бога, а что от дьявола. Можно, без всякой соли, предположить, что за боговдохновенностью текстов, собранных уже в середине XIX века аббатом Минем и образующих так называемую *Patrologia latina*, а равно и за богопротивностью текстов, сохранённых в цитатных клочках у поносивших их апологетов, стоял не сам Бог, а некто N.N. как Его самозванный и безымянный тестаментарий: то ли столоначальник, то ли нотариус, без заверения которого ни одно откровение Божье не имело бы ровно никаких шансов считаться подлинным и действительным. Старый топик деяний Бога, совершённых через франков (*Gesta Dei per Francos*), дублируется здесь деяниями Бога, совершёнными через клерков (*Gesta Dei per clericos*), причём если простодушных франков на деяния сподвигал сам Бог, то у смиренных и набожных клерков дело обстояло с точностью до наоборот, хотя сами они даже в дурном сне не признались бы себе в этом.

Не признались бы они себе и в том, что описанное у Оруэлла «мыслепреступление» берёт своё начало не в тоталитарных режимах XX века, а в раннем христианстве, которое, в свою очередь, переняло его из римского права. По сути, это всё тот же закон об оскорблении величества (*crimen laese maiestatis*), имевший силу, хотя и в различных импликациях понятия, как во времена Республики, так и в период

Сила и суть Римской церкви лежали не в экзегезе, а в умении выбирать единственно нужные толкования среди множества прочих и так, камень за камнем, выстраивать несокрушимую твердыню догматики

Империи. Если субъектом величества в республиканском Риме выступал народ и, соответственно, оскорбить величество значило оскорбить народ, то уже с Тиберия место народа занимает персона самого императора. В эдикте Феодосия от 10 января 381 года, узаконившем Никейский символ веры, субъект фигурирует уже не в прежнем телесно-зримом виде, как это и отвечало бы канону античной эйдетики, а в одухотворённо-абстрактном: носителем величества оказывается здесь уже не личностное, а понятийное: обязательная для христианского мира формула вероисповедания, оскорбить которую можно не иначе, как ересью и инакомыслием. Можно говорить о неслыханном во всех смыслах сдвиге сознания, если учесть, что ещё у Павла ересь не только была лишена всяких негативных коннотаций, но даже поощрялась («Ибо надлежит быть и разномыслиям (в оригинале – ересям. – К.С.) между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19), а Климент Александрийский всего за полтора столетия до Феодосия употреблял слово в его исконном значении: одной из множества школ (*Stromata* 7, 15). Значимость этого сдвига трудно переоценить. Наконец, придя в себя после долгих философских пиршеств, поняли, что грех – это не выходки и дурачества бунтующей телесности, а *reccatum intellectuale*, грех познания.

Идеи Платона, ставшие у Августина мыслями Бога, вдруг во мгновение ока потеряли свою беспризорность и ребячество и обнаружили такую смертельную серьёзность, что стоять перед ними с тех пор можно было не иначе, как навтыяжку, и с готовностью провалиться сквозь землю. Конечно, за преследованием инакомыслия таился страх перед мыслью, но ведь страшась мысли и запреща её, лишь признавали её значимость и исключительность. Никакой грех, никакая фривольность не могли тягаться с мыслью по степени опасности и риска; сред- ➔

В борделе. XV век

Никакой грех, никакая фривольность не могли тягаться с мыслью по степени опасности и риска; средневековый студент предавался блуду с не меньшим рвением, чем своим непосредственным занятиям

→ не вековый студент предавался блуду с не меньшим рвением, чем своим непосредственным занятиям, о чём ещё в 1225 году сокрушался кардинал Жак де Витри: «В одном и том же доме верхний этаж занимали школы, а нижний бордели. Наверху магистры читали свои лекции, а внизу девки предлагали свои постыдные услуги». Это – сквозь пальцы и с грехом пополам – подлежало суровому порицанию; об отлучении или святом костре тут не могло быть и речи.

3

Наверное, при сопоставлении вещей интереснее, а главное, продуктивнее искать различие в случае сходства и сходство в случае различия. Скажем, сравнивая церкви, Католическую и Протестантскую. Не составляет труда увидеть их в точке разлома и противопоставленности. Гораздо труднее обнаружить в них признаки близости и родства – скажем, по образцу Шпенглера: «Учёный мир Запада сконструирован по образцу католической церк-

ви. Особенно в протестантских областях». Другим таким пунктом оказываются практики преследования инакомыслящих, успешно унаследованные протестантами у ненавистного им Рима. Наверное, тем и другим даже в голову не могло прийти, насколько они одинаковы на более глубоких уровнях восприятия. Известно, что последней каплей терпения Лютера стала усиленная продажа индульгенций, преискурант которых украсил бы любой сатирический журнал. К примеру, в списке Тетцеля отпущение грехов шло по нисходящей: содомия 12 дукатов, ограбление церкви – 9, колдовство – 6, а отцеубийство и вообще за бесценно – 4. Можно было даже открыть депозит и уплатить за некоторые грехи вперёд, до их совершения. Что любопытно, так это то, что в перечне не нашлось места для ереси или даже просто безбожия. До такой креативности не додумался никто: отпустить ересь или безбожие за наличный расчёт или по предоплате. (Допустив, что в ценнике они стоя-

ли бы выше содомии.) Конечно, содомит или отцеубийца по степени опасности не шли ни в какое сравнение с инакомыслящим. Инакомыслие – всё равно, католическое или протестантское – было недопустимо вообще. В память и во исполнение старого языческого закона об оскорблении величества в христианской редакции: мысли, застывшей однажды в догме, как в гипсе, и грозящей отлучением и костром любому, кто осмелился бы помыслить её иначе. В остальном толерантность средневекового мира не знала границ. Блуд, пьянство, чревоугодие, все мыслимые и немыслимые извращения, скопированные, казалось бы, со страниц Боккаччо, Аретино и Рабле, воспринимались в фильтре смеха и острословия. Доставалось даже папам, да так, что лютеровское *des Teufels Sau, den Babst* («чёртова свинья папа») нисколько не выделялось на общем фоне обценностей. Нужно просто – наугад и навскидку – вспомнить несколько образчиков свинства, чтобы не оставалось никаких сомнений в том, что в этом королевстве подгнило уже не что-то, а всё: скажем, папу Юлия II, сифилитика и содомита, о котором Ульрих фон Гуттен сказал как-то, что он взял бы небо штурмом, если бы там наверху ему заперли дверь, или папу Льва X, о котором говори-

Лукас Кранах Старший.
Мартин Лютер. 1526 год

**Лютер восстановил церковь,
напав на неё; по существу,
протестантизм воспроизво-
дил старые католические
практики реконвалесценции**

ли, что он, проживи чуть дольше, продал бы Рим, Христа, себя и не оставил бы после себя даже суммы, достаточной для того, чтобы оплатить свечи на собственное погребение.

4

Против этого юмористического христианства с его абсолютно коррумпированным и потерявшим всякое чувство реальности Богом и восстала смертельная немецкая серьёзность. Ницше (а до него Якоб Буркхардт) вынес приговор: «Лютер видел порчу папства, в то время как налицо было противоположное: уже не старая порча, не *rescatum originale* (первородный грех, лат. – К.С.), не христианство восседало на папском престоле! Но жизнь! Но триумф жизни! Но великое Да всем высоким, прекрасным, дерзновенным видам!.. И Лютер снова *восстановил церковь*: он напал на неё...» То, что отпущение содомского греха за 12 дукатов могло оказаться триумфом жизни, едва ли укладывается в серьёзность. Даже в немецкую серьёзность. Но основная мысль проста и ясна: Лютер действительно восстановил церковь. Это было вывернутое наизнанку переживание Дамаска. Он услышал не: «Почто ты гонишь Меня?» – а: «Почему ты думаешь,

что Я гоню тебя?» Религиозный опыт Лютера, не сводимый ни к догме, ни к ереси, – это опыт свидетеля, перенесшегося вдруг из евангельской топики в блудный и душный Рим образца 1510 года и остолбеневшего от «мерзости запустения». Die feine gläubige Stadt ist zur Hure geworden («славный набожный город стал шлюхой») – это первое, что он мог выкрикнуть, придя в себя. Лютер восстановил церковь, напав на неё; по существу, протестантизм воспроизводил старые католические практики реконвалесценции – вроде клюнийской реформы, когда разлагавшийся институт монашества был спасён путём усиления аскетизма и целибата, или крестовых походов, обрызгавших полумёртвое христианство живой водой эзотерики, принесённой с Востока и оживившей его взрывами эйфории и энтузиазма. Поскольку ко времени Лютера запустение переросло в деформацию, оживление могло прийти не иначе как в форме протеста и бунта; Реформация, столь значительная и неповторимая в элементе негодования и возмущения, обнаружила все черты абсурдного вырождения,

стоило ей только переключиться с волны протеста на волну созидания. «Лютер, – резюмирует Гарнак, – подарил своей церкви христологию, которая по схоластической бессмыслице оставила далеко позади себя томистскую». В конце концов протестантизму, в чистом адекватном виде, суждено было прожить ровно столько, сколько продлился сам протест; по мере утихания протеста его деградация протекала в гораздо более уродливых формах, чем то, против чего он так неистово протестовал и с чем так страстно боролся. С ним случилось худшее, что вообще могло случиться с религией: он потерял свою религиозную идентичность (трансцендентность), так и не приобретя мирскую. Доточил себя до исчезновения и стал лихтенбергским ножом без рукоятки и с отсутствующим лезвием. Самоупражнение протестантизма – факт, с какого-то момента ставший необратимым: от Давида Фридриха Штрауса с его подогнанной под мещанский уровень и вкус «Жизнью Иисуса» до современного Бультмана, с таким же слепым рвением мифологизирующего науку, с каким он демифо- ➔

Последней каплей терпения Лютера стала усиленная продажа индульгенций, преискурант которых украсил бы любой сатирический журнал. К примеру, в списке Тетцеля отпущение грехов шло по нисходящей: содомия 12 дукатов, ограбление церкви – 9, колдовство – 6, а отцеубийство и вообще за бесценок – 4

Индульгенция. 1487 год

→ логизировал религию. Итог в 1921 году подвёл священник (священник!) Фридрих Гогартен: «Из всех самонадеянностей человека наиболее чудовищной является та, которую по обыкновению называют религией. Самонадеянность её в том, что она рассчитывает прийти к бесконечному от конечного, силами конечного, и хочет преодолеть абсолютную противоположность между Творцом и тварью силами твари».

5

Лютер снова восстановил церковь. Не новую, как ему казалось, протестантскую, а всё ту же, единственную, из которой он вышел и на которую напал. Он просто не смог убить её, а не убив, сделал её лишь сильнее. По сути, Реформация оказалась реанимацией: в грубом варианте – пощёчиной, приведшей церковь в чувство, а в более учтивом – своего рода кардиостимулятором при острой сердечной недостаточности. Выше были уже отмечены случаи регенерации Римской церкви в периоды её опасного и чреватого столбняком расслабления. Просто случай Лютера, в отличие, скажем, от клюнийского движения, представлял собой не попытку взять себя в руки, а разрыв и отделение, в чем не было ничего удивительного, если учесть, что степень распада и разложения церкви к тому времени достигла максимальной отметки и только слепой мог рассчитывать на оживление этого нового Вавилона изнутри. Ситуация была хуже некуда: папский нунций Джироламо Алеандер сообщал из Вормса 8 февраля 1521 года, что девять десятых немцев скандируют «Лютер!», а оставшаяся десятая часть, хоть и равнодушна к Лютеру, но кричит: «Смерть римскому двору!» По-видимому, нужно было попасть именно в такой тупик, чтобы прийти в себя и притвориться непогибшим. Самое интересное: они наверняка даже не поняли, что же всё-таки произошло на самом деле. Лютер был для них не больше чем нечестивцем: неотёсаным и наглым немцем, посягнувшим на гуманизм и на радости жизни. Неотёсанность и наглость заключались в том, что он, попирая такт,

Антонио Фабрес. Бенедикт XV. 1916 год

Эмиль Людвиг в разговоре с Муссолини в 1932 году привёл слова, сказанные ему папой Бенедиктом XV после Первой мировой войны: «Это Лютер проиграл войну». После Ялты и Потсдама можно было бы добавить: «На этот раз окончательно»

приличие и здравый смысл, принял христианство всерьёз, то есть отнёсся к нему не так, как это водится среди цивилизованных людей, а по-мужицки. Простое соображение, что, оказавшись среди хриstopродавцев, он мог же ведь принять сторону Христа и читать историю Павла не как филолог и полигистор, а как очевидец, едва ли приходило в голову. Случай Лютера открывает, пожалуй, первую страницу в тяжёлой и дрящейся по сей день истории одного конфликта: между немецким и западным (французским, английским) способом восприятия и понимания себя и мира. Нужно будет вспомнить череду непримиримых полемик: Бэкона с Парацельсом, Лейбница с Кларком, Гёте с Ньютоном, вплоть до позднего противостояния, запечатлённого Мёллером ван ден Бруком и Вернером Зомбартом в формуле «герои и торговцы», чтобы понять, что конфликт, начавшийся с духовного, должен был продолжиться в

грохоте пушек и ковровых бомбардировках. Впрочем, он и не продолжился, а с самого же начала протекал параллельно: на страницах книг и на полях сражений. Эмиль Людвиг в разговоре с Муссолини в 1932 году привёл слова, сказанные ему папой Бенедиктом XV после Первой мировой войны: «Это Лютер проиграл войну». После Ялты и Потсдама можно было бы добавить: «На этот раз окончательно». Удивительно, что борьбу против Лютера, начатую Римом, подхватили впоследствии сами протестанты, целясь уже не в частности вероисповедания, а в *суть*. Западный леволиберализм лишь перенял у католического консерватизма благородную задачу избавления

человечества от германской напасти. И если Леон Блау, «пилигрим Абсолютного», писал в 1916 году, что «безнаказанность Германии была бы доказательством несуществования Бога», то ему с другого конца вторил либеральнейший Горацио Боттомли, основатель *Financial Times* и издатель журнала *John Bull*, требовавший уничтожения немцев, даже живущих в Англии и имеющих английское гражданство, потому что: «Вы не можете натурализовать противоестественный скот – человеческого недоноска – исчадие ада. Но вы можете истребить его».

6

Ещё раз: Реформация не убила Римскую церковь, но вынудила её лишь собраться с силами и тем самым продлила ей жизнь. Ответом на виттенбергский молоток стала тотальная мобилизация католицизма под знаком решительной перестройки и переформатирования. Можно было бы, не без крупицы соли, сказать, что если Реформация и удалась, то как раз в том, что она сохранила то, что силилась уничтожить. Реформированной оказалась сама Римская церковь – под девизом и знаменем Контрреформации. По меткому сравнению одного старого немецкого автора, протестантизм преобразил прежний беспечный деспотизм Католической церкви в деспотизм недоверчивый. Тридентский собор очистил большой организм от шлаков сотен и сотен

лет, а главное: церковь снова стала собранной, серьёзной, похожей на себя, опасной, прежней. Вдруг мигом сдуло ренессансную ветренность и ребяческую игру в древности и повеяло затхлым духом былой аутентичности. Наверное, в сердце отцов-основателей Контрреформации стучался пепел ещё недавно сожжённого их предшественниками во Флоренции Савонаролы, хотя Игнатий Лойола запретил даже упоминание этого имени. Нужно было восстанавливать церковь, не критикуя её, а запрещая всякую критику. С 1554 года действует цензура – индекс запрещённых книг, куда вошли сочинения не только ненавистных протестантских авторов, но и, среди прочего, Данте, Петрарки, Боккаччо, Лоренцо Валлы, Николая Кузанского, Эразма. Тогда же запрещается изображение нагих тел. Папа Пий V велит какому-то художнику облачить в одежду фигуры Сикстинской капеллы. Престарелый Бартоломео Амманати осуждает безнравственность своих скульптур; Орландо ди Лассо в старости сокрушается о непристойности своих обценных контрафактур и завершает жизненный путь покаянным циклом *Lagrima di San Pietro* с посвящением папе Клементу VIII – «в знак моего особенного почтения» (*per mia particolare devotione*); Тассо после 1581 года собственноручно передаёт инквизиции свою поэму и просит о цензуре. Но главное и решающее событие: в 1540 году, за несколько лет до собора, официально утверждается возникший незадолго до этого орден иезуитов (некий аналог *deep state* в структуре церкви), который с такой свирепой энергичностью берётся за дело, что Тридентский собор, топчущийся на месте в бесплодных спорах, уже в скором времени поражает решительностью и непримиримостью поставленных задач. Переход от ренессансной телесности к барочной пневматике в шуме и ярости религиозных войн и избиений разыгрывался как рокировка жажимостей – чувственной и сверхчувственной. Если Ренессанс стирал всякую грань между язычеством и христианством – так что, к примеру, Никколо Пизано мог слегка отретушировать античное изображение Диониса, чтобы включить его в ком-

Питер-Пауль Рубенс. Чудеса святого Игнатия Лойолы. 1618–1619 годы

Главное и решающее событие тотальной мобилизации католицизма: в 1540 году, за несколько лет до собора, официально утверждается возникший незадолго до этого орден иезуитов, который с такой свирепой энергичностью берётся за дело, что Тридентский собор, топчущийся на месте в бесплодных спорах, уже в скором времени поражает решительностью и непримиримостью поставленных задач

позицию «Поклонения волхвов» в Пизанском баптистерии, а для иногo учёного монаха обычным делом было зажигать лампаду Божьей Матери под бюстом Платона, – то барокко стало Ренессансом католицизма, центр тяжести которого соответственно переместился из язычески скомпрометированной Италии в более резистентную

Испанию – ту самую, о которой Эмиль Чоран обронил однажды запоминающееся слово: «Будь Бог циклопом, его глазом была бы Испания». Конечно, силой, волей и душой перехода был иезуитизм, в котором Католическая церковь обрела своё второе дыхание, свой эликсир молодости, свой портрет Дориана Грея, вбирающий в себя →

Фриц Айхенберг. Иллюстрация к «Великому инквизитору» Федора Достоевского

Потребовалась организующая сила, потребовался аппарат, каковым и стали церкви, сначала каждая по себе, а позже все под одной, Римской, которая единственно и решала, что правильно, а что нет, – причём не только за паству, которой надлежало правильно верить в Бога, но и за Бога, который и Сам должен был быть правильным, чтобы можно было правильно же в Него верить

→ все грехи и безобразия остающегося подозрительно невинным оригинала. Католицизм в иезуитизме был не только заспиртован и сохранён, но и стал вездесущим, всюдным, глобальным, буквально кафоличным, как бы во исполнение слов корнелевского Сертория: «Рим больше не в Риме, он всюду

там, где я» (Rome n'est plus dans Rome, elle est toute où je suis). Отныне Римская церковь была там, где были иезуиты, а иезуиты были всюду, зримо и незримо, в исповедальнях и на университетских кафедрах, в кулуарах власти и на круглых столах, среди парижских интеллектуалов и у дикарей

Тасмании: проповедники, философы, миссионеры, мистики, военные, стратеги, тактики, учителя, естествоиспытатели, советники, духовники, утешители, подстрекатели, отравители, шахида, гуманисты, злодеи, ангелы, демоны, черти – на все случаи жизни. Цель была: охранение и сохранение церкви, и цель оправдывала средства. Или, как элегантно выразился однажды историк церкви (и друг Ницше) Франц Овербек: «Не то чтобы господство сатаны вступило в силу с иезуитов, но и не так, чтобы они были совсем невинны в том, что о них могли так думать». Просто они ради Бога продавали душу дьяволу, по сути, покупали дьявола, чтобы он служил Богу. Беда в том, что охраняемым и сохраняемым был мертвец, как мертвецом был и сам охранник (*perinde ac cadaver* – «будь послушен, как труп», орденских установлений), – тот и другой в знаке неслышанных слов: «Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов».

7

Готфрид Бенн в одном письме 1948 года корректирует тему «Заката Европы»: «Гибель Запада лежит не в его духовной слабости, которую можно повсюду наблюдать, а в собачьем пресмыкательстве его интеллигенции перед политическими целесообразностями». Можно добавить, что гибели Запада предшествует гибель христианства, *finis christianismi*. Имя и причина этой гибели – социализация и политизация мистерии через сведение вертикальной глубины человеческого в одномерность бюргерского и буржуазного. Наверное, самые ранние симптомы этого заметны уже в Деяниях апостолов, когда осенённые Святым Духом ловцы душ разошлись по миру, проповедуя благую весть. Механизм политизации прост как запертая дверь. Нужно лишь не искать её там, где её нет и не может быть. А нет и не может быть её в главном. Если – в память о бессмертном авторе «Краткой повести об антихристе» – знать, что главное в христианстве не христианство, а Христос. История христианства – всего целиком, за редкими и редкой силы исключениями, – история растянувшегося на тысячелетия гефсиманского сна, в котором лунатиче-

ские сновидцы страстно и страдальчески просыпают тайну своего первородства. Важно понять: настоящее начало христианства, то, в чём оно всегда остаётся настоящим и никогда не становится прошедшим и прошлым, – это момент, когда нет ещё никакого христианства, а есть единственно *факт, событие, мистерия* одного неспящего человека, пришедшего к спящим и заповедовавшего им не спать. (Паскаль говорит о дьявлении до конца мира агонии Иисуса и о том, что нельзя всё это время спать.) Когда потом очнувшиеся на мгновение и осознавшие случившееся апостолы вынесли мистирию в пространство публичности, это стало началом христианства в собственном смысле слова. Начало христианства – начало христианского движения, расходящегося как круги по воде. Чтобы движение не приняло аморфный и хаотичный характер, потребовалась организующая сила, потребовался *аппарат*, каковым и стали церкви, сначала каждая по себе, а позже все под одной, Римской, которая единственно и решала, что правильно, а что нет, – причём не только за паству, которой надлежало правильно верить в Бога, но и за Бога, который и Сам должен был быть правильным, чтобы можно было правильно же в Него верить. Как раз это и объяснял Великий инквизитор своему загадочному и молчаливому пленнику, который, по-видимому, оттого и молчал, что ему нечего было возразить на услышанное, а нечего было возразить оттого, что он был не Тот, каковым его восприняло помрачённое сознание Ивана Карамазова. Помрачённое до того, что ответом на страшные и смертоносные аргументы инквизитора стал опереточный поцелуй в уста, после чего пленнику было указано на дверь. «Ступай и не приходи более... никогда, никогда!» – «Пленник уходит». (Так, в переводе на русский, *Gott ist tot* («Бог мёртв») Ницше и *Dieu se retire* («Бог удаляется на покой») Леона Блуа.) Потому что некоему мастеру порчи и мировому мерзавцу удалось уткнуть мистирию смысла, начавшуюся с: «Вот, Я делаю всё

Допустимо всё что угодно, даже безбожие, если оно «нужно», а «нужно» оно там, где с его помощью легче и быстрее достигают «нужного». Сент-Бёв (на фото) выразительно охарактеризовал ситуацию, сказав, что «можно быть очень хорошим католиком и в то же время едва ли христианином»

новым», в знакомый до боли акцент: «*Кадры решают всё*».

8

Абсолютный (свободно по Кьеркегору) парадокс христианства: невозможность христианской политики на фоне безудержно политизируемого христианства. Это даже не противоречие в определении, а просто невозможность априори, допустив, что нелепее христианского политика мог бы оказаться разве что христианский физик или, скажем, христианский хирург. Шефам христианского протокола заблагорассудилось сузить круг возможностей своего Бога до неприлично немногих точек приложения, вроде поэзии, музыки, живописи, архитектуры или армии спасения; в остальном располагал уже не Он, а Его умудрённые житейским и прочим опытом ньюсмейкеры и спичрайтеры. Один иезуит-математик признался другу Галилея во время суда над последним, что, сохрани тот с ними, с

отцами-иезуитами, добрые отношения, он жил бы в славе и осыпанный почестями и писал бы что вздумается, даже о вращении Земли. Тридцатью тремя годами раньше это могло бы быть сказано и о Джордано Бруно – правда, с небольшой поправкой: вместо «жил бы в славе» просто «остался бы в живых». Назвать это цинизмом значило бы ломиться в открытую дверь; точнее было бы говорить о политике, в силовом поле которой решают уже не догмы и не ереси, а «*добрые отношения*». Догмы и ереси в политическом дискурсе христианства функциональны, а не субстанциальны, и описываются как зависимые переменные от заданных значений. Допустимо

всё что угодно, даже безбожие, если оно «нужно», а «нужно» оно там, где с его помощью легче и быстрее достигают «нужного». Сент-Бёв выразительно охарактеризовал ситуацию, сказав, что «можно быть очень хорошим католиком и в то же время едва ли христианином», а Шарль Моррас сжал её до чеканной формулы: «Я атеист, но я католик». Нет сомнений, что эта релятивизация понятий столь же невозможна в абсолютном элементе религиозного, сколь она единственно возможна и даже неизбежна в абсолютном элементе политического. Политика растворила в себе религию по той же схеме, по какой логическая форма мысли в схоластике растворила в себе содержание мысли (предмет). Отточив мыслительный аппарат до совершенства, залюбовались им до умопомрачения. То же повторилось впоследствии и в естествознании, так и не осознавшем, до какой степени оно воспроизводит теологическую структуру в самом своём – классическом ли, релятивистском или квантовом – существовании. Подобно тому как физика, вместо того чтобы исследовать природу, сама занимает место природы, так и религия вытесняет Бога своими понятиями и представлениями, выдавая их за самого Бога. Карл Баллмер сказал об этом в простых и предостерегающих словах: «Человечеству грозит опасность легко выжить из ума на чахло мифе о Боге. Оно разучилось общению с *Богами*. Боги не обыватели. Есть уважаемые Боги, которые не ➔

Караваджо. Обращение на пути в Дамаск. 1600-1601 годы

Главное верить в Бога – всё равно, есть ли Он или Его нет. Это и обеспечивала во все времена церковь, не видя собственной палки о двух концах, на одном из которых миром управлял Бог, а на другом Богом управляла церковь. Когда, наконец, немногие, трезвые и ответственные, спохватились и забили тревогу, выяснилось, что решение всё-таки есть.

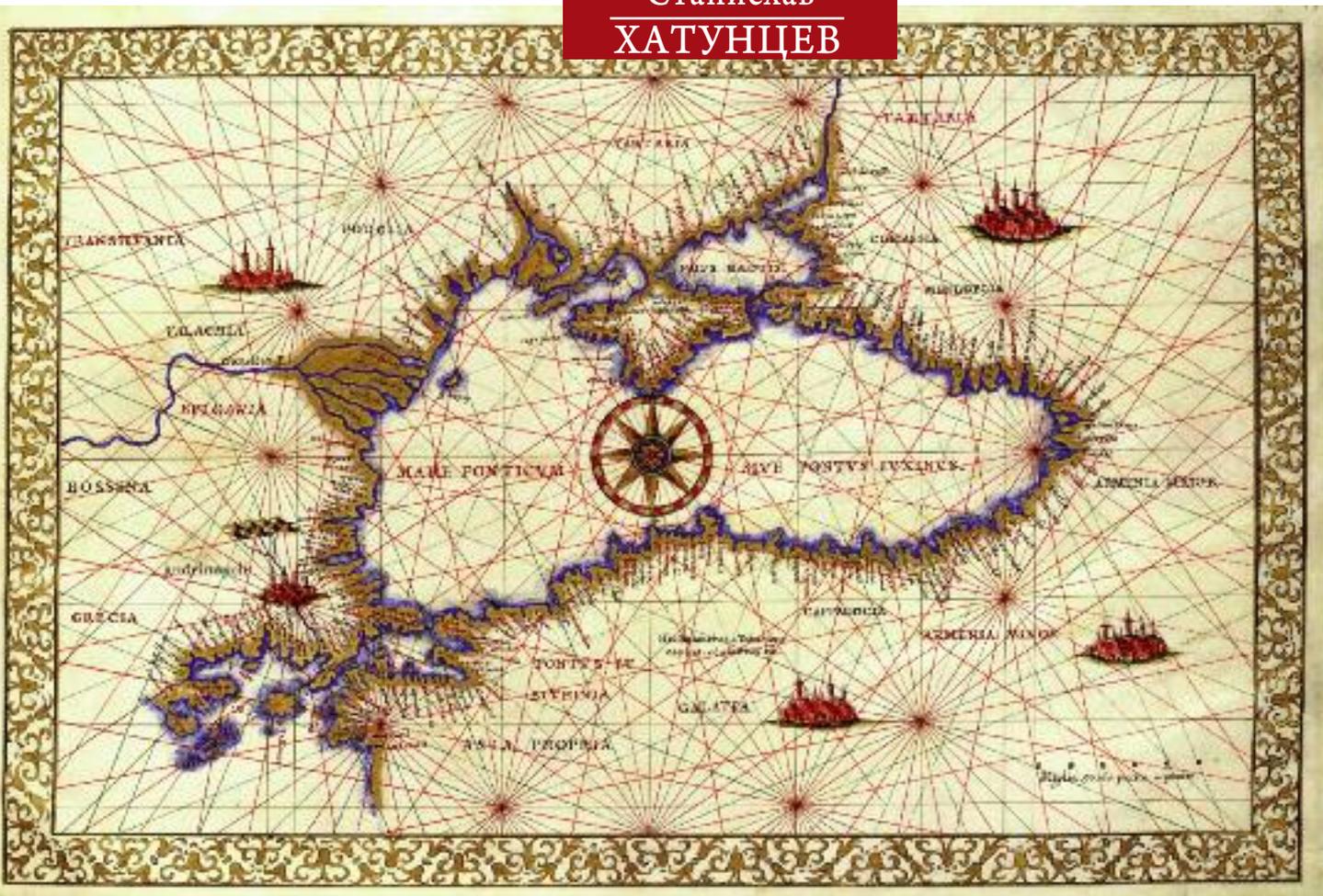
Правда, единственное и к тому же невозможное.
Идя в Дамаск, прийти в Каноссу

→ придают никакого значения тому, католики ли они или протестанты. Дистанция между Богами <...> и христианскими обывателями больше, чем себе представляют. Дистанция между Богом и бюргером в любом случае больше, чем себе представляют». Особенно, если представляющий не просто бюргер, а ещё и философ или теолог кантовского изготовления, для которого Бог – это частный случай вещи в себе, а вещь в себе – полезная и целесообразная фикция, в которую лучше (полезнее) верить, чем не верить. Советовал же оккультный психотерапевт Юнг своим неверующим пациентам верить в Бога, чтобы не заболеть. В кантовской редакции: чтобы быть моральными.

Мы моральны не потому, что верим в Бога, но мы верим в Бога, потому что мы моральны. Или иначе: мы верим в Бога не потому, что Он есть, но Он есть, потому что мы в Него верим. Главное верить в Бога – всё равно, есть ли Он или Его нет. Это и обеспечивала во все времена церковь, не видя собственной палки о двух концах, на одном из которых миром управлял Бог, а на другом Богом управляла церковь. Когда, наконец, немногие, трезвые и ответственные, спохватились и забили тревогу, выяснилось, что решение всё-таки есть. Правда, единственное и к тому же невозможное. Идя в Дамаск, прийти в Каноссу. Деполитизировать себя, чтобы увидеть себя, говоря языком феноменологии, в

своей допредикативной очевидности, в том, что было (есть!) до всякой церкви и с чего сама она началась однажды. Говоря прямее: если началом исторического и загнавшего себя в тупик христианства была невозможность (тертуллиановское *certum est quia impossibile est* – «это несомненно, ибо это невозможно»), то стать христианином (по Гёте: «каким его хотел бы иметь Христос») можно – во все времена и поверх всех конфессий и кадров – не иначе как входя в невозможное и живя в невозможном. Парадокс христианства: начавшись с невозможного, оно только и делало, что приспособлялось к возможному, пока, в конце концов и с другого конца, не попало в невозможное, только уже не в прежнее (тертуллиановское, изначальное и несомненное) невозможное, а в самое обыкновенное и банальное, называемое тупиком. Потому что если деполитизация христианства (как возвращение к началу, или факту, событию, мистерии Христа) вообще возможна, то уже не на фоне *sola fide* («только верю») и паскалевского «безумия креста», а в элементе абсолютно трезвого сознания и знания, от которого во все времена предостерегали отцы, понеже знание о Боге невозможно либо от дьявола. Даже Карлу Барту, этому последнему великому учителю церкви, уже в наши дни понадобилось исписать девять тысяч страниц «Церковной догматики», чтобы поведать, что *знать о Боге может только сам Бог*. Ставрогин у Достоевского ухитрился уместить эту многословную догматику в одном-единственном «подлом выражении»: «Чтобы сделать соус из зайца, надо зайца; чтобы уверовать в Бога, надо Бога». Подлое выражение провоцирует более подлый вопрос: как сделать соус из зайца, которого невозможно поймать? Или проще: которого нет. Чтобы избежать ответа на этот вопрос, каковым мог бы быть только никакой ответ, христианство предпочло воздавать Богу не покрытое мраком неизвестности Божье, а хорошо известное и могущественное кесарево – в преддверии будущих бунтов, свержений с тронов и насаженных на пики голов. **Ф**

Базель, 17 марта 2017 года

Портолан второй четверти XVI века. Черное море

Культурно-исторические зоны РОССИИ И ЕВРОПЫ

О тветы на вопрос «что такое цивилизация?» составляют крупнейшую литературу. Внося в нее свои «пять копеек», отмечу, что, на мой взгляд, цивилизация есть некое своеобразное «гравитационное поле», или же «поле тяготения», лежащее на той или иной географической территории, являющейся цивилизационным месторазвитием. Это как своего рода магнитное поле, которое человек не способен ни пощупать, ни увидеть, но убедиться в его существовании может весьма легко. Достаточно на лист бумаги, под которым расположен магнит, бросить щепотку металлической стружки, и она образует на этом листе определенный узор, соответствующий силовым линиям магнитного поля. Мощь магнитного поля не

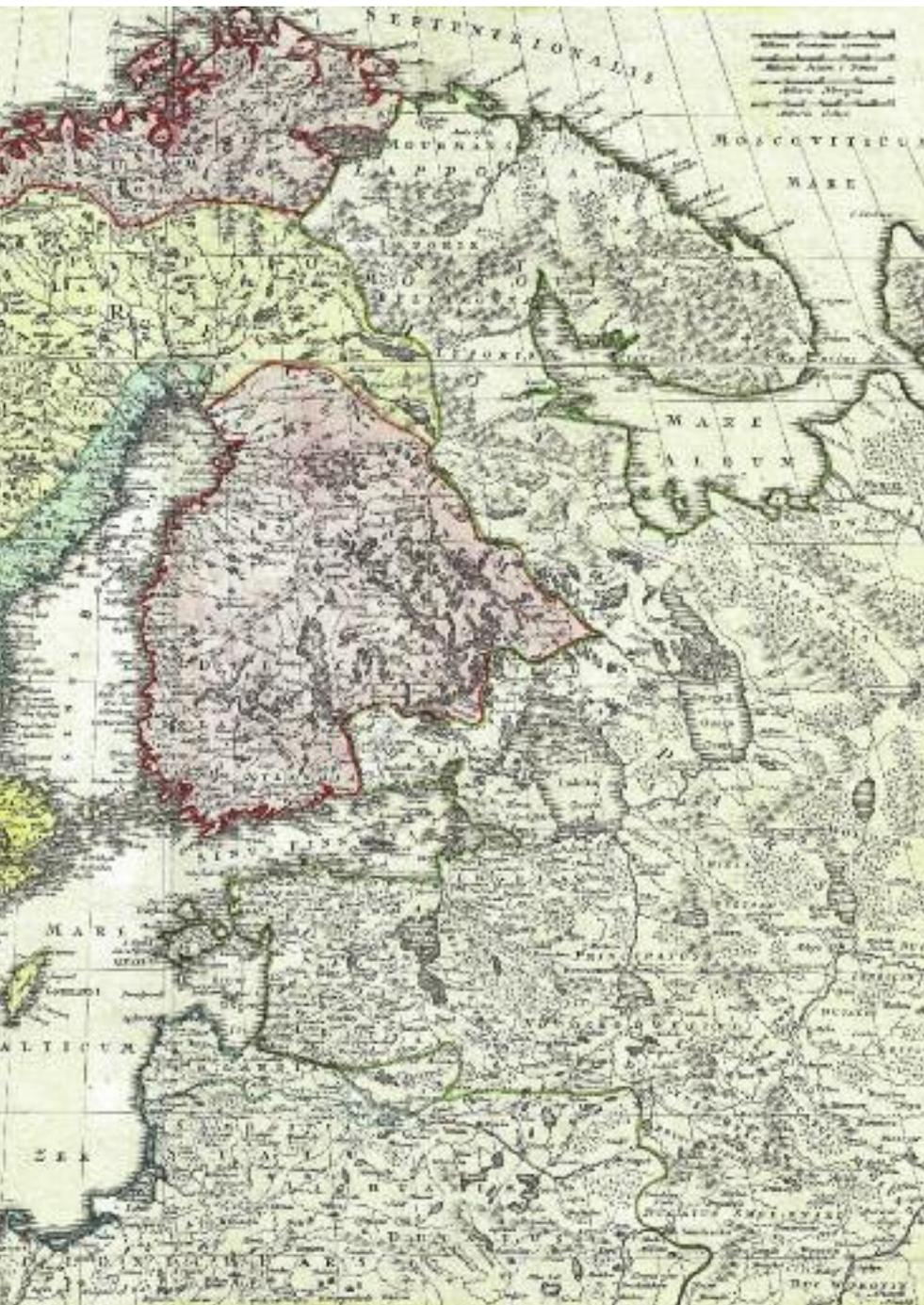

Станислав Витальевич Хатунцев – кандидат исторических наук, историк, публицист

абсолютна, ее не стоит переоценивать: стружку в нашем примере несложно сдвинуть деревянным карандашом или эбонитовой палочкой. Но и недооценивать ее тоже не следует: как только действие внеш-

ней силы заканчивается или становится более слабым, нежели воздействие магнитного поля, стружка на листе бумаги вновь подчиняется его объяснимой с точки зрения возникшей в Новое время физики невидимой «магии». Действие цивилизационного поля во многом подобно действию поля магнитного: внешние (а также внутренние) силы время от времени меняют положение фигур на цивилизационной доске, но силы эти непостоянны, а вот магнетизм самого поля следует рассматривать как непрерывно действующий фактор.

Цивилизации, культурно-исторические миры – в частности, европейский и российский (или, если угодно, российско-евразийский) – можно описать как концентрические структуры. Первым их элементом является полоса земель, представляющая собой культурно-географическую границу, отделяющую одну цивили- ➔

Фрагмент карты около 1715 года. Балтийское море и прилегающие земли

→ зацию от другой. Назовем эту полосу цивилизационным лимесом, или же просто лимесом. Поскольку цивилизации имеют природу скорее полевую, нежели корпускулярную, то есть представляют собой не столько некое единое тело, сколько культурно-историческое поле, лежащее, как уже говорилось, на соответствующем поле географическом, выступают своеобразным культурно-географическим континуумом, сходящим на нет на периферии, но все более уплотняющимся по направлению к центру, то и цивилизационный лимес отнюдь не всегда можно представить

в виде узкой и четкой линии: это скорее специфическая контактная зона шириной от нескольких десятков до нескольких сотен километров.

Второй элемент цивилизационной структуры – пояс примыкающих к границе-лимесу территорий, в пределах которого происходят зарождение, активная борьба и вытеснение, а также интеграция и синтез сюжетов, культурных, исторических, геополитических и т. д. парадигм, форм и элементов, присутствующих соседним цивилизациям. Переходность для данных пространств является основной реаль-

ностью, главным, системообразующим свойством. Такого рода пространства можно обозначить как лимитрофные земли. Благодаря тому, что на практике отделить цивилизационный лимес от лимитрофных земель, как правило, не всегда возможно, целесообразно рассматривать оба элемента совместно, в единой категории лимитрофных пространств. Всю эту зону можно сравнить с речной поймой, в пределах которой петляет изменчивое русло реки. В данном случае река символизирует лимес, цивилизационную границу, а пойма – лимитрофные пространства в целом.

Третий элемент – это полоса примыкающих к лимитрофным землям (лимитрофным пространствам) территорий, в чьей традиционной – нормативной – культуре формы и комплексы, происходящие из соседних цивилизаций, играют заметную роль, однако прослеживается доминирование коренных, автохтонных культурно-исторических сюжетов и форм, свойственных цивилизации данной. В отличие от лимитрофных пространств, земли этого пояса имеют лишь некоторые, в целом второстепенные признаки переходности, контактности, пограничности. Полосу земель, его составляющих, мы назовем лимбом.

Четвертый и последний элемент цивилизационной структуры представлен территориями, находящимися за лимбом. Это земли, в самобытной и оригинальной культуре которых иноцивилизационные комплексы, сюжеты и парадигмы существенного значения не имеют. Такие пространства составляют опорный ареал, платформу цивилизации, ее устойчивое ядро.

Далее я предлагаю свое видение, свою, возможно, чересчур субъективную картину того, как все названные выше зоны выглядят на карте российского и европейского цивилизационных месторазвитий. Картина эта никоим образом не является окончательной, безапелляционной, напротив, она открыта для критики и поправок. Здесь автор дает ее финально-оценочно, перечислительно-описательно, как бы в готовом виде, не рассматривая аргументов за и против. В силу изложенного выше он вообще сомневается в том, что можно выработать

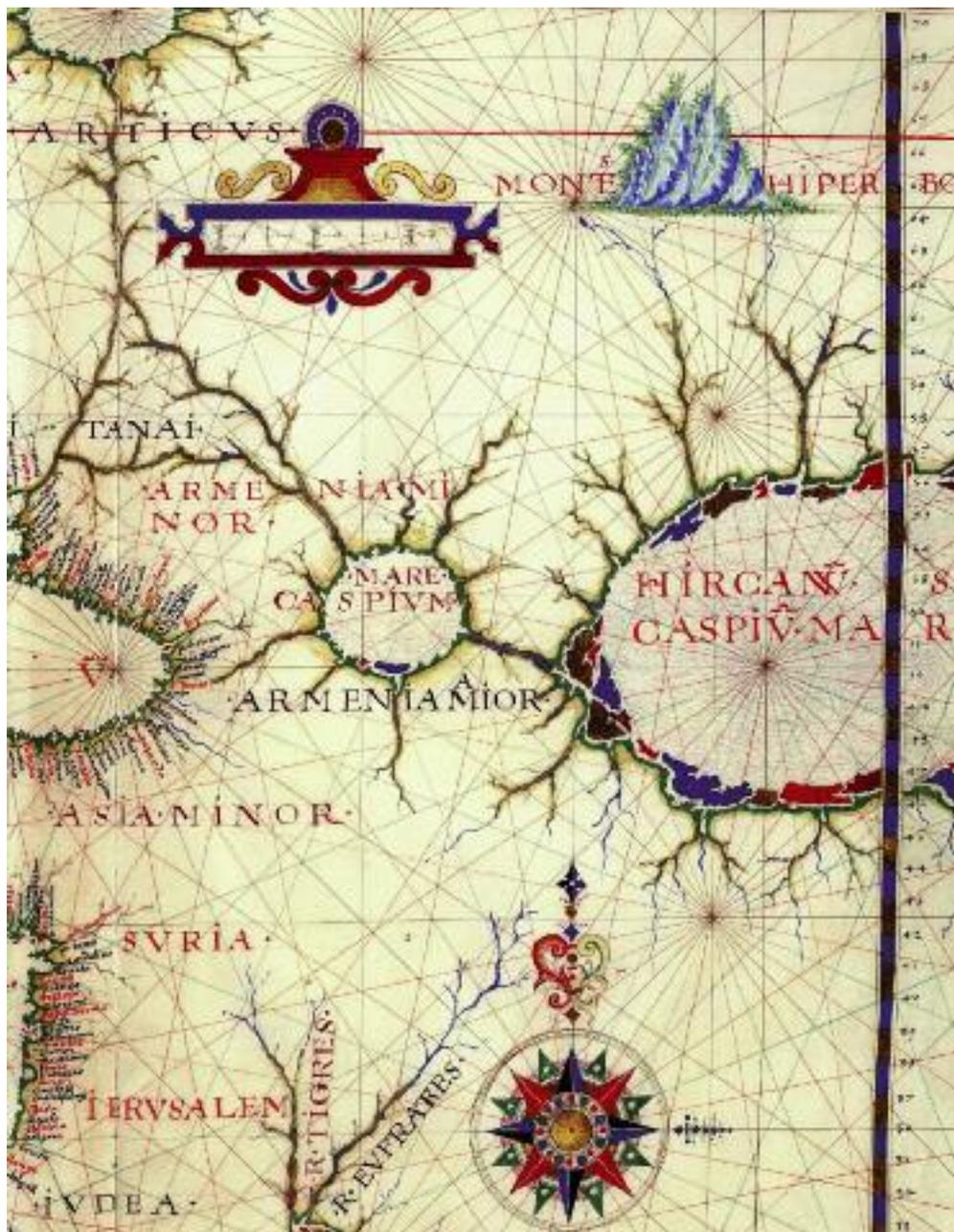
абсолютно четкие, недвусмысленные и однозначные культурно-исторические и географические критерии отнесения того или иного региона к одной из четырех зон цивилизационной структуры.

Лимес российского культурно-исторического мира связывает российско-евразийский континуум с другими цивилизациями Старого света – европейской, афразийской (арабо-персидской) и восточноазиатской. Границы российско-евразийского мира в среднем своем приближении достаточно близки к государственным границам Российской империи и СССР.

Лимесом российской цивилизации можно считать полосу, примерно совпадающую с пограничной зоной между РФ и Финляндией, далее идущую по части Прибалтики к границе Литвы с калининградским анклавом (за исключением Мемельской области) и по ней, через Восточную Польшу, спускающуюся к Карпатам и следующую по карпато-балканской дуге до побережья Черного моря, а от него – к Кавказу.

На Кавказе лимес российской цивилизации пролегает между Большим Кавказским хребтом и нагорьями Передней Азии – Малым Кавказом и северо-западным углом Иранского нагорья – до Каспия, далее Каспийским морем идет к Красноводску, следует по Копетдагу с его предгорьями, хребту Сафед-Кох, нагорью Хазараджат, Гиндукушу и через Памир выходит к Тибетскому нагорью. Северную границу Тибетского нагорья и границу Внутренней Монголии с собственно китайскими провинциями и с Маньчжурией можно признать продолжением российского лимеса.

Но в Северной Маньчжурии – в китайском Приамурье, – а также в Приморье и в Приамурье российском эта культурно-историческая и географическая структура едва ли не размыкается, попадая в особое пространство, не охваченное устойчивой, тысячелетней историей цивилизационного бытия (наиболее общепризнанные критерии этого цивилизационного бытия, понимаемого как определенная ступень и стадия развития общества, – наличие у тех или иных народов на тех или иных территориях произво-

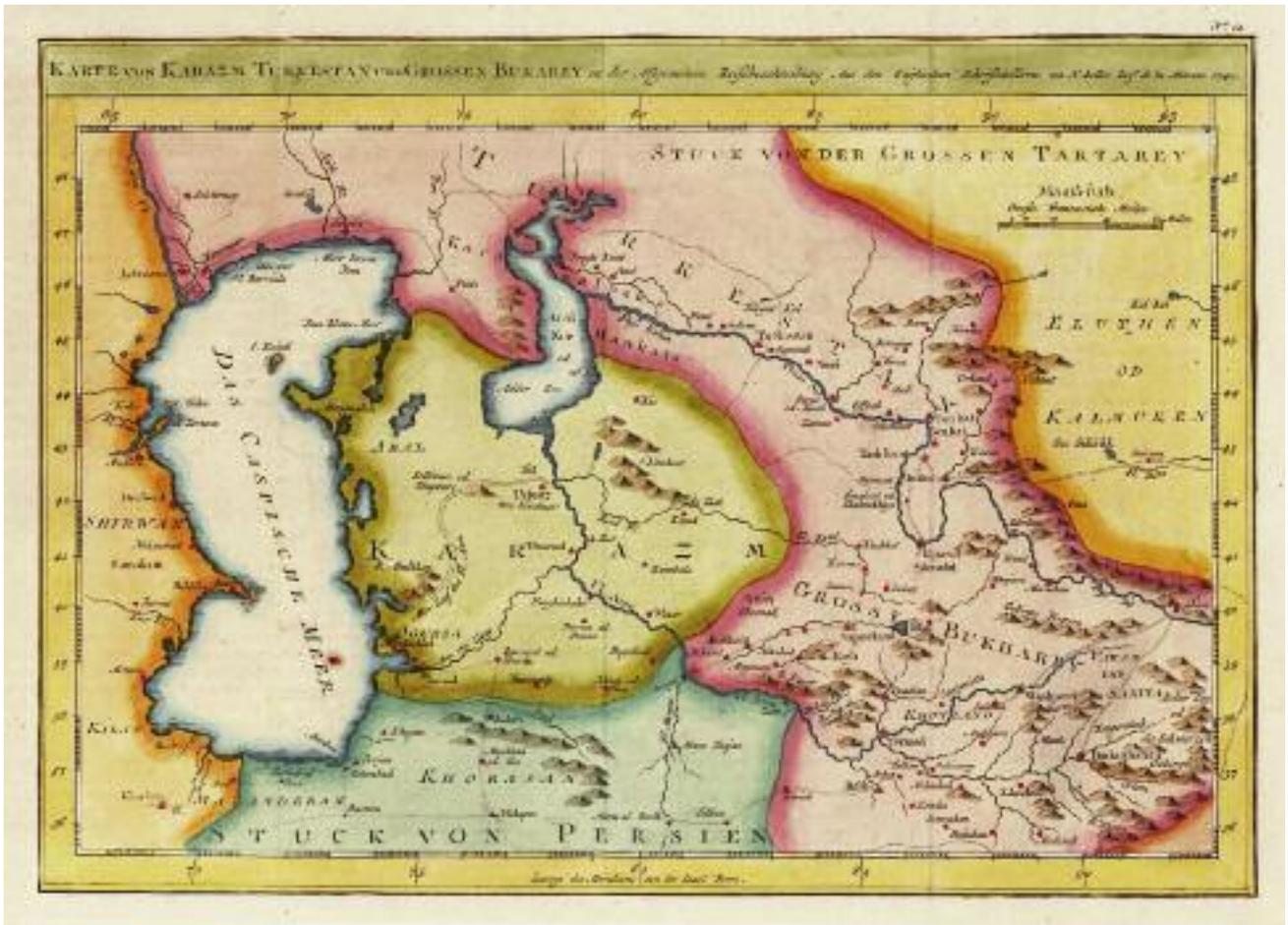

Фрагмент портолана 1570 года. Черное и Каспийское моря

дящего хозяйства как основы всей жизни общества, государственности, городов и форм письменности), которое я предлагаю называть варварской (или же осваиваемой) периферией цивилизованных обществ. Термины «варварство» и «варварская периферия» в данном и далее употребляемом мной контексте восходят: первый – к классификации Адама Фергюсона и Льюиса Генри Моргана (дикость – варварство – цивилизация), повторенной Фридрихом Энгельсом в его «Происхождении семьи, частной собственности и государства»; второй – к концепции Арнольда Тойнби. Эти термины означают исключительно отсутствие приведенных выше признаков цивилизационно-

го бытия в культуре некоторых народов до наступления Нового времени. Подчеркиваю и поясняю, что в таком понимании данные термины не выражают и не могут выражать какого бы то ни было уничижительно-расистского отношения к этим народам, содержащегося в оттенках общеупотребительного смысла понятия «варварство», восходящего к античной (греко-римской) эпохе.

К лимитрофным землям российско-евразийского мира можно отнести Кольский полуостров, Карелию (вместе с устьем Невы), страны Прибалтики, западные Белоруссию и Украину, Молдову, Валахию, Северную Болгарию, Крым, республики и автономии Северного →

Карта Средней Азии 1749 года

→ Кавказа, Краснодарский и Ставропольский края, Туркмению, основную часть Узбекистана, афганский Туркестан, Таджикистан, Южную Киргизию, Кашгарию и Джунгарию, большую часть Халха-Монголии и всю Внутреннюю Монголию, Приамурье, Приморье, Сахалин, Курилы, Камчатку, Чукотку.

При этом в отношении Кольского полуострова, Приморья, Приамурья, Курил, Сахалина, Камчатки, а также Чукотки ситуация осложняется тем, что данные территории, выступая как лимитрофные, одновременно с этим являются и частью варварской периферии цивилизованных обществ Большого Евразийского континента – пояса земель, которые лишь включаются в цивилизационное бытие.

Также отметим, что Камчатка и Чукотка являются соединяющим звеном и одновременно барьером между российским и североамериканским цивилизационным месторазвитием.

Лимбом можно считать северо-западные области Российской Федерации, примыкающие к Белому морю, Карелии и Прибалтике,

Приднестровье, центральные и восточные регионы Украины и Белоруссии, а также прилегающие к ним области РФ вплоть до северных и восточных районов Тверской и Московской областей, восточной части Тульской области, лежащих к востоку от Дона районов Липецкой и Воронежской областей, территории между Нижним Доном и Волгой, Казахстан, исключая крайние северные его регионы, часть северо-западных и северо-восточных районов Узбекистана, Северную Киргизию, Горный Алтай, Туву, южные и центральные районы Бурятии и Забайкалья, северо-западные и северные области Халха-Монголии.

Всё остальное относится к ядру, платформе российской цивилизации. Однако весьма существенная часть этой платформы является массивом, принадлежащим к поясу земель варварской периферии. Это – обширная область территорий малоосвоенных, в цивилизационном плане только колонизируемых и находящихся на «трудных» – как правило, северных, если не приполярных и даже заполярных, – про-

странствах Большой Евразии: Русская Арктика, большая часть Сибири и Дальнего Востока.

Освоенные районы платформы российского цивилизационного мира также определенным образом структурированы. Они принадлежат к двум крупным историко-этнографическим и природно-географическим бассейнам, которые можно было бы назвать метакультурами российско-евразийской цивилизации, – Сибирскому и Восточноевропейскому – по географическому расположению последнего на Восточно-Европейской (Великой Русской) равнине.

Демаркирует метакультуры российской цивилизации Уральский хребет. С запада к нему примыкают земли, которые имеют значительное число сибирских природно-культурных черт, а с востока – территории, обладающие множеством восточноевропейских особенностей. Эти переходные земли образуют сплошной меридиональный пояс, составляющий стержень, позвоночник, костяк России. В целом его границы можно определить от Волги до Ишима с запада на

Карта Китая 1632 года

восток и от северных берегов Каспийского и Аральского морей до Приполярного Урала с юга на север. Именно эти районы обеспечивают целостность и единство всего российского мира как такового. Полосу описанных выше территорий можно назвать внутренним лимитрофом российско-евразийской цивилизации.

Данная область играет в истории этой цивилизации особую роль. Так, Южный Урал является прародиной культурно-исторической общности арийских – индоиранских – племен. На протяжении всего периода истории человечества именно через этот ареал осуществлялись многообразные связи народов, а затем и государств Восточно-Европейской равнины с Сибирью, именно здесь пролегали их культурные, военные и торговые коммуникации.

Урал является своего рода осью симметрии природно-географических зон Восточно-Европейской равнины и Сибири и географическим центром российского субконтинента, а Южный Урал выступает как средоточие всего Урала в целом. Поэтому можно сказать, что Южный Урал – это центр российско-евразийского центра, наш цивилизационный Хартленд.

Таково, на мой взгляд, органиче-

ское строение российской части планеты.

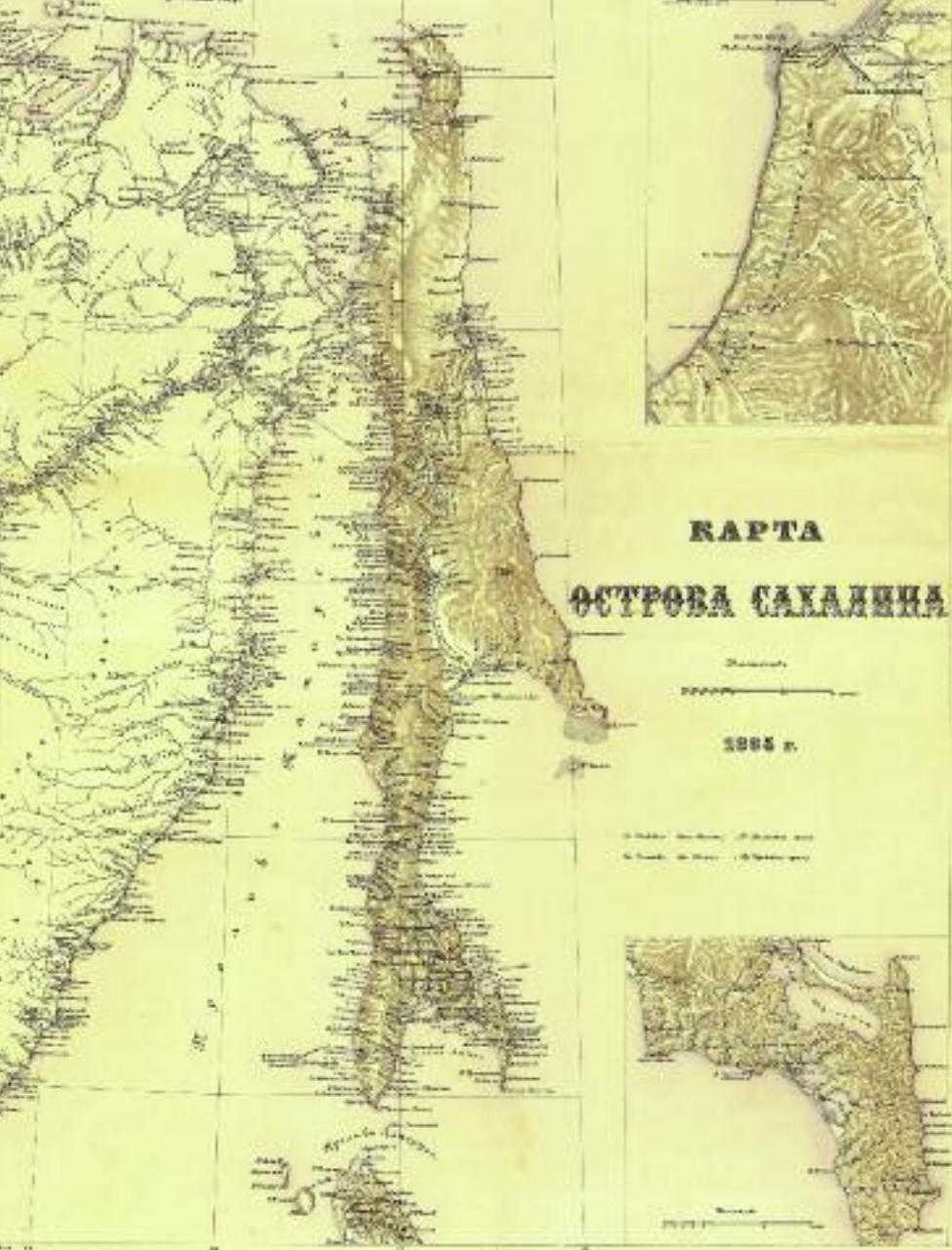
Теперь о Европе. Но прежде всего необходимо отметить, что представление о коренной Европе как мире романо-германских народов давным-давно следует расширить и впредь говорить о ней как о кельто-романо-германской цивилизационно-культурной общности. Хотя сейчас кельтов в Европе наберется полтора – максимум два – десятка миллионов, основная область распространения романских языков и народов захватывает ареал обитания именно кельтских племен – Францию, Бельгию, значительную часть Испании и Португалии, северные районы Италии. Кроме того, если говорить только о европейском цивилизационном месторазвии, то в свое время кельты населяли Англию, Швейцарию, Южную Германию, Австрию, Люксембург, где их сменило германоязычное население. В областях на востоке, заселенных вместо кельтов славянами – как, например, в Чехии, – едва ли не целое тысячелетие преобладала германская культура. При этом латынь, на основе которой и сформировались романские языки, относится к италийской группе индоевропейской семьи, а италики в культурно-историческом плане весьма близки

к кельтам – настолько, что можно вслед за корифеями-лингвистами Антуаном Мейе и Фредериком Кортландом говорить о существовании (до определенного времени) итало-кельтской общности. Но даже критики этой гипотезы объясняют факты лингвистическо-культурного сходства между кельтами и италиками тесным взаимодействием их предков в течение длительного периода в рамках общего ареала.

Лимитрофные пространства европейского культурно-исторического мира – это Северо-Восточная Норвегия, Финляндия с Аландскими островами, лён Готланд, также, вероятно, архипелаг Моонзунд, возможно, Курземе (Курляндия), Жемайтия (Жмудь), совершенно определено Мемельская область и историческая прибалтийская Пруссия, этническая Польша вкупе с Данцигом-Гданьском, Словакия, Закарпатье, Венгрия, Трансильвания (вместе с Кришаной и Южным Марамурешем), Банат, Воеводина, Хорватия, Сицилия, Сардиния, Мальта, Балеарские и более мелкие острова Западного Средиземноморья, Южная Испания (Андалузия) и, возможно, Южная Португалия. В контексте лимитрофности можно поставить вопрос о Южной Италии (сами итальянцы говорят, что «южнее Рима начинается Африка») и даже о Корсике. Но Корсика является землей скорее лимбовой, нежели лимитрофной, тогда как Италия южнее Рима обладает многими чертами лимитрофа. При этом Северо-Восточная Норвегия и прилегающие к ней районы Финской Республики (историческая Лапландия) одновременно представляют собой и варварскую периферию европейской цивилизации, которая ее активно осваивает.

Особая статья для рассмотрения – балканский ареал, на землях которого переплетаются черты трех культурно-исторических миров: российского, европейского и афразийского. Поскольку мы говорим исключительно о двух первых, то оставим Балканы за рамками данной панорамы – дабы не усложнять общую картину, и без того непростую.

Лимбовые земли Европы составляют Северная и Центральная Норвегия, львиная доля Швеции, восточная часть Датского архипелага (острова между Сканди- ➔

Карта Сахалина 1885 года

→ навским полуостровом и южным побережьем Балтики), Восточная Германия, то есть большая часть бывшей ГДР и ее продолжение на территориях, переданных послевоенной Польше (исторические Силезия, часть Померании и Бранденбурга), Моравия, Чехия, Бургенланд, Верхняя и Нижняя Австрия, Каринтия, Штирия, Словения, Италия – за исключением ранее указанных, а также северных и северо-западных ее регионов (Ломбардии, Пьемонта, Валле-д’Аосты, внутренних районов Венето и Эмилии-Романьи), – средиземноморские области Франции, Центральная Испания, Каталония и основная часть Португалии.

Оставшиеся европространства – примыкающая к Бискайскому заливу Северная Испания, Франция и Австрия (за исключением обозначенных выше ареалов), ранее отме-

ченные районы Северной Италии, Швейцария, Лихтенштейн, Западная Германия (ФРГ в послевоенных границах до воссоединения немецкого государства вместе с Тюрингией), страны Бенилюкса, Ирландия, Великобритания, Ютландия, острова западной части Датского архипелага и Южная Норвегия с прилегающими к ним областями Швеции (Халланда, Вестра-Гёталанда, Верmland), а также Исландия – входят в ядро, опорный ареал, платформу европейской цивилизации.

Структура ее в типологическом плане сходна со структурой российско-евразийского мира.

Европу как цивилизацию образуют две метакультуры или, если угодно, субцивилизации, которые можно назвать германской и кельто-романской. Есть там и свой собственный внутренний лимитроф. Его составляют земли, пере-

ходные между кельто-романской и германской метакультурами. Через этот внутренний лимитроф пролегают коммуникации, стягивающие обе части европейской цивилизации, сшивающие их в единое целое. Он обеспечивает связность европейского культурно-исторического пространства и является позвоночником, цивилизационным хребтом Европы. В континентальную часть этого внутреннего лимитрофа можно включить Баварию, Зальцбург, альпийскую Австрию и итальянский Тироль, Лихтенштейн, Швейцарию, Баден-Вюртемберг и более северные прирейнские районы Германии вплоть до ее голландской границы, Эльзас, Лотарингию, Люксембург, Бельгию, Нидерланды (исключая Фрисландию). Следует отметить, что области «европозвоночника», которые тяготеют к Рейну – от Северной Швейцарии до морского побережья Бельгии и Голландии, – занимают в его составе особое и очень важное место, играют уникальную роль. Они являются центром европейского центра, средоточием всего внутреннего лимитрофа Европы в целом, а после Второй мировой войны выступают осью евроинтеграционных процессов. Весьма закономерно, что именно там располагаются различные структуры ЕС: его штаб-квартира (Брюссель), Совет Европы, Европейский суд и Европарламент (Страсбург).

Эти «нанизанные» на Рейн территории целесообразно выделить в отдельную область в рамках внутриевропейского лимитрофа и обозначить их как цивилизационный Хартленд.

В качестве особого сегмента внутреннего лимитрофа Европы следует рассматривать Британию – остров, где происходят борьба, взаимовлияние и синтез кельто-романской метакультуры и метакультуры германской. Исторически Британия с ее регионами – Англией, Шотландией и Уэльсом – играет роль плавильного котла для германских и кельто-романских форм и элементов культуры, является таким химическим реактором, в котором они друг с другом взаимодействуют, а также своеобразным барьером-мембраной между кельтскими Ирландией и более мелкими ост-

Карта Европы около 1640 года

ровными территориями (Гбридские острова, Мэн, Англси и т. д.) и германскими континентальными и полуостровными землями, выходящими фасадом на Северное море, – Скандинавией, Нижней Саксонией, Ютландией и Фрисландией.

Выступая отдельными, самостоятельными культурно-историческими мирами, российско-евразийская и европейская цивилизации входят составными частями в более высокую таксономическую единицу – метацивилизацию. Метацивилизации представляют собой систему из двух связанных друг с другом в историко-культурном плане цивилизаций. Такая связка предполагает религиозные и/или политические, экономические, собственно культурные, антропологические, языковые и т. п. контакты и взаимодействия между ними, интенсивность и глубина которых заметно превосходят интенсивность и глубину контактов каждого из членов той или иной метацивилизационной связки

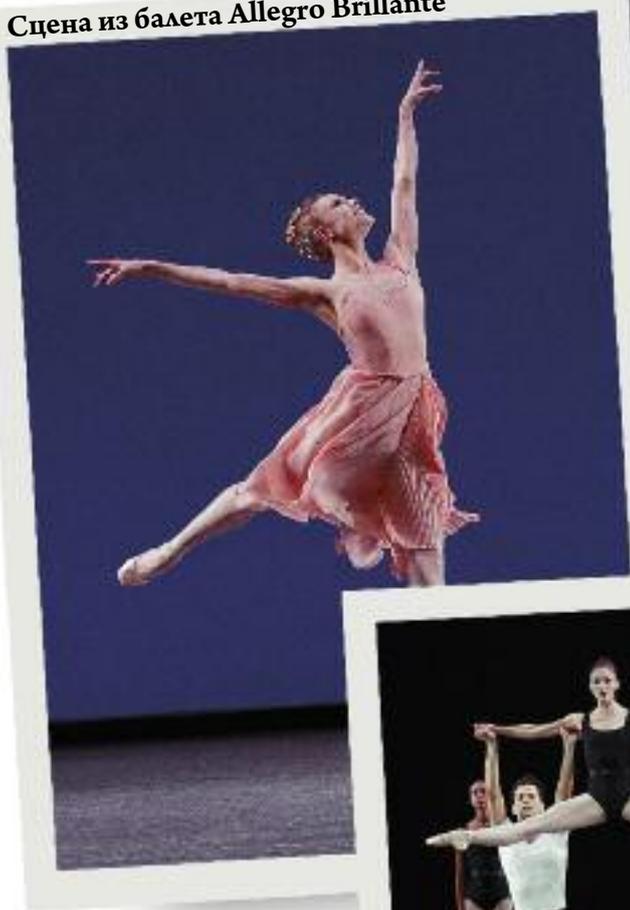
с другими культурно-историческими мирами. В данном случае можно говорить о метацивилизации христианства, но более точным для этого идеального, то есть мыслимого, культурно-исторического конструкта будет все-таки название «метацивилизация Севера». Таким образом, Россия и Европа являются структурными элементами метацивилизации Севера.

Лимитрофные пространства, разделяющие (но не в меньшей степени и связывающие) европейскую цивилизацию с российской в данном контексте выступают внутренним швом, внутренним лимитрофом метацивилизации Севера. В него входят Лапландия, Карелия, Финляндия, Ингрия, государства Прибалтики, Калининградская область, Польша (исключая Восточную Померию, Восточный Бранденбург и Силезию), Западная Белоруссия, Западная Украина (Волинь, Галичина, Закарпатье), Словения, Венгрия, Воеводина, Банат,

Трансильвания, Молдова и Буковина.

Если когда-нибудь начнутся и наберут размах интеграционные процессы, в той или иной степени и форме соединяющие Россию с Европой (что, говоря по правде, крайне сомнительно), то их центром тяжести, главным рабочим полем станет именно европейско-российский лимитроф. В этом случае неизбежно встанет вопрос об общих для интегрируемых пространств метацивилизации Севера структурах и органах, которые будут размещаться опять-таки на землях российско-европейского лимитрофа. Учитывая историко-культурные и прочие особенности различных территорий данного ареала, полагаю, что наилучшим местом для размещения этих структур и органов окажется Калининградская область, которая как будто специально – умышленно и нарочно – создана для того, чтобы выступать фокусом интеграции Европы с Россией. **Ф**

Сцена из балета Allegro Brillante

Сцена из балета «Симфония до-мажор»

Цикл
«Весь
Баланчин»

Сцена из балета «Четыре темперамента»

New York City Ballet

В этом году весенняя (апрель-май) афиша Нью-Йоркского балета составлена из трех циклов – «Весь Баланчин» (All Balanchine), «Весь Роббинс» (All Robbins), фестиваль «Здесь/сейчас» (Here/Now Festival) – и в завершение «Сон в летнюю ночь» Джорджа Баланчина.

В цикле «Весь Баланчин» знаменитые спектакли Баланчина – Allegro Brillante (известный у нас как «Бриллианты») на музыку П.И. Чайковского, «Четыре темперамента» на музыку Пауля Хиндемита и «Симфония до-мажор» на музыку Жоржа Бизе.

В цикле «Весь Роббинс» представлены балеты Джерома Роббинса: Fancy Free на музыку Леонарда Бернштейна, Moves – без музыкального сопровождения, а также знаменитый «Концерт» на музыку Шопена.

На фестивале современного балета «Здесь/сейчас», который продлится 4 недели, будет показано 43 балета от 22 хореогра-

фов, среди которых наш соотечественник Алексей Ратманский.

Завершит весенний репертуар театра «Сон в летнюю ночь» Джорджа Баланчина на музыку Феликса Мендельсона.

Сцена из балета Алексея Ратманского «Намуна»

К теме

Сцена из балета «Концерт»

История и слава New York City Ballet неразрывно связаны с именем выдающегося хореографа XX века Джорджа Баланчина, родившегося в 1904 году в Санкт-Петербурге и долгие годы носившего имя Георгия Мелитоновича Баланчивадзе. Он учился в балетной школе Мариинского театра, в Петроградской консерватории, танцевал, работал тапером, хореографом. В 1924 году он вместе с группой танцовщиков выехал на гастроли в Германию и вскоре был принят в труппу «Русский балет» Сергея Дягилева. В этой труппе Баланчивадзе – именно тогда по совету Дягилева он стал именовать себя на западный манер Джоржем Баланчиным – поставил десять балетов, многие из которых до сих пор остаются в репертуарах театров. После смерти Дягилева в 1929 году труппа стала распадаться, Баланчин работал в Лондоне, Копенгагене, Монте-Карло, Париже, пока его не увидел американский миллионер и меценат Линкольн Кирстайн. Вот что Кирстайн, очарованный балетами Баланчина, написал своему партнеру в Америке: «Вы знакомы с Джоржем Баланчиним? Если нет, то скажу вам, что он – грузин и его грузинское имя – Георгий Баланчивадзе. Он обладает личным шармом, он бронет, гибкий отменный танцор и самый гениальный мастер балетной техники из тех, кого я знаю. Будущее за нами. И, ради бога, не позволяйте нам потерять его!»

В 1934 году Баланчин переехал в Америку и при поддержке Кирстайна уже в начале следующего года открыл Школу американского балета. От этого события и отсчитывает свою предысторию New York City Ballet, хотя само название появилось только в 1948 году.

Основу репертуара театра до сих пор составляют балеты, созданные Баланчиним, который поставил здесь свыше 100 спектаклей. В хореографии Баланчина преобладают бессюжетные балеты, где танец существует как средство интерпретации музыки. «Видеть музыку, слышать танец» – вот творческое кредо Баланчина. Влияние Баланчина на развитие хореографии в XX веке и в последующие времена можно назвать исключительным.

Сцена из балета «Сон в летнюю ночь». Даниэль Ульбрихт (Пук) и Жоакин Де Луц (Оберон)

Джером Уилсон Роббинс родился в 1918 году в семье эмигранта из России Натана Рабиновича и при рождении был назван подобающим именем Иеремия. С юности он учился игре на скрипке, потом изучал химию в университете, а затем, наконец, увлекся танцем. Знакомство с Михаилом Фокиным, доверившим ему роль Петрушки в балете на музыку Стравинского, сделало его известным. Роббинс более чем успешно выступал и в качестве танцовщика, и в роли хореографа в бродвейских музыкальных театрах. Большой успех пришел к нему, когда началось сотрудничество с композитором Леонардом Бернстайном. Их первый совместный спектакль – балет Fancy free («Матросы на берегу», 1942) до сих пор идет на сцене, а блистательная «Вестсайдская история» (1957) стала одной из вершин творчества.

Наряду с «бродвейским танцем», с пластикой мюзикла Роббинс продолжал карьеру и в качестве хореографа классического балета. В течение ряда лет он возглавлял «Нью-Йорк Сити балет» совместно с Джоржем Баланчиним. Вместе они поставили балеты «Жар-птица» Стравинского (1970) и «Пульчинелла» (1972). В 1976 году Роббинс поставил серию вальсов и мазурок Шопена под общим названием «Другие танцы» специально для Натальи Макаровой и Михаила Барышникова.

«РУССКАЯ ИДЕЯ»: ЧЕГО НЕ ПОНИМАЕТ ВЛАСТЬ

Много говорится о различных исторических юбилеях. И вот еще одна дата, тоже очень важная в плане интеллектуальной истории России, но пока обделенная должным вниманием. И, по-видимому, этого внимания, судя по властному дискурсу, и не будет проявлено. В этом году исполняется восемьдесят лет со дня выхода в свет работы Николая Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма».

Цивилизационные истоки коммунизма в России

Бердяевым генерировались в течение жизни самые различные идеи, высказывались разные мировоззренческие позиции – философ был достаточно противоречив. Но что касается «Истоков и смысла русского коммунизма», то это одна из

Вардан Эрнестович Багдасарян – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

самых блестящих его работ и, безусловно, работа, сущностно раскрывающая многое из того, над чем

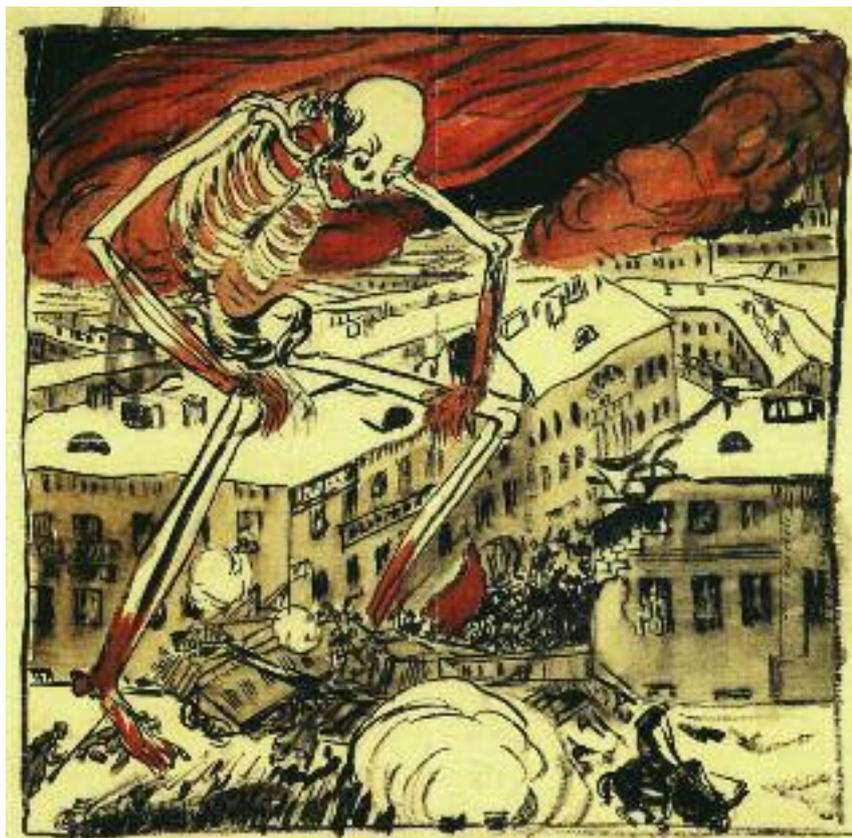
работали русские мыслители и русские философы на протяжении всей российской истории.

В чем же основной пафос этой бердяевской книги?

Интересно то, что впервые данная работа была издана не на русском, а на английском языке. Уже потом, ближе к окончанию Второй мировой войны, она появилась и на русском языке – когда уже стало ясно, что всё то, что сказано в «Истоках и смысле русского коммунизма», подтверждается и усиливается и что Бердяев в данном случае оказался совершенно прав. Коммунизм – заявлял Бердяев – не привнесенное (как считалось) учение Карла Маркса (это внешняя форма). Он имеет глубинные истоки в самой России, в русской культуре. Бердяев не использовал в том значении, в каком мы сегодня используем, термин «цивилизация», но им подразумевались именно цивилизационные истоки ком-

Коммунизм – заявляет Бердяев – не привнесенное (как считалось) учение Карла Маркса (это внешняя форма). Он имеет глубинные истоки в самой России, в русской культуре

мунизма в России. Коммунизм идет от раскольников, от самого начала российского государствогенеза. Ленин (в бердяевской трактовке) не столько марксист, сколько народник. Он хотя и клеймил народников с позиций марксизма, исторически выступал выразителем той же народнической линии. Большевизм впитал в себя русские цивилизационно-ценностные традиции и идеалы. В связи с этим приведу лишь одну цитату, в которой Бердяев, как бы обращаясь к Западу, говорит, что тот совершенно не понимает происходящего в

Борис Кустодиев. Вступление. 1905 год. Москва. 2. 1905 год

России: «Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея, это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют уничижительную роль, они не понимают, что, присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание. И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу». Это высказывание соотносится и со сталинскими словами, сказанными о большевиках-славянофилах. То есть, по видимому, были еще и большевики-западники, с которыми большевики-славянофилы вели борьбу внутри партии.

Мне впервые удалось прочитать книгу Бердяева в 1990 году. Книга буквально меня перевернула, пришло понимание того, что в ходе горбачевских реформ низвергаются не марксизм и не коммунистическая идеология, а, если считать, что русский коммунизм заложен в фундаменте русской цивилизации, низвергается под видом демонтажа коммунизма сама Россия. Так действительно и случилось. Последовал 1991 год, и демонтаж коммунистической идеологии обернулся демонтажем Советского Союза.

Методологические основания Бердяев продолжил тему. В 1946 году вышла его книга «Русская идея», где он развернул сформулированные ранее положения. «Русская идея» – это та тема, с которой русская национальная философия вышла на уровень мирового философского интеллектуального дискурса и внесла в него свой основной вклад. На уровне властей мало что об этой теме знают, мало кто в ней разбирается, хотя цитиро-

«Истоки и смысл русского коммунизма» – это одна из самых блестящих работ Николая Бердяева (на фото), безусловно, сущностно раскрывающая многое из того, над чем работали русские мыслители и русские философы на протяжении всей российской истории

вание представителей эмигрантских философов, обращавшихся к «русской идее», очень популярно. Используются яркие цитаты, в том числе и бердяевские, но политика реализуется прямо противоположная воззрениям цитируемых мыслителей.

О самом понятии «русская идея» впервые заявил Федор Достоевский, и с апелляцией к Достоевскому осмысление этого вопроса в значительной степени и осуществлялось. Следующая принципиальная веха – это работа Владимира Соловьева, непосредственно называвшаяся «Русская идея». И тоже, что характерно, первоначально она вышла не на русском, а на французском языке. Вначале как бы пояснялось Западу, что такое «русская идея», – и уже только потом происходила ее «русская конвертация». Темы «русской идеи» так или иначе касались фактически все, кого принято относить к философам Серебряного века. Попробуем разобраться и мы, что

такое «русская идея», как к ней относиться, какая методология связана с ее раскрытием и постижением.

Вначале вопрос о методологии. В методологическом плане, если говорить о гуманитарных науках, о гуманитарном сознании, сталкиваются две мыслительные парадигмы, две традиции. Они в значительной степени определяют цивилизационную полемику и между православием и католицизмом, и, в конечном итоге, между Россией и Европой. Это линия Платона и линия Аристотеля.

Точка опоры для Аристотеля – это вещь, материальный объект. Отсюда индукция как основной аристотелевский метод познания.

Исследователь аристотелист идет по пути изучения объектов, после чего приходит к некоему генерализующему обобщению. Мир трансцендентный, мир идей для аристотелевской философии не является необходимым компонентом. К Аристотелю во многом восходила и католическая схоластика. На аристотелевском миропонимании в значительной степени и дальше выстраивается западная цивилизация.

Византия (а от нее и Русь) выстраивалась в соответствии с линией Платона. Точка опоры для Платона – это не вещь, а эйдос, чистая идея. Эйдосы первичны по отношению к объектам. Постигая первоначально идею, исследователь далее экстраполирует достигнутое понимание на конкретные объекты. Отсюда у Платона дедуктивный принцип вместо индуктивного у Аристотеля. Отсюда платонический поиск (сам Платон заложил основы этого поиска) идеального жизнеустройства. Отсюда, как политическая проекция, идеократия, то есть власть идеи, – та самая модель государственности, которая исторически была свойственна России.

«Русская идея» не может быть понята и адекватно воспринята без историософии. Не просто истории, а именно историософии, то есть ценностно-смыслового рассмотрения исторического процесса. Необходимо дать ответы на вопросы: куда идет мир, куда идет человечество, куда идет, в конечном итоге, Россия? И «русская идея» в этом ➔

Кузьма Петров-Водкин. 1918 год в Петрограде. 1920 год

**«Русская идея» не может быть понята
и адекватно воспринята без историософии.
Не просто истории, а именно историософии,
то есть ценностно-смыслового рассмотрения
исторического процесса**

→ отношении – это миссия России в мире. Зачем Россия существует в мире, что она миру должна предъявить? Только в контексте историософии возможна сама постановка этих вопросов.

Три подхода к сущности «русской идеи»

Откуда берутся эти смыслы? Кто их генерирует? Ответы мыслителей, связанных с дискурсом «русской идеи», были различны. Первый подход сформулировал Владимир Соловьев. «Русская идея», согласно ему, это выражение замысла Божьего. Это то, что Бог задумал в отношении России. Свой замысел есть и в отношении других стран и народов – «немецкая идея», «английская идея», «французская идея» и т. д. Человек может постигнуть такой замысел лишь через откровение, эвристическое озарение.

Но соловьевская линия объяснения не единственная. Другой подход состоит в понимании «русской идеи» как идеала. Это то, что думают о себе русские люди, каким русский народ исторически желал себя видеть. Это можно сформулировать и как «русскую мечту».

Если есть мечта «американская», то, соответственно, почему не может быть мечты «русской»?

К достижению идеала народ стремится в своей идентичной истории. И, по большому счету, что такое развитие? Всегда, когда рассматривают категорию «развитие», возникает много вопросов, связанных с определением его критериев. Оказывается, что у каждого человека может быть свой критерий и в каждой культуре он также свой. Но в каждой культуре есть и свой идеал. Развитие в этом понимании есть движение от реального к идеальному, к тому идеалу, который соответствующий социум целелолагает для себя.

Итак, первый подход связан с Богом, второй – с историческим сознанием народа, а третий – с материальными средовыми условиями существования. Каждый народ, в том числе и русский, исторически формировался в определенных средовых условиях: соответствующая природная среда, соответствующее внешнее цивилизационное окружение. В российском случае – это иноцивилизационное окружение, определяющее перманентную угрозу

цивилизационных войн. Применительно к природе – это огромная русская равнина и континентальный климат. Все это предопределяло особенности менталитета. И в данном понимании национальная «русская идея» – это выражение оптимума существования на данной территории, в данных исторических цивилизационных реалиях. «Русская идея» сообразно с третьим подходом – это как жить русскому народу в российских условиях месторазвития.

«Русская идея» как идея солидаризационного развития человечества

В чем же сущность заключается «русская идея»?

Несмотря на то, что различались подходы в отношении того, откуда берется эта идея, различались зачастую язык и аргументация, но – удивительное дело! – все мыслители (с разными позициями, с разными оценочными характеристиками по отношению к власти, в том числе по отношению к СССР и по отношению к дореволюционной России) сходились в понимании того, что есть «русская идея». Концентрированно ее можно сформулировать как идею солидаризационного развития человечества. Здесь важна каждая составляющая, каждый компонент этой формулы.

Солидаризация (солидаризационная составляющая) – эквивалентом ее является выдвинутое еще в XIX веке понятие «соборность». Соборность – это особое духовное единение. Это даже не просто социализм как преобладание и приоритетность общего (социума) над частным (индивидуумом). Это даже не просто коммунизм как общность по форме – коммуна. Это нечто большее – общность в духе. Идея солидаризации – это идея коллективизма, но усиленная духовной ориентированностью. Не просто коллектив, а коллектив, одержимый духовными идеалами.

Если мы говорим «солидаризационное развитие человечества», то подразумевается, что солидаризируется не один народ или нация (это путь национал-социализма), а объединяются вокруг «русской идеи» все народы. Это ее мессианский компонент.

Что такое мессианство? Много негатива было распространено в

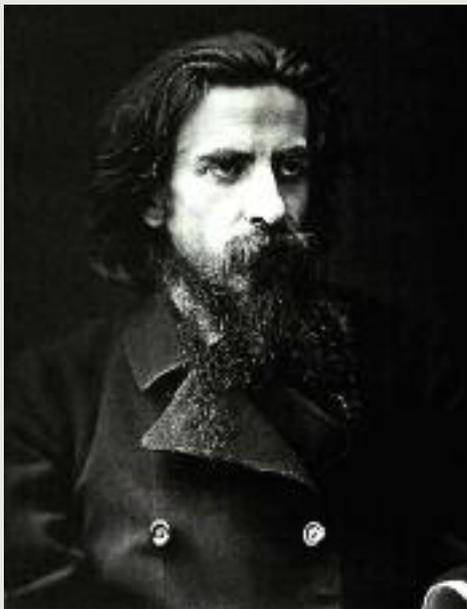
отношении русского мессианства. На Западе, например, в плане русофобской критики мессианство начинало соотноситься с русским империализмом. Но в мессианстве содержалась прямо противоположная идея. Мессианство этимологически производно от понятий «мессия», «спаситель». Мессианская идея – это идея спасения человечества. На основе идеи солидаризации спасти человечество от эрозии расчеловечивания. И здесь принципиально важно не господство, а именно спасение. Мессианство – концепт, прямо противоположный идее мирового господства.

Сегодня мы фиксируем очередное обострение геополитического противостояния России и США. У США тоже есть национальная идея, обращенная в мир («американская идея»), – это идея мирового доминирования («град на холме», который возвышается над остальным миром). «Русская идея» принципиально иная: не доминировать, не господствовать, а спасать – спасать даже зачастую через самопожертвование.

Солидаризационное развитие – тут речь идет не просто о бытии, пусть даже на основе коллективистских форм. На основе коллективистских принципов существовали многие традиционные сообщества. Так и по сей день живут племенные объединения. Но самого по себе коллективизма недостаточно. Вопрос стоит о развитии. Возникает, соответственно, идея развития на основе солидаризации.

Запад предложил свою модель развития, которая претендовала на универсальность. Было заявлено, что развиваться можно только за счет конкуренции. Только конкурируя друг с другом, субъекты, государства и экономики могут развиваться. Без конкуренции будто бы ничего добиться нельзя. В критике Советского Союза это являлось основным доводом: в СССР якобы не было конкуренции, потому он и распался.

Россия предложила другую идею. «Русская идея» заключалась в том, что развиваться можно иначе – не на основе конкуренции, а именно на основе солидаризации.

По мысли Владимира Соловьева (на фото), «Русская идея» – это выражение замысла Божьего, который человек способен постигнуть лишь через откровение

Что такое развитие в западном понимании? Человек – это индивидуум (индивидуум буквально – атом). Индивидуум не меняется, меняться может среда. Развитие рассматривается как изменение среды вокруг тождественного человека. Появляются новые технические средства (айфоны, смартфоны), создаются новые технологии – не развивается только человек. В реальности же человек при совершенствовании технической среды нравственно деградирует.

У России другая модель развития: развивается прежде всего человек, а уже дальше – измененным человеком – может преобразовываться и техническая среда. Эта идея заложена еще в православной культуре – в идее преображения. Идеи преображения не было в католическом богословии, не получила она должного раскрытия и в западной мысли в целом.

Идея преображения была, впрочем, на Востоке. Но что такое преображение в восточном понимании? Отшельник (мудрец) уходит от мира. Пребывая в отшельничестве, он преображается, обретает

свое новое существование. Получается, что преображение – это удел монаха, удел человека, уходящего от мирской суеты.

Россия же привнесла – и в этом третий компонент «русской идеи» – идею социального преображения. Преображение не избранных, а преображение всего социума на основе привнесения новой идеи. Одухотворение социума через реализацию системы идеократии.

Взгляд со стороны

Помимо русофобского направления на Западе существовало и русофильское направление. Западные мыслители, которые занимались рассмотрением русской культуры, приходили к тем же выводам в оценке того, что собой представляет «русская идея». Пожалуй, наиболее емкую формулу «русской идеи», русского историко-культурного типа дал Освальд Шпенглер. Им была предложена следующая формула: «Россия есть апокалиптический бунт против античности». Может возникнуть недоумение – что за бред? Какая еще античность? Причем тут апокалиптический бунт? Где вообще всё это есть в русской мысли? И здесь необходимо пояснить афористический язык Шпенглера. В формуле «апокалиптический бунт против античности» содержится несколько составляющих.

Во-первых, апокалиптика. Это идея будущего – и не просто будущего (как кратко-, средне- и долгосрочного прогнозирования), а будущего финального. Будущего, где разрешается принципиальный (для любой культуры и для мира в целом) вопрос борьбы добра и зла, будущего, где в апокалиптике развертывается драма Армагеддона, извечного противостояния сил света и тьмы. «Русская идея», таким образом, акцентирована не на настоящем, а на образе будущего.

Во-вторых, бунт. Создан миф, что чего-чего нет у русских, так это идеи свободы. Вот, мол, есть свобода на Западе, а у русских она ментально отсутствует. Но в «русской идее» есть даже более акцентированно, более емко и глубинно выраженная формула свободы – это идея воли. Это идея свободы абсолют- ➔

Альфонс Муха. Из цикла «Славянская эпопея». 1926 год

«Русскую идею» концентрированно можно сформулировать как идею солидаризационного развития человечества. Идея солидаризации – это идея коллективизма, но усиленная духовной ориентированностью. Речь идет не просто о коллективе, а о коллективе, одержимом духовными идеалами

→ ной. Это восстание против любых форм. Русский бунт может быть и восстанием против существующей государственной власти, но может быть и восстанием против тех форм (даже вместе с этой властью), которые устанавливаются как мировой порядок. Поэтому бунт – очень русская тема. Но против чего бунтует русский человек?

В-третьих, против. Это очень важное слово. «Русская идея» оппонировала «западной идее» – западному проекту, западной претензии на мировую гегемонию. Через «русскую идею» заявлялось миру, что возможно иное, что альтернатива существует. Никакая другая культура – ни китайская, ни индийская, пусть и со своей спецификой, – глобального альтернативного проекта не выдвигала. Был проект западный, существующий по сей день и предъявляемый миру как

универсальный западный путь развития, и был русский проект – проект альтернативный.

В-четвертых, античность («против античности»). Причем тут античность? Очень важен смысл, вкладываемый Шпенглером в это понятие. Античность, согласно ему, была построена на идее индивидуализма. Представление о человеке-индивидууме идет с античных времен. И вот против этого человека-индивидуума, против связанного с ним мира плотского, индивидуального, вещественного и материального (в конечном итоге) и восставала «русская идея». Идее индивидуализма противопоставлялся коллективизм, всечеловеческая соборная солидаризация.

«Западная идея»

Запад во все времена (это можно исторически проследить) и в раз-

ных формах артикулировал идею конкуренции, идею борьбы индивидуумов, стран, государств и народов друг с другом.

Католический проект. В чем его смысл? От святого Августина идет гипертрофированно воспринятая на Западе идея предопределенности. Предусловлено, кто будет богоизбранным, и кто – богоотверженным. Одни спасутся, другие неизбежно погибнут. Человечество делится на эти две группы. Люди как бы уже изначально конкурируют за вход в рай. В православии этого принципиально нет. Православие вместо индивидуального спасения утверждает идею спасения всем миром.

Просветительский проект. Идеология просветительства сводилась к следующему представлению: есть цивилизованный мир, культура, а есть люди вне культуры – дикари, варвары. И либо народ входит в сообщество народов культурных, либо он находится в дикарском, варварском состоянии, и тогда его надо цивилизовать, используя в том числе не только культурные, но и силовые, военные инструменты.

Либеральный проект. А что собой представляет либеральный проект? Мир является полем глобальной конкуренции: в нем есть успешные и есть неуспешные. Если ты выигрываешь в конкурентной борьбе – ты успешный, если проигрываешь – ты неуспешный. Та же самая тема избранных и отверженных, но только на другом идеологическом языке.

Социал-дарвинизм. В социал-дарвинизме акцентировалась идея борьбы за существование. В этой борьбе есть победители (и они составляют ту группу, которая несет дух эволюции) и эволюционно проигравшие. И сам Чарльз Дарвин (хотя говорят про Герберта Спенсера, перенесшего это понятие на социум) вполне четко переносил свою теорию о борьбе в животном мире на народы, и слово «расизм» к дарвинизму вполне применимо. Дарвином устанавливалась иерархия народов, иерархия рас, где высшие должны господствовать над низшими. На этой основе далее возникает уже фашистский проект.

Фашистский проект. В теории германского национал-социализма

есть расы сверхлюдей, а есть недолюди. Между расами идет глобальная борьба за расовое господство. Одни в этой борьбе побеждают, другие проигрывают.

И наконец, неолиберальный (современный) проект. Есть постиндустриальное общество, свободный мир, а есть культурная архаика, которая не идет по западному универсальному передовому постиндустриальному пути развития. Она существует как-то иначе, и, соответственно, на нее накладывается маркер отсталости. Как мы видим, во все времена «западная идея» была идеей конкуренции, выражаемой тем или иным образом.

«Русская идея» наоборот во все времена была идеей солидаризации. Это привнесенная православием тема соборного спасения, это та же тема соборности, которую поднимали славянофилы, это общинный социализм, с чем шло народничество, это большевизм с коммунистической моделью развития, это... Хотелось бы продолжить, но вот тут в проекции по отношению к современной России возникает некий сбой, некое принципиальное противоречие в отношении всей российской истории. Но об этом ниже.

Западные учения на русский лад

Еще один интересный феномен. Очень много идеологических и научных концептов привносилось в Россию из Европы (с Запада). На судьбу этих концептов уже обращали внимание авторы сборника «Вехи». Западные концепты перетолковывались в России на русский лад. И в результате такого перетолковывания все равно конструировалась «русская идея».

Гегельянство. В чем состоял социальный пафос философии Гегеля? Это освобождение человека. В ходе исторического развития познается идея свободы. Начинается развитие с Востока, где свободы минимальны, дальше мировой дух перемещается на Запад, где и создается общество свободного человека.

Что привнесло русское гегельянство? Финал истории у русских

Наиболее емкую формулу «русской идеи», русского историко-культурного типа на Западе дал Освальд Шпенглер (на фото), писавший: «Россия есть апокалиптический бунт против античности»

гегельянцев был совершенно не гегелевский. Опираясь на Гегеля, они вели борьбу за социализм (чего у немецкого философа принципиально не было). Русские гегельянцы вместо идеи освобождения человека-индивидуума выдвигали идею солидаризации людей. Авторы «Вех» писали, что, наверное, Гегель перевернулся бы в гробу, когда б узнал, что сделали из его учения русские последователи.

Дарвинизм. Борьба за существование как двигатель эволюции – это базовое положение учения Дарвина. И дарвинизм прежде всего связывался с этим положением. Русские эволюционисты (с опорой на Дарвина) провозглашали иное: солидаризация как двигатель эволюции. Дарвин парадоксальным образом оказывался предтечей идеи социализма.

Нигилизм. На Западе нигилизм состоял в отрицание любого позитивного знания. Русский нигилизм (можно вспомнить образ нигилиста, созданный Иваном Тургене-

вым) утверждал некое новое эволюционное знание. Западный нигилист отвергает любое знание – русский нигилист провозглашает новое знание. Очевидно, что русский нигилизм уже нигилизмом в западном толковании не являлся.

Ницшеанство. Еще одним привнесенным в среду русской интеллигенции европейским учением являлось ницшеанство. Ницшеанцем, к примеру, был Максим Горький. В ницшеанстве в центре находился сверхчеловек, трактуемый как аморалист. Ницшеанский сверхчеловек попирает общественную мораль. Русское ницшеанство несло идею сверхчеловечества как коллективного преображенного человечества. Сверхчеловек в интерпретации русских ницшеанцев – это обществен-

ный человек. Речь у русских ницшеанцев шла о социуме в целом, а не об отдельном индивидууме, противостоящему социуму.

Марксизм. Переход к социализму в результате борьбы пролетариата и буржуазии – базовая идея марксизма, выраженная еще в «Манифесте Коммунистической партии». Капитализм определялся строем, при котором с одной стороны класс буржуазии, а с другой стороны класс пролетариата.

Что привнес русский марксизм? Оказывается, через некоторые этапы в социальной эволюции можно и перепрыгнуть, и необязательно, в частности, проходить фазу капитализма. Можно построить новое социалистическое общество и на основе традиционного института русской общины. Понятно, что сама модель перехода к социализму как проявления максимального расщепления на два класса – буржуазию и пролетариат – принципиально ломалась в таком перетолковывании. В результате социалистическая революция была организована в стране с преобладанием крестьянского населения.

Геополитика. В настоящее время широкой популярностью в России пользуется геополитика. Она преподается в вузах, по ней издаются учебники, защищаются диссертации. Геополитика в Россию также, как известно, была импортирована с Запада. Но что такое геополитика →

Александр Дейнека. Стахановцы. По Сталинскому пути. 1938 год

Русское ницшеанство несло идею сверхчеловечества как коллективного преображенного человечества. Сверхчеловек в интерпретации русских ницшеанцев – это общественный человек

➔ на Западе? Геополитика выстраивалась на представлении о предопределенности борьбы государств фактом их географического положения. Есть определенная географическая среда, и она задает политические ориентиры соответствующих государств.

Русская геополитика сегодня – это совсем другое учение. Она заявляет приоритетность духовных ценностей, идею солидаризации – опять-таки! – человечества. В западной геополитике тон принципиально задает география. Духовный компонент тут неважен, а важно географическое положение, материальный фактор. Не идет в ней и речи о солидаризации человечества. В классической геополитике есть принципы геополитической борьбы: атлантизм и континентализм будут неизбежно бороться друг с другом, и их противостояние задано самой географией. Русская геополитика является в этом смысле отрицанием геополитики классической.

**«Русская идея»
и современная Россия**

А как обстоит дело с обращением к «русской идее» в современной России? Сегодня ни одна из политических сил «русскую идею» не

несет, никто ее политически субъектно не выражает.

Либералы? Они отвергают ее в принципе. Либералы – индивидуалисты, никакой солидаризации в постановке вопроса у них просто не может быть.

Может быть, националисты? Но солидаризационного развития человечества националисты принять не могут. Для них солидаризация ограничена рамками своей нации. Не могут они принять и идею мессианства. На то, чтобы спасти другие расы или нации, солидаризироваться с ними, националисты категорически не пойдут.

Если «русскую идею» считать аккумулятивным выражением того, что Россия несла в себе идеального, то националистическая программа не имеет русских корней. Если либералы обращались к одной части западной мысли, то националисты также импортируют западные идеологемы, но только взятые с другого фланга. И в том и в другом случае наблюдается диссонанс с «русской идеей».

Ну и, наконец, власть. Сама тема солидаризационного развития человечества во властном дискурсе отсутствует. Ее нет ни в одном из направлений государственной политики.

Хорошо еще то, что хотя бы сама тема национальной идеи признана допустимой. Но что получается при попытках сформулировать национальную идею? И насколько эти формулировки соотносятся с тем, что подразумевается под «русской идеей»?

Первая попытка имела место в 2004 году. На высшем властном уровне была предложена следующая формулировка: «Нам нужно быть конкурентоспособными во всем, человек должен быть конкурентоспособным. Город, деревня, отрасль, производство и вся страна – вот это и есть наша основная национальная идея сегодня». «Быть конкурентоспособным»? Но позвольте, это же как раз «западная идея». Конкуренция, конкурентоспособность, «быть конкурентоспособным» – это то, с чем исторически, как было показано выше, всегда шел Запад и в отношении чего выдвигалась русская альтернатива.

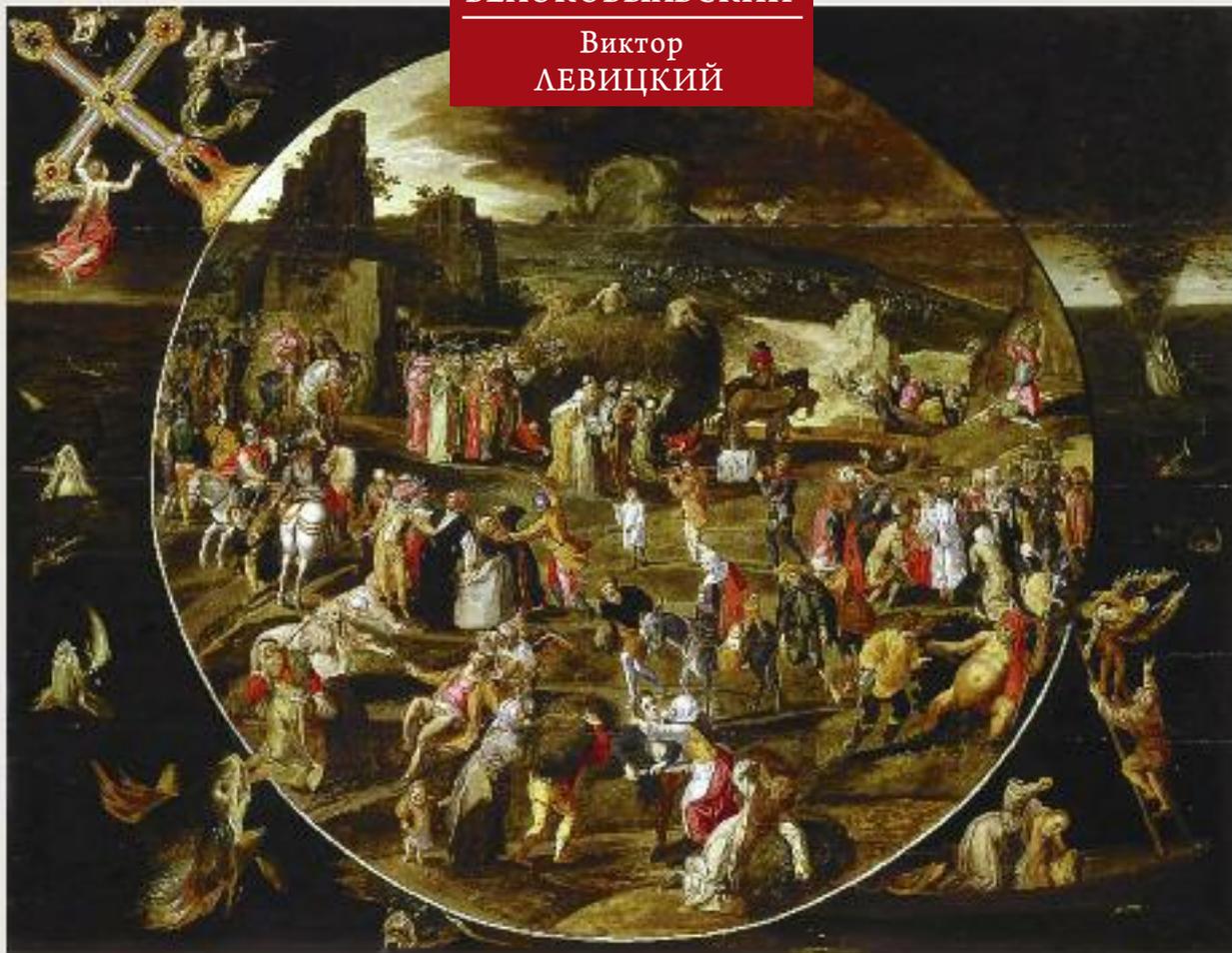
Дальше была новая попытка выдвижения национальной идеи. Было сказано, что «наша национальная идея – патриотизм». Безусловно, само по себе обращение к патриотической теме принципиально важно. Но возникает вопрос: правильно ли патриотизм называть российской национальной идеей? Любой народ патриотичен. Для любого человека свойственно любить свою Родину. Нельзя сказать, что русские – патриоты, а скажем, американцы или китайцы патриотами своей страны не являются.

А в чем же тогда специфика российской национальной идеи? Где та идея, которая отличает именно Россию, выражает именно «русскую мечту», русское послание в мир? Это не раскрыто, и от самой постановки этих вопросов бегут под прикрытием «общепризнанных принципов и норм международного права».

И, конечно, сегодня встает принципиальный вопрос. Можно обратиться к русским мыслителям: понять, выразить, сформулировать, донести, что есть «русская идея». Но кто выразит политически эту «русскую идею», кто в соответствии с этой ценностно-смысловой парадигмой будет осуществлять политику, практически ее воплощать в жизнь? Это вопрос принципиальный. **F**

Александр
БЕЛОКОБЫЛЬСКИЙ

Виктор
ЛЕВИЦКИЙ

Школа Гиллиса Мостарта. Аллегория мирского тщеславия. Вторая половина XVI века

УКРАИНА И РОССИЯ в эпоху постсекулярных идеологий

Вопрос о роли предельных философских обобщений остается открытым. С одной стороны, взгляды подобные теориям «конца истории» или «столкновения цивилизаций» настолько абстрактны, что не могут быть однозначно верифицированы – как, впрочем, и фальсифицированы – конкретными эмпирическими фактами. Однако с другой стороны, именно вокруг таких метакоцепций формируются стратегии глобальных культурных изменений. В этой области эвристический, организационный, а возможно, и мобилизационный потенциалы историко-философских построений трудно переоценить. И именно здесь – в сфере понимания глобальных трансформаций миросистемы в первые десятилетия XXI века – наблюдают-

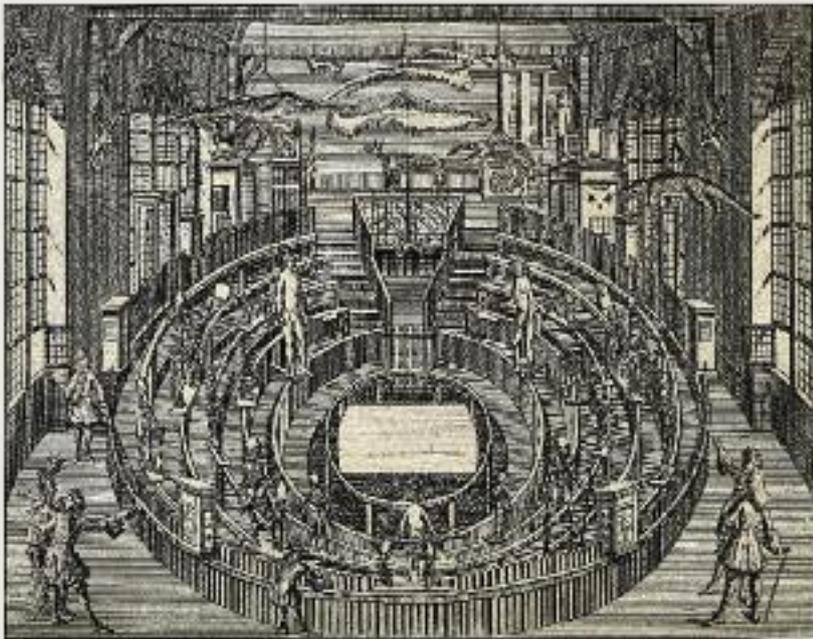

Александр Владимирович
Белокобыльский –
доктор философских наук,
профессор, директор Киевского
отделения Украинского института
стратегий глобального развития
и адаптации

Виктор Сергеевич
Левицкий –
кандидат философских наук,
директор Украинского института
стратегий глобального развития
и адаптации

Анатомический театр в Лейдене. Гравюра XVIII века

В науке зародился подход, который разительно отличается от религиозного и традиционного: мы стремимся подчинить природу и изменить окружающий мир. Вера в существование подлежащего изучению, целенаправленному изменению и покорению мира, а также осуществляющего это изучение/изменение/покорение человека/общества и составляет сущность того универсального проекта развития человечества, который сформировался в границах западной цивилизации

→ ся определенные теоретические проблемы. Действительно, трудно указать такой взгляд на события последних лет, который смог бы объединить в одной схеме и «крестовый поход», почти объявленный Бушем-младшим против исламского терроризма, и кризис мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны, и проблемы Европы, и тотальную радикализацию политической атмосферы в мире, и наблюдаемый в разных частях земного шара религиозный ренессанс.

Еще один ключевой вопрос – о том, допустимы ли в области подобных метакоцепций технологии оптимизации этой ситуации. Иначе говоря, открытия в области конструктивистской функции человеческого интеллекта, сделанные в прошлом веке, позволяют предположить, что артикуляция именно «оптимистичных» аттракторов, в направлении

которых может развиваться система, способно сыграть позитивную роль в том случае, если предложенная теория окажется эвристичной и будет воплощена в жизнь.

Собственно, ниже и предлагается попытка ответа на вопрос, каким образом понимать происходящие с нами и нашими странами перемены, который дан в свете предположения о том, что технологии оптимизации все же допустимы.

Мир первичной секуляризации и мир секуляризации вторичной

Причину утраты Европой – а возможно, и западной культурой – роли цивилизационного гегемона следует искать не в экономических или даже политических циклах новейшего времени, а в более масштабном историческом контексте.

Если взглянуть на историю Европы, то именно на рубеже I и II ты-

сячелетий нашей эры произошли кардинальные изменения, приведшие к рождению через несколько столетий новой, как мы говорим сегодня современной, Европы. Эти изменения – формирование нового типа города, рождение университета и схоластической теологии, а также светского пространства общественных отношений и легитимаций – стали следствием невиданной ранее унификации европейской культуры, объединенной вокруг христианского учения, литургии и проповеди. Европа поступательно превращалась в более или менее светское культурное пространство, со временем распространившееся на части Америки, Азии и Австралию. Собственно, экспансионистское расширение светского культурного пространства, сегодня обобщенно называемого Западом, и следует считать глобализацией.

Необходимо обратить внимание на то, что секуляризация как целенаправленное и практически полное выхолащивание религиозных смыслов из культуры – а не рационализация религии, то есть нормальный этап в становлении любой развитой религиозной традиции, – как это было показано украинским религиоведом Русланом Халиковым, произошла в человеческой истории лишь однажды и именно в средневековом латинском христианстве. В отличие от «нормальных» трансформаций религиозных традиций, происходивших в разные времена и на разных континентах, в процессе которых существовавшие религии изменялись или порождали новые религиозные движения, в Европе появился новый – нерелигиозный – тип культурного бытия.

Светская западная цивилизация сформировала секулярное понимание себя и мира, и этим она различалась с традиционным обществом, которое имело мифологические представления о мире и человеке, их прошлом и будущем. Светские представления сложились в результате рациональной «зачистки» христианского мировоззрения от религиозных и мифологических элементов. Вплоть до сегодняшнего дня западный человек верит – причем практически религиозно – в существование материального мира, появившегося в результате Большого взрыва, в историю и прогресс, не за-

мечая некоторой неестественности и бездоказательности этого «символа веры». Однако именно с воплощением в жизнь подобных постулатов было связано взрывоподобное развитие научного знания, а также знания технологического. Следует заметить, что технологический прогресс, следствием которого и стала индустриальная цивилизация, был связан не только с научными открытиями, но и со сменой способа видения мира. Именно в науке зародился подход, который мы практикуем до сегодняшнего дня и который разительно отличается от религиозного и традиционного: мы стремимся подчинить природу и изменить окружающий мир. Вера в существование подлежащего изучению, целенаправленному изменению и покорению мира, а также осуществляющего это изучение/изменение/покорение человека/общества и составляет сущность того универсального проекта развития человечества, который сформировался в границах западной цивилизации. Именно бытие в этом современном проекте символизировало для Европы культуру – в отличие от религиозного варварства. Против последнего был объявлен «крестовый поход», получивший название Просвещения. «Крестоносцы разума», благодаря сплоченности и технологической вооруженности, сметали на своем пути архаичные и разрозненные ряды своих религиозных оппонентов и расширяли ареал западного общества.

«Сперматические логосы» агрессивно расширяющегося пространства новой светской культуры – невиданная ранее историческая перспектива, новая система пространственно-временных координат, представления о децентрализованном профанном географическом устройстве мира, человечестве и т. д. – зарождались в среде школьных/университетских интеллектуалов, которые создавали специфический слой новой элиты, равномерно распространенный по всей территории новой цивилизации. В этой интеллектуальной общности на почве античных философских теорий и вызревали рафинированные рационализации христианского универсума, секуляризовавшие метафизическое ядро мышления и реальности, а также постепенно распростра-

Деталь Университетской церкви Пресвятой Богородицы в Оксфорде

Две идейные среды секуляризации – сообщество западных интеллектуалов, сплотившихся в конце концов вокруг разбросанных по территории континента университетов, и Западная и Центральная Европа как пространство, для которого университетская мысль имела формообразующие влияние

нявшиеся на все культурное пространство.

В подобной новой реальности выстраивалась вся жизнедеятельность средневекового европейца, и именно эта реальность под влиянием секуляризации европейской мысли постепенно изменялась в реальность секулярную. Присущие ей культурные смыслы распространялись вместе с экспансией «Новой Европы», одним из категорических императивов которой – религиозных по своей природе – было требование распространения евангельской вести. В отличие от других христианских культур, западное христианство – вместе с наукой, национальным государством и машинным производством – создало ценностно-смысловой универсум, в котором религиозные смыслы имели подчиненное значение. Именно здесь впервые в истории рационализация религиозной традиции переросла в отрицание культурной

значимости религии, то есть в секуляризацию.

Следует подчеркнуть, что секулярные тенденции, заносимые отсюда в другие культурные ареалы вместе с экспортом технологий, теорий, идей, могли закрепиться на новой почве и даже дать ростки, но они всегда приходили из одного центра – из культуры уникальной, или первичной, секуляризации, которую и представлял собой латинский Запад. Две идейные среды секуляризации – сообщество западных интеллектуалов, сплотившихся в конце концов вокруг разбросанных по территории континента университетов, и Западная и Центральная Европа как пространство, для которого университетская мысль имела формообразующее влияние, – кажется, совпадают с современными топосами, в которых, по мнению Питера Бергера, остается релевантной классическая теория секуляризации. (В одной из своих лекций →

→ Бергер высказался следующим образом: «Где же тогда светскость разместится на этой карте? Я бы сказал, в двух местах. Во-первых, есть тонкая, но влиятельная прослойка интеллигенции – в более широком смысле это люди с высшим образованием западного типа, особенно в области гуманитарных и социальных наук. Они представляют собой светский Интернационал, члены которого могут встречаться в любом государстве. Опять же, я не могу сейчас рассуждать о том, почему этот вид образования имеет эффекты секуляризации (подозреваю, что это главным образом из-за едкого понимания относительности убеждений и ценностей). Но я хотел бы отметить, что этот специфический Internationale помогает объяснить кажущуюся правдоподобность (благообразие) теории секуляризации среди многих западных интеллектуалов: когда они едут, скажем, в Стамбул, Иерусалим или Нью-Дели, они почти везде встречаются с другими интеллектуалами – людьми, во многом похожими на них, – и они могут прийти к выводу, что та или иная культурная общность точно отражает культурную ситуацию за пределами, – действительно роковая ошибка! (Нужно ли добавлять, что было бы столь же ошибочно считать, что, скажем, гарвардское научное сообщество отражает место религии в американской культуре?) Существует также, во-вторых, географическое исключение пульсирующей вездесущности религии в современном мире – Западная и Центральная Европа. Это, я думаю, самая большая часть света, где старая теория секуляризации продолжает быть эмпирически подтверждаемой. Вопрос в том, почему это так трудно».)

Эта часть Европы была местом рождения секулярной культуры, точнее, была и есть собственно секулярной культурой, для которой все другие культурные миры – не более, чем поле распространения секулярной реальности. С этой точки зрения Европе как миру уникальной, или первичной, секуляризации противостоит весь мир, на который распространяются секулярные смыслы и связанные с ними практики. Это – мир секуляризации вторичной, или производной.

В отличие от того уникального культурного пространства, кото-

рое сформировалось в результате секуляризации христианского универсума в рамках «Новой Европы», культуры мира вторичной, или производной, секуляризации можно объединить в одну группу скорее условно. Значительную часть этих субуниверсумов составляют культурные миры, никогда не входившие (или входившие весьма условно) в контакт с западным миром. Составлявшие их жизненный мир мировоззренческие горизонты не содержали элементы, характерные для христианского мировосприятия в его религиозном и секуляризованном видах. Эти культуры постепенно усваивали представления о мировой истории, прогрессе, науке, человечестве, мировом порядке и т. д. вместе с импортом западных технологий, инфраструктуры, социальных отношений.

Впрочем, культуры вторичной секуляризации все же не отказываются полностью от своих «досекулярных» приоритетов. И здесь необходимо указать на принципиальное различие двух типов культур мира вторичной секуляризации. Культуры, которые организовывали свою деятельность в социальных реальностях, принципиально отличных от западной, усваивая западные образцы, не слишком при этом отклонялись от собственных ориентиров общественной жизни. Совсем другую картину демонстрирует другая часть мира вторичной секуляризации. Распространение секулярного пространства на культуры, чье развитие происходит в тесном взаимодействии с миром первичной секуляризации, было более конфликтным. Там, где исторически существовало определенное количество людей, получивших образование в западных университетах, наличествовало, соответственно, и сообщество носителей секулярного мировоззрения. Эти люди, оставаясь представителями своих культур, начинали мыслить западными категориями, в том числе и когда осознавали или даже отстаивали собственную идентичность. В их среде постепенно сформировались оригинальные варианты тех культурных регулятивов, о которых говорилось выше (история, цели прогресса, представления о мировом порядке, обществе, самих себе). Постепенно на границах мира пер-

вичной секуляризации были сформированы альтернативные проекты глобального развития, противостоявшие модерному проекту.

Некоторые отрезки границы западной цивилизации оставались более или менее устойчивыми на протяжении столетий. Именно здесь, на востоке и юге Европы, в диалогической-сосуществовании, заимствуя и переосмысливая западные новации, формировались религиозные ответы на западную экспансию. Речь идет о православном и исламском мирах, которые во многом повлияли на становление западного варианта христианства и самой западной культуры, однако оставались до поры до времени несекуляризованными. Россия исторически играла роль одного из центров мира вторичной секуляризации, а территория Украины на протяжении веков оказывалась по обе стороны границы между двумя мирами.

После идеологий: эпоха религиозно мотивированных глобалистских проектов

Секулярное мышление и опирающаяся на него культура занимали центральное место на мировой арене до тех пор, пока внутренняя логика их развития и экспансии не привела к явлению десекуляризации – возвращению религий, религиозных сообществ и идентичностей в геополитику. Рассмотрим последствия секуляризации смыслового ядра европейского культурного опыта – того, что в литературе называют совокупностью категорий культуры, матрицей культурных смыслов, ценностно-смысловым универсумом и т. д. При всем различии указанных терминов речь в первом приближении идет о мировоззренческом фундаменте мышления культуры. Секуляризация этого мышления и тех онтологических схем, которые использовались им для структурирования реальности, привела к рождению естественнонаучного мировоззрения, а оно, в свою очередь, – к разрыву между «дочеловеческой» и человеческой историей. В религиозном нарративе история мира и общества представлялась неразрывной и на всем своем протяжении зависевшей от Бога. В новой реальности история происхождения «естественного» порядка мироздания превратилась

Гаспар Фоссаги. Айя София в Константинополе, огреставрированная по приказу султана Абул-Междида. Литография 1852 года

в часть содержания понятия «природа» (и стала предметом заботы естественных наук), а историю общества так или иначе стали интерпретировать идеологии.

Идеологии представляют собой варианты секуляризации христианской парадигмы, привязанные к естественнонаучной онтологии современного универсума и заполняющие его трансцендентные «пустоты» (секулярная онтология отрицает существование трансцендентных сфер мироздания). Идеологии принимают на себя социально-легитимирующие функции, которые ранее органично «встраивались» в онтологию культурной парадигмы. Именно поэтому о каких бы идеологиях ни шла речь – либеральной, фашистской, коммунистической, – они всегда абсолютизируют те или иные стороны христианских представлений о должном на основе светских взглядов на природу. Перед нами «эрзац-религии» (термин Ульриха Матца), которые отрицают сакральные смыслы, так как замещают их, но подобно религиозной культурной парадигме обладают

**На востоке и юге Европы
в диалоге-войне-сосуществовании, заимствуя
и переосмысливая западные новации, формиро-
вались религиозные ответы на западную экспан-
сию. Речь идет о православном и исламском
мирах, которые во многом повлияли на становле-
ние западного варианта христианства и самой
западной культуры, однако оставались до поры
до времени несекуляризованными**

«ориентационным и мобилизационным потенциалом».

Идеологические построения наглядно объединяют утратившие сакральное значение онтологические конструкты – историю, реальность и прогрессирующий социум – в целостную систему. Находясь под определяющим влиянием идеологии культурной парадигмы, современный человек склонен воспринимать историческую реальность как вторичный, подчиненный идеологии продукт. Субъекты исторического действия, структурные элементы настоящего, цели и ценности исторически ориентированного разума, в конце концов, все культурные смыслы формируются в свете этого пара-

дигмального влияния. Критическая рефлексия (то есть мышление в соответствии с новыми стандартами рациональности), как всходящее солнце, растворяет марево «ночных» (мифических) видений: эсхатологическую историю, сотворенный мир, монархическое государство или идеал личного спасения. Культурное пространство погружается в секуляризованную историю, «населенную» мирно сосуществующими или борющимися между собой нациями, а привязанная к географическому пространству реальность расчерчивается границами демократических государств. Совершенство трансцендентных культурных смыслов, сосредоточенных →

Ефим Дешалыт. Штурм Зимнего дворца. Фрагмент диорамы

В новой реальности история происхождения «естественного» порядка мироздания превратилась в часть содержания понятия «природа» (и стала предметом заботы естественных наук), а историю общества так или иначе стали интерпретировать идеологии

→ в сакральном «надбытии» и принципиально предпосланных религиозному разуму, сменяется областью по необходимости (ввиду секулярных тенденций) имманентных разуму «критических дискуссий», позднее названных Карлом Поппером «Миром 3».

Идеологии, таким образом, представляли собой светские заместители религиозных гранднарративов, которые были «завязаны» на новую онтологию, но продолжали выполнять идентификационно-консолидирующую и мобилизационную функции в стремительно секуляризирующихся европейских сообществах. В отличие от религиозных доктрин – в частности, христианской – идеологии не опирались на канонизированную догматическую платформу, однако тот факт, что каждая из них наследовала христианскому гранднарративу, абсолютизируя тот или иной его аспект, превращал их

в достаточно устойчивые доктринальные комплексы, в центре которых находилось нефальсифицируемое метафизическое (по сути, религиозно-мифическое) ядро. Кроме того, в отличие от христианского вероучения, опирающегося в публичном пространстве на богослужения и проповедь, идеологии были связаны со сферой светской литературы и развивающихся средств массовой информации, бурное становление которых характерно для всей эпохи классического Модерна – со второй половины XVI века и вплоть до конца XX века.

Рождение новых средств массовой информации и коммуникации, допускающих, в частности, обратную связь между СМИ и реципиентом информации, а зачастую и меняющих их места, внесло коррективы в восприятие идеологий и религий. Из внешних и абсолютных приоритетов они превращаются в

постмодернистские прагматические парадигмы, позволяющие более или менее автономным субъектам реализовывать свои интересы и убеждения.

Границы религиозных и идеологических традиций размываются, человек по своему усмотрению может «собирать пазл» собственных представлений, зачастую не идентифицируя себя ни с одной из них. Всё большее распространение получает контрсекулярная религиозность, характерными признаками которой является антизападная направленность, пренебрежение религиозной традицией и аскезой, обостренное ожидание конца света. Эти тенденции, накладываясь на историческое противостояние между цивилизационным гегемоном – культурой первичной секуляризации (западный мир) – и его оппонентами из мира вторичной секуляризации, поступательно тормозят секулярную глобализацию, порождая альтернативные варианты мировой глобализации.

Контрсекулярная религиозность мобилизует значительные массы людей на борьбу против светской цивилизации и ее ценностей. Естественной средой для подобного мировоззрения выступает виртуальная

реальность с ее пренебрежением к конкретным территориям, этносам и их границам. Новейшие средства виртуальной коммуникации делают каждое сообщество потенциально глобальным, а идентификация человека как его представителя не требует физической включенности в общину.

Важнейшие атрибуты глобализации в сфере общественного сознания – релятивизация устойчивых религиозных и идеологических форм, включая и определяющие для западной цивилизации представления о человеке и мире, с одной стороны, и высвобождение «религиозной энергии», которая ранее направлялась по традиционным религиозным каналам обрядов, таинств, благочестия, с другой стороны, – повлекли за собой трансформации в сфере религии и идеологии как форм этого сознания. В давнем историческом противостоянии между секулярной и несекулярной культурами на основе открывшихся новых возможностей, в том числе технического порядка, к жизни были вызваны религиозно мотивированные идеологии, отрицающие гегемонию западной цивилизации.

На сегодняшний день можно говорить, как минимум, о трех таких идеологиях, предлагающих собственные проекты глобального развития. Это Исламский проект, Русский мир и Китайский проект сердцевинных ценностей. (Примечательно, что Джозеф Данфорд, самый высо-

При всем различии (даже религиозном – шииты и сунниты) центром всех мусульманских проектов является ислам (иногда его интерпретации, не поддерживаемые официальными религиозными структурами), противопоставляемый «бездуховному» Западу и претендующий на «спасение» всего человечества (путем исламизации)

Идеологии представляли собой светские заместители религиозных гранднарративов, которые были «завязаны» на новую онтологию, но продолжали выполнять идентификационно-консолидирующую и мобилизационную функции в стремительно секуляризирующихся европейских сообществах

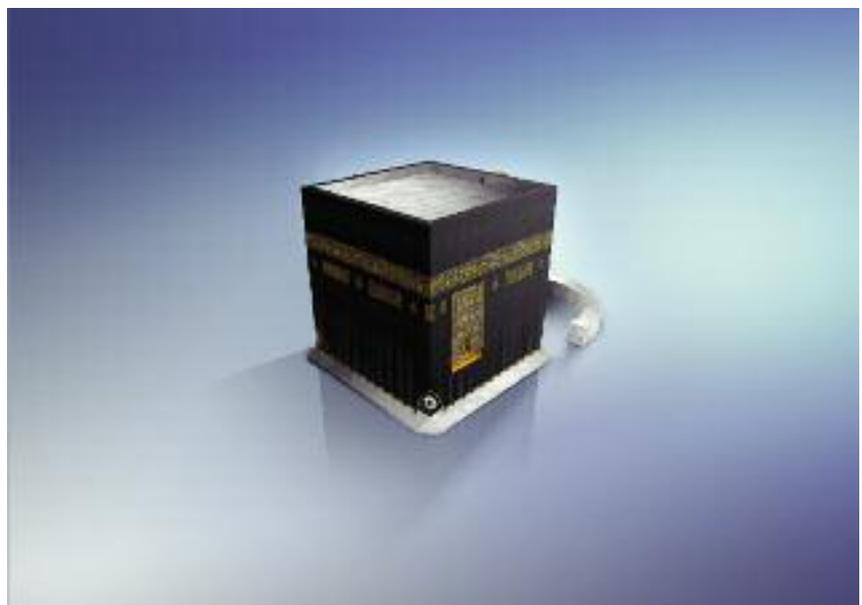
копоставленный военачальник США, председатель объединенного комитета начальников штабов, 23 августа 2016 года, излагая док-

трину угроз «4+1» назвал главными угрозами России, Китай, Иран, Северную Корею и насильственный экстремизм. То есть в первую очередь страны, которые имеют собственные альтернативные

проекты развития, и оказались главными угрозами, при этом вооруженный терроризм был помещен на последнее место.) Несмотря на то, что они появились и развиваются на совершенно разных культурных основаниях, можно выделить некоторые общие черты этих проектов, среди которых:

- принципиальное отрицание универсальности западных ценностей и предписаний;
- понимание западных ценностей как инструмента подчинения и эксплуатации других культур;
- обращение к собственной истории и религиозным традициям в поиске собственных культурных ценностей и норм;
- использование для продвижения своего проекта западных технологий и методов (социальные сети, СМИ, оружие, think tanks и др.);
- открытая идентификация собственных проектов как альтернативы западной секулярной модели.

Исламский проект, в отличие от Русского мира и Китайского проекта, не представляет собой целостности. Внутри самого исламского →

Русский мир апеллирует к партикулярной культурной традиции и легитимному праву на продвижение собственных ценностей, оправдывая его важнейшей исторической ролью русского православия

→ мира происходит борьба за право представлять его в глобальной конкурентной борьбе. Сегодня выделяются, как минимум, четыре возможных претендента: Иранский, Арабский и Турецкий проекты, а также наиболее радикальная версия, представленная Исламским государством. При всем различии (даже религиозном – шииты и сунниты) центром всех проектов является ислам (иногда его интерпретации, не поддерживаемые официальными религиозными структурами), противопоставляемый «бездуховному» Западу и претендующий на «спасение» всего человечества (путем исламизации).

Русский мир также апеллирует к партикулярной культурной традиции и легитимному праву на продвижение собственных ценностей, оправдывая его важнейшей исторической ролью русского православия. Идею Русского мира поддержали президент РФ Владимир Путин и патриарх Кирилл, заявив о консолидирующей функции русского слова, русской культуры и русского православия. Проект Русского мира хотя и не имеет общечеловеческой универсальности, является по своей сути глобалистским и направленным в том числе на обширные территории вне России, связанные с ней исторически.

Китайский проект, инициированный и поддержанный КПК, апеллирует не только к коммунистическим ценностям, но и к традиционной конфуцианской аксиологии. В ноябре 2012 года в отчетном докладе ЦК на XVIII съезде КПК был официально представлен список «сердцевинных социалистических ценностных воззрений», опирающихся на принципы раннего конфуцианства. Следует отметить, что система таких ценностей рассчитана как на внутреннего потребителя, будучи призванной консолидировать нацию и успешно противостоять идеологической экспансии Запада, так и на внешних партнеров, в первую очередь на непосредственных соседей, по отношению к которым была объявлена политика «родственности» и «инклюзивности». Появление Си Цзиньпина на форуме в Давосе в 2017 году (он стал первым китайским лидером, посетившим Давос) свидетельствует о полноценном включении Китайского проекта в конкурентную борьбу глобальных альтернатив.

Украина и Россия: увидеть возможность будущего

Отношения между Украиной и Россией сегодня в силу объективных и субъективных причин находятся на низшем за два с половиной десяти-

летия уровне. Большинство из существующих в России интерпретаций российско-украинских взаимоотношений можно определить, используя параллель с дискуссией между славянофилами и западниками. Проблема заключается в том, что для обоих указанных идейных полюсов религиозная интерпретация российской истории и российской идентичности является определяющей. Так как выше идеология Русского мира была отнесена к ряду религиозно мотивированных идеологем постсекулярного мира, попытаемся хотя бы бегло указать на риски использования этой парадигмы в дальнейшем развитии отношений между Украиной и Россией.

Задумывая Русский мир как «бесценный ресурс» (слова патриарха Кирилла) в эпоху глобализации, его авторы недооценивают тот факт, что, расширяя религиозную духовную общность на русскоговорящие территории, они совершают несколько ошибок.

Во-первых, одна из наиболее обширных таких территорий – украинская – имеет собственную духовную традицию (украинское православие в значительной своей части было связано не с Московской церковью), которая даже в случае широкого использования русского языка опирается на национальную историю со всеми ее атрибутами (датами, монументами, праздниками), несовместимую с традициями Русского мира. Вынуждая своих адептов принимать иную интерпретацию истории, идеология Русского мира превращает их в своеобразный анклав, чуть ли не пятую колонну, которая в силу своей изолированности неспособна к полноценному развитию.

Во-вторых, религиозная интерпретация истории оставляет вне Русского мира огромное количество собственно россиян, которые живут в светской России, но не являются не только прихожанами Русской православной церкви, но и христианами. Идеология Русского мира с необходимостью радикализирует отношения между мусульманами и христианами Российской Федерации, притом что эти отношения и без того нельзя назвать безоблачными.

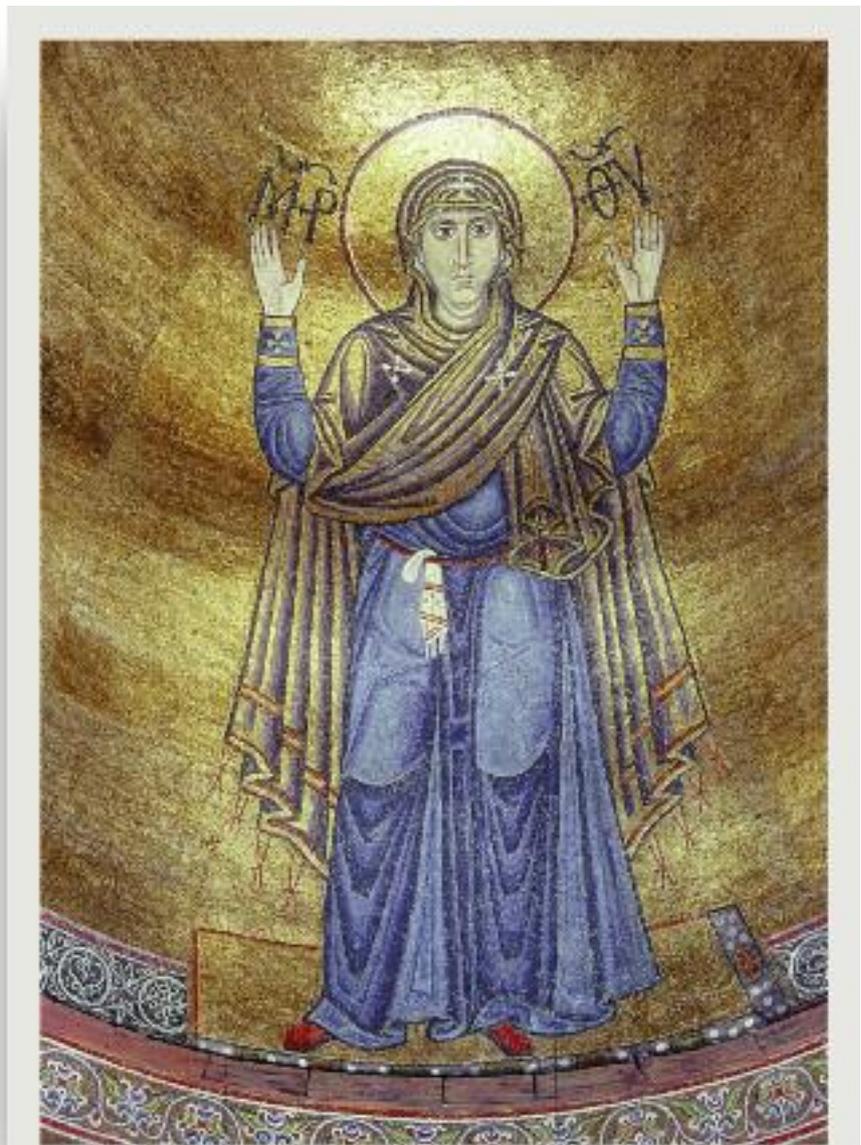
В связи с этим интересно вспомнить давний геополитический экс-

перимент, проведенный русским царем Алексеем Михайловичем при активном участии патриарха Никона. Рассчитывая не в последнюю очередь на распространение влияния Московской церкви на украинские земли, они инициировали печально известную церковную реформу, «подгонявшую» русскую культовую обрядность под новые греческие образцы, принятые в том числе и на территории Украины. Тогда вне церкви оказались тысячи и тысячи искренно религиозных людей, чувства и мысли которых не были приняты в расчет геополитиками XVII века. Ирония судьбы заключается в том, что именно в результате этой религиозной катастрофы образовались многие из русскоязычных диаспор, составляющих сегодня потенциальный объект идеологии Русского мира.

Представляется целесообразным, осознав необходимость перехода от классических идеологий секулярного общества к религиозно мотивированным идеологиям постсекулярной эпохи, перевести бытие новых идеологических образований в эксплицитное состояние. На сегодняшний день в подобных идеологемах слишком много имплицитных «примесей», которые объясняются религиозным происхождением указанных парадигм, а также их относительно недавним укреплением на авансцене истории. Внося коррективы в эмоциональный строй идеологической риторики, можно выработать сценарий развития международной политики, при котором историческая и культурная близость Украины и России из камня преткновения превратится в геополитический козырь.

Сегодня более оправданным было бы признание независимости украинской и российской историй, которые берут начало в пространстве и времени Древней Руси, но развиваются по собственным сценариям и под разными влияниями, хотя и тесно взаимодействуя – как в положительном, так и в отрицательном смысле.

Это позволит отойти от не подлежащей фальсификации религиозной риторики в исторических и политических вопросах и снять категоричность некоторых формулировок, а также перевести вопрос «от-

Оранта. Храм Святой Софии в Киеве. Мозаика начала XI века

Сегодня более оправданным было бы признание независимости украинской и российской историй, которые берут начало в пространстве и времени Древней Руси, но развиваются по собственным сценариям и под разными влияниями, хотя и тесно взаимодействуя

каза» от Украины из сферы экзистенциальных для бытия России вопросов в разряд практических и прагматичных – и Украина, и Россия имеют собственный путь, но их культуры во многом близки, и это должно сыграть свою роль в глобальной игре. Наконец, подобное мышление станет своеобразным предложением Западу переосмыслить значимость ценностных дискуссий и увидеть совместные цели перед вызовами современности. Предложенный подход отвечает реалиям нашего времени в части взаимного

отказа от украинского и российского национализма, взвешенной секуляризации истории, переходу на прагматический язык межгосударственного диалога.

Возможно, именно в попытке для начала помыслить допустимую нормализацию украинско-российских отношений, «визуализировав» желательный результат, а затем предложить сделать то же самое Европе в отношении наших стран – без обязательных победивших и побежденных – и находится ключ к разрешению сегодняшнего кризиса. **Р**

Первый фестиваль балета «Мариинский» прошел, казалось бы, совсем недавно – в 2001 году. С тех пор каждой весной на главной сцене Петербурга происходит балетный праздник, и каждый раз его сопровождает большой успех. Секрет успеха прост и всем известен: выдающиеся произведения и выдающиеся исполнители. Но как же редко удается этого достигать. Очередной 17-й фестиваль (30 марта – 9 апреля 2017 года) снова смог стать образцом гармонии великой классики и современности, творческого содружества мировых звезд и молодых исполнителей.

По традиции фестиваль открылся премьерой. На этот раз это была «Пахита».

Первое представление балета состоялось 1 апреля 1846 года в Париже, на сцене театра «Гранд-опера», в постановке хореографа Жозефа Мазилье на музыку Эрнеста Дельдевеза. Литературной основой либретто, написанного Мазилье совместно с Полем Фушером, послужила новелла Мигеля Сервантеса «Цыганочка». Все, что нужно для балетной драматургии, тут есть: злоумышленники и коварные убийцы, тайна рождения главной героини цыганки Пахиты, которая оказывается не цыганкой, а дочерью графа, любовь, которой пре-

Виктория Терёшкина и Тимур Аскеров,
30 марта 2017 года

XVII

ла версия Мариуса Петипа 1882 года, оставшаяся в репертуаре до 1919 года. Для нее немало дополнительной музыки сочинил Людвиг Минкус. А потом в судьбе балета наступил долгий

Международный фестиваль балета «Мариинский»

пятствуют, страсти, «рвущиеся в клочья», запутанная интрига и – счастливый финал!

Пять лет «Пахита» шла в Париже, но в 1851 году исполнительница главной роли Карлотта Гризи уехала в Петербург к своему мужу – балетмейстеру Жюлю Перро, – где получила контракт на два сезона. Дело в том, что к тому времени «Пахита» в России уже шла: первый партнер Карлотты Гризи – Люсьен Петипа – переехал в Петербург еще в 1847 году и первым делом поставил – вместе со своим старшим братом Мариусом Петипа – именно «Пахиту».

Судьба балета в России сложилась более чем счастливо. Развивалась и дополнялась не только его хореография, но и музыка. Классической постановкой «Пахиты» ста-

период забвения, однако благодаря записям «по системе Степанова», сделанным уехавшим в эмиграцию Николаем Григорьевичем Сергеевым, балет удалось восстановить в 2000 году. Сделал это Пьер Лакотт, причем именно там, где балет и родился, – в парижской «Гранд-опера». В сентябре 2013 года этот спектакль смогли увидеть в Москве, в Большом театре, в рамках гастролей «Гранд-опера».

Мариинский театр подготовил новую версию «Пахиты». Это не реконструкция спектакля Петипа. Хореограф Юрий Смекалов создал новый балет по собственному либретто. Известное *grand pas* из третьего акта «Пахиты», украшающее репертуар Мариинского и многих других театров, войдет в спектакль в непривычном виде: Юрий Бурлака восстанавливает хореографию Мариуса Петипа на основе сохранившихся записей начала XX века. Интересной особенностью этого *grand pas* является наличие различных вставных вариаций. По словам Юрия Бурлаки, который проводит репетиции в Академии русского балета имени А.Я. Вагановой, эта традиция зародилась еще в 1881 году.

В премьерном спектакле «Пахиты» в заглавной роли выступила заслуженная артистка России Виктория Терёшкина.

Балетоманы на своих интернет-форумах среагировали восторженно: «Терёшкина просто Пахита. Легко непринужденно, с задором, апломбом, уверенностью, была стержнем балета. В *grand pas* зал завелся на вариации Аскерова, потом эмоций добавил кордебалет, Евсеева с победной улыбкой в победной диагонали... Едва дети эмоции приглушили, как вышла Терёшкина и дала нам исполнение фуэте. Зал взревел. Затем был финал, поклоны. Хлопали дружно и благодарно. Выбежал дирижер, вышел Сме-

Воспитанники и студенты исполнительского факультета Академии русского балета

Фото: Виктор Васильев

калов в красной бабочке, поцеловал всех солисток, вызвал всю творческую группу».

В афише фестиваля – «Ромео и Джульетта» Сергея Прокофьева в хореографии Леонида Лавровского, «Баядерка» Лювиг Минкуса (хореография Мариуса Петипа в редакции Владимира Пономарева и Вахтанга Чабукиани). Зрители также увидели «Дон Кихота» Минкуса и «Драгоценности» Джорджа Баланчина. В репертуарных спектаклях и заключительном гала-концерте с артистами Мариинского театра на сцену вышли Ольга Смирнова, Люсия Лакарра, Марлон Дино, Семен Чудин, Даниэль Камарго и Сезар Корралес.

Приглашенной компанией фестиваля вновь стала балетная труппа Пермского театра оперы и балета имени П.И. Чайковского, показавшая свою премьеру прошлого сезона «Лебединое озеро» в постановке Алексея Мирошниченко. По традиции прошла и творческая мастерская молодых хореографов, которая в этом году получила статус международного проекта.

Ольга Смирнова и Семен Чудин

Опера «Дон Карлос» Джузеппе Верди в Королевской опере. Среди исполнителей – Брайан Хаймель, Людовик Тезье, Крассимира Стоянова, Екатерина Семенчук, Ильдар Абдразаков, Паата Бурчуладзе и др. Дирижер – Бертран де Бийи

Theatre Royal, Covent Garden

Знаменитый театр Ковент-Гарден состоит из двух частей – Королевской оперы и Королевского балета. Соответственно репертуар наполнен и оперными, и балетными спектаклями. Осенне-зимний период сезона 2016/2017 был, как всегда, весьма насыщенным. С успехом прошли постановки опер «Норма», «Севильский цирюльник», «Так поступают все», «Нос», «Орестея», «Манон Леско», «Кавалер роз», «Травиата», «Адриена Лекувьер», балетов «Тщетная предосторожность», «Анастасия», «Спящая красавица» и др. В весенней части сезона оперы «Нюрнбергские мейстерзингеры», «Мадам Баттерфляй», «Дон Карлос», «Любовный напиток», а также опера современного композитора Томаса Адеса «Ангел-истребитель» (The Exterminating Angel), на которую его вдохновил одноименный фильм-фэнтези Луиса Бунюэля. На весенней балетной сцене театра – «Драгоценности» Джорджа Баланчина, «Майерлинг» Кеннета МакМиллана и проект «Черновики» (Draft Works) – свободные авторские импровизации танцоров и хореографов.

Сцена из оперы «Мадам Баттерфляй»

Даниил КРАМЕР:

«Культура – это непосредственный способ физического выживания нации»

Интервью композитора, педагога, продюсера и джазового
исполнителя, народного артиста России

Даниила Борисовича Крамера журналу Focus

– Даниил Борисович, вы являетесь известным музыкальным экспериментатором, легко переходящим устоявшиеся и общепринятые жанровые границы...

– А я вообще убежденный противник границ, я не очень понимаю, зачем они в принципе нужны. Я в данном случае говорю даже не о музыке. И кстати, идея Евросоюза наглядно показывает, что можно обходиться без границ, не теряя национальной идентичности и даже, может быть, не теряя собственных денег, ничего не теряя. Границы – это же просто выдумка правителей...

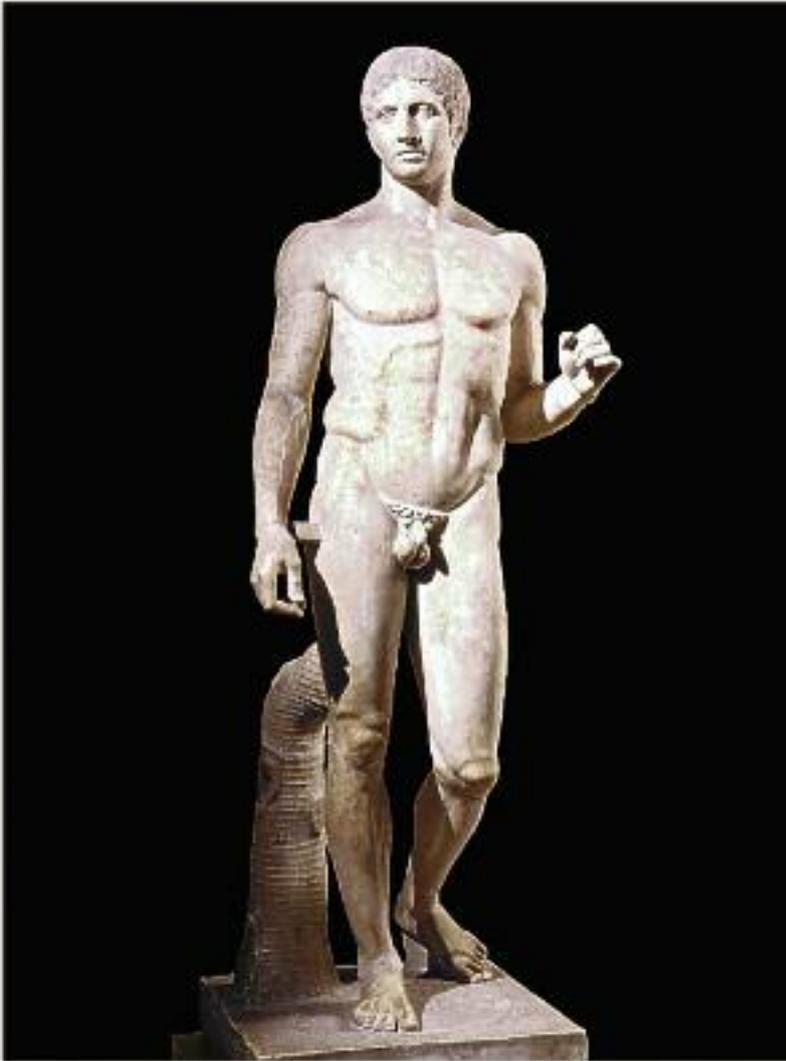
– Ну, как же! Границы проводят элементарное различие: вот это – мое, а это – твое.

– Нет, это в природе так. Границы выдуманы природой для того, чтобы каждое животное имело ареал существования и могло его защи-

щать. Человеческие границы – это наследие животного мира, это ареал существования, который приходится защищать. Но ведь человек кое-чем отличается от животного – в частности, мозгом. Я не утверждаю, что у животных нет разума – мне не дано это знать. Но если он у них есть, то он явно другой, чем у нас. У человека свой разум и свое видение, у него есть и то, что называется интеллектом, цивилизованностью, абстрактным мышлением. Поэтому, на мой взгляд, человечество вполне может обходиться без границ. Конечно, те, кто сейчас видит потоки беженцев, скажут: «Ты что, с ума сошел? А как же справиться с этим?» Справиться с этим просто: не надо превращать полмира в сырьевой придаток другой половины мира, и тогда не будет никаких беженцев, не будет и

конфликтов. Скажу откровенно, когда я слышу призывы бороться с ИГИЛ и с террористами, я пожимаю плечами. Военные акции против террористов, которые я наблюдаю, напоминают мне крем против прыщей: может быть, прыщ залечить удастся, но причину появления прыщей устранить не получится. Причина не в людях, которых надо убить с помощью ракет большой дальности и точности. Да, с террористами надо бороться, потому что это чудовищно – убивать ни в чем не повинных людей. Но точно так же чудовищно убивать ни в чем не повинных людей и по другую сторону. То есть сводить всё к ареалу существования – это недопустимое упрощение, это попытка затолкать человека в животный мир. Или даже в мир насекомых – у них ведь тоже имеются свои арена- ➔

Древние греки говорили, что понятие меры исключительно важно. Они даже говорили, что есть мера самой меры. Мера определяет всё: что бы вы ни взяли, если превышена мера, то любая самая хорошая вещь, или понятие, или действие обратится в свою противоположность. Из этой истины проистекает беда всех революций, из нее же проистекает и беда политиков

→ лы. Мы, например, недалеко ушли от муравьев – у этих насекомых существуют рабовладельческие отношения. Есть такой вид муравьев – они нападают на других муравьев, забирают их яйца и складывают в своих муравейниках. И когда из этих яиц появляются молодые муравьи, их превращают в рабов. Но самое интересное, что родившиеся в такой «неволе» муравьи вырастают в полном убеждении, что так оно и должно быть, что они – естественные слуги своих господ.

– Что-то это муравьиное рабство напоминает.

– По-моему, тут всё понятно. Может быть, моя мысль звучит крайне глупо, но пока что наш современный мир по-прежнему вполне адекватно описывается выражением одного египетского фараона: мол, весь мир делится всего на две части – на тех, кто служит, и на тех, кому служат. Абсолютно любое государство построено пирамидально – будь то монархия или демократия. Другое дело, как строятся от-

ношения между низами и верхами, а также между основанием пирамиды и ее вершиной, с одной стороны, и средней частью пирамиды – с другой. Да, от таких отношений многое зависит, но сама суть пирамиды от них не меняется... А если вернуться к войне против терроризма, то, насколько я помню, Шеридан сказал, что на войне есть только одна правда – на ней убивают, – а всё остальное – вранье. Сунь Цзы тоже в свое время сказал: «Война – это путь обмана». И он был абсолютно прав – «путь обмана» во всех смыслах: надо обмануть противника, в каком-то смысле надо обмануть собственный народ, потому что он должен быть управляемым, ибо неуправляемый народ проиграет любую войну. И я прекрасно осознаю роль культуры в обеспечении четкой управляемости нации. Причем я не могу сказать, что я против такой роли культуры. Мне просто не нравится, как это делается – и не только в России. Мне нигде не нравится то, как это делается. Я отдаю себе отчет в том, что само понятие «государство» подразумевает насилие. Мы никуда от этого не денемся. В том числе и культурное насилие. Но весь вопрос в мере этого насилия.

– А что вы называется культурным насилием?

– Мы даже не замечаем, как нам это навязывается. А что, разве возникновение того, что называется патристическим искусством, нельзя назвать навязыванием? Любое повторение – это навязывание. Например, когда реклама повторяется восемнадцать раз в сутки по телевизору и вам практически вбивается в голову, что вы обязаны что-то купить. Если сто человек скажут вам, что вы сегодня пьяный, хотя на самом деле вы не выпили ни капельки, вы обязательно согласитесь и найдете себя, по крайней мере, не вполне трезвым. Если двадцать пять человек скажут вам, что вы сегодня плохо выглядите, вы в обязательном порядке пойдете к зеркалу посмотреть: «Да что со мной такое?» И скорее всего, если у вас есть хотя бы капля мнительности, уже после третьего человека вы подумаете: «Да, что-то со мной не так сегодня». Это я говорю только об одном способе навязывания. К тому же я по своей натуре центрист-объекти-

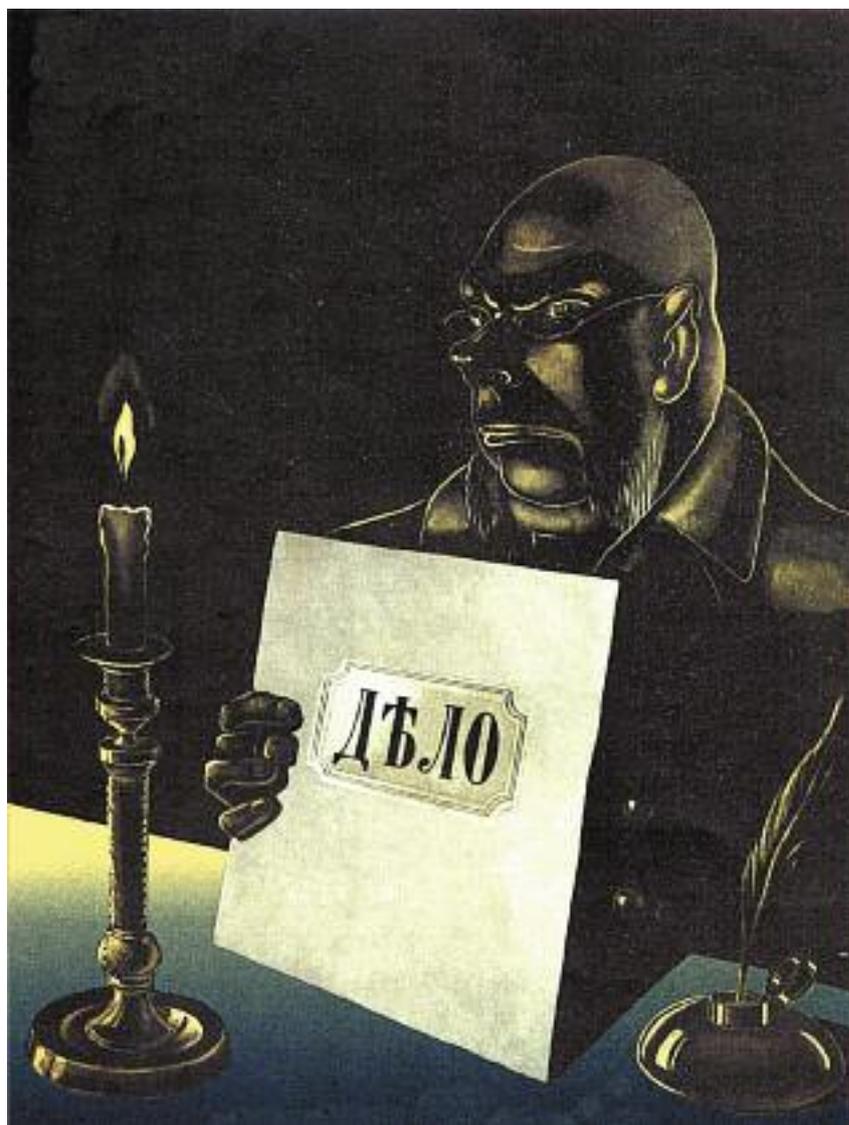
вист – человек, который не принимает ничьей стороны, кроме стороны истины.

– **А как это у вас получается?**

– Это не может получаться на сто процентов. Я стараюсь, чтобы это было так. Я не сказал, что у меня это получается. Я просто стараюсь принимать сторону истины, я нахожусь на ее стороне. Единственное исключение для меня лично из правил – это моя семья. Плохо ли, хорошо ли – но я буду на стороне своего ребенка, я буду на стороне своей семьи, и для меня здесь не будет вопроса, насколько такая позиция законна. Я этого никогда не скрывал. Что же касается всего остального, то, находясь в центре, легче видеть ошибки крайностей и легче понимать древних греков – а я ведь историк-любитель немножко, это одно из моих хобби. Древние греки говорили, что понятие меры исключительно важно. Они даже говорили, что есть мера самой меры. Мера определяет всё: что бы вы ни взяли, если превышена мера, то любая самая хорошая вещь, или понятие, или действие обратится в свою противоположность. Из этой истины проистекает беда всех революций, из нее же проистекает и беда политиков. Скажем, беда популистов не в том, что они говорят, а в том, что обещают сверх всякой меры, а если еще и стараются выполнить обещанное, то тут даже самые благие намерения превращаются в свою противоположность. Мы часто спрашиваем: «Ну, чем это плохо?» Да ничем, но превышена мера – и это стало плохо. Так происходит с лекарствами, с культурой, с наукой, с образованием, с бюрократией, с коррупцией – с чем угодно. А если мера нарушена в коррупции, то такая ситуация начинает угрожать уже самим основам государственности.

– **А возможно ли – по крайней мере, в культурной жизни – понять, где эта мера. Что тут можно предложить? Ну, помечтаем.**

– Да, именно помечтаем. Я давно уже придумал механизм, но он нереальный. И не потому, что его нельзя сделать – его можно сделать. А потому, что никто не захочет. Начну издали. Как я уже сказал, роль культуры в деле управления – особенно значимая. На мой взгляд, мы состоим из четырех вещей – из образования, из культуры, из их соче-

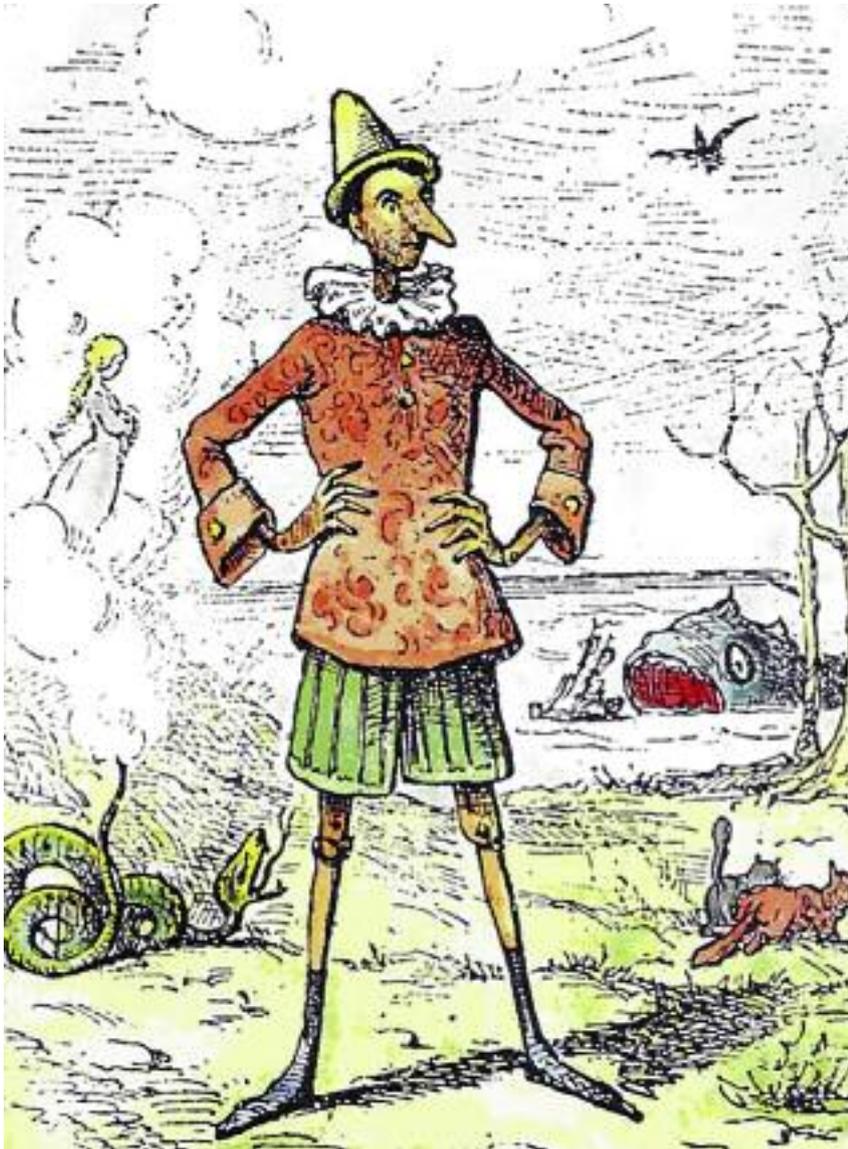

Плакат Николая Акимова к постановке драмы Александра Сухово-Кобылина «Дело». 1964 год

В нашей стране веками существовала и до сих пор существует порочная система, замкнутая на приемателя решений. В результате каждая ошибка обречена стать глобальной. А любой чиновник просто оказывается муравьем в муравейнике, обслуживающем матку. Но так нельзя

тания и из природной предрасположенности. Из них три поддаются коррекции, одна не поддается – я имею в виду природную предрасположенность. Поэтому надо работать с первыми тремя, а четвертая иногда может действовать вопреки, но при этом во благо. Скажем, именно этим объясняется, почему ребенок, выросший в семье пьяницы или наркомана, может ненавидеть пьянство и наркотики. Это его природная предрасположенность, потому что во всех остальных случаях мы – это то, что вокруг нас. Мы опреде-

ляемся окружающей средой, и мы определяемся тем, в каком виде вокруг нас существуют образование, культура и их сочетание. Обращаю внимание на то, что сочетание образования и культуры я считаю ничуть не менее важным, чем само образование и саму культуру. И вот почему. Если вы создадите очень образованного человека, но бескультурного, то рискуете получить бездушного монетариста, который не будет понимать вообще, что такое чувства, и будет только считать. Если такой человек придет к управлению госу- ➔

Я попросил бы Господа, чтобы Он лишил нас
всего двух способностей – врать...

➔ дарством, он добьется голодных бунтов. И наоборот. Если вы создадите чрезвычайно культурного человека, но без образования, вы получите рефлексирующего, ни на что не способного интеллигента, который будет не просто бесполезен, но откровенно вреден для государства. Он станет всё время требовать помощи, на всё жаловаться, он не будет знать ни одного практического рецепта. Поэтому само сочетание образования и культуры является определяющим – но только тогда, когда есть реально хорошее образование и реально хорошая культура. Это я к тому, что при ЕГЭ не может быть хорошего образования – тестовая система образование разрушает аналитическое мышление и креативность, создает ни на что не спо-

собных зубрил. Может быть, опять же природная предрасположенность выделит из этих зубрил одного или двоих, которые сумеют преодолеть негатив ЕГЭ, но их могло бы быть не двое, а две тысячи. И это при нашей-то нехватке кадров! То же самое и с культурой. Культура является неотъемлемой частью всего. Без нее не будет ни эффективной экономики, ни сильной армии. А теперь давайте вернемся к вашему вопросу – о мере. Как определить меру – например, допустимую меру коррупции? Статистика показывает, что страх наказания останавливает порядка то ли пятнадцати, то ли двадцати процентов людей, а подавляющее большинство страх наказания не останавливает. То есть страх наказания не работает. Малоэффек-

тивны и правоохранные органы. К тому же, как это показывают открытые процессы, они сами подвержены коррупции. А это гораздо страшнее, когда нет доверия к тем, кто должен охранять закон. Так что же делать? Как-то во время одного интервью мне задали вопрос: «Если бы у вас была возможность, о чем вы попросили бы Господа Бога?» И я тогда ответил: «Я попросил бы Господа, чтобы Он лишил нас всего двух способностей – врать и завидовать, – потому что именно они лежат в основании всех бед». Если мы это поймем, если мы осознаем влияние образования, культуры и их сочетания, то мы неизбежно придем к выводу о необходимости того, что можно назвать воспитанием национального желания. Такое воспитание достигается именно точно выверенной мерой – в меру патриотизма, в меру классики, в меру ширпотреба. Как только эта мера нарушается, всё обращается в свою противоположность. Никто не против ширпотреба в культуре, никто не против ширпотреба вообще, но если ширпотреба станет слишком много, то он подомнет под себя всё остальное. То есть надо менять всё образование, всю культуру, всю политику телевидения – всё то, что основывается на рейтинге, потому что рейтинг, привязанный к получению прибыли, сводит на нет любое конструктивное начинание.

– И кто же, на ваш взгляд, должен выступить подобным всеохватным реформатором? Кто предложит сценарий пересборки образования, культуры, сочетания образования и культуры ради достижения некой эталонной меры? Кому вообще решать, где есть мера, а где ее нет?

– О, а вот и центральный вопрос. Я его ждал. Совершенно верно. К сожалению, в нашей стране веками существовала и до сих пор существует порочная система, замкнутая на приемателя решений. Если ошибается приематель, то ошибается вся система, причем без права на исправление допущенной ошибки. В результате каждая ошибка обречена стать глобальной. А любой чиновник просто оказывается муравьем в муравейнике, обслуживающем матку. Но так нельзя. Такая система неизбежно проиграет. По-моему, Кен-

неди сказал, что американцы проиграли русским за школьной партой – и это самый страшный проигрыш. Да, совершенно верно, тогда американцы проиграли нам, но сейчас мы по всем параметрам проигрываем им за школьной партой. Американцы смогли исправить положение за счет безумного притока мозгов. Но у нас такого притока мозгов нет. У нас идет отток мозгов, и я его вижу очень хорошо, когда играю концерты в научной среде.

– А в искусстве у нас есть этот отток мозгов?

– Конечно. Причем он не однозначен, а многозначен. И отток не только мозгов, но и денег.

– В данный момент какова его траектория? Он увеличивается или уменьшается?

– Мне не кажется, что он увеличивается, но у меня нет данных и о том, чтобы он уменьшался. А с какой стати ему уменьшаться, если, скажем, министр культуры может позволить себе в ответ на вопрос, что делать музыкантам, закончившим музыкальные учебные заведения, сказать: стоять в переходе. Что должны делать музыканты, если музыкальное образование каким-то потрясающим мудрецом названо дополнительным образованием, а мы с вами только что говорили о том, что это – системообразующий элемент жизни страны, в том числе ее обороноспособности. Превращение культуры в дополнительное образование – это фатальная ошибка, которая катастрофически скажется через какое-то время. Культура не бывает дополнительным образованием. От культуры нельзя отнять год обучения просто так. Культура – это непосредственный способ физического выживания нации, и те, кто этого не понимает, – это диверсанты, вольные ли, невольные ли, но они – диверсанты, разрушающие основу страны, в которой они живут и работают. Именно культура определяет идеологический уровень воюющей армии, и когда эта культура зиждется на «моем мармеладном» и на «гоп-стоп», а Министерство культуры поддерживает русский шансон – тюремную субкультуру, – о чем тут вообще говорить? Но опять же – я не против ширпотреба, я против нарушения меры. Я всё время это повторяю, чтобы не возникло ощущения, что

Джон Уотерхаус. *Circe Invidiosa*. 1892 год

...и завидовать, – потому что именно они
лежат в основании всех бед

Джошуа Белл в вашингтонском метро

А с какой стати оттоку мозгов уменьшаться, если, скажем, министр культуры может позволить себе в ответ на вопрос, что делать музыкантам, закончившим музыкальные учебные заведения, сказать: стоять в переходе

→ я вообще против попсы. Попса – это ширпотреб. Мы с вами тоже покупаем ширпотреб, мы не можем жить в стенах, расписанных Леонардо. Мы покупаем обои, это – ширпотреб. Более дорогой, менее дорогой – но ширпотреб. Весь вопрос в том, сколько этого ширпотреба. Я на протяжении всей своей жизни пытался понять, что такое мера. Искусство без меры не живет. Чувство меры воспитывает вкус. Частично неприятие попсы людьми от классики и от джаза как раз связано с тем, что попса не обладает этим самым вкусом... Ну, если и обладает, то далеко не на сто процентов. Хотя и в попсе есть исполнители, которых я люблю. Скажем, я люблю Фредди Меркьюри, я вообще очень люблю ансамбль Queen, я люблю Led Zepelin, люблю Барбару Стрейзанд. Есть российские эстрадные исполнители, которые мне нравятся, – почему нет? Я не живу одним Бетховеном или одним Оскаром Питерсоном.

– Хорошо, давайте теперь коснемся вашей непосредственной профессиональной сферы – джаза. Как вы считаете, состоялся ли феномен русского джаза или Утесов, Лундстрем и другие – это всего лишь одиночки, которые как-то воспроизводили западный стиль? Что такое русский джаз? Можно ли вообще так ставить вопрос?

– При определенных условиях такой вопрос поставить можно. Но для этого надо определиться в терминологии – что мы назовем русским джазом. Если мы назовем русским джазом исполнение джазовой музыки музыкантами из России, то да – русский джаз есть. Также если мы назовем русским джазом исполнение джаза с использованием элементов русской народной музыки или музыки композиторов российского происхождения, то да – такой русский джаз есть.

– Ну вот, например, то, что вы играли прошлым летом на кубинском вечере?

– Это не русский джаз. Это афро-кубинский джаз и кубинские романсы.

– Хорошо, а чисто русские мелодии, которые там были?

– Такие вещи можно было бы назвать джазом с элементами русской романсовой музыки. Я не рискнул бы в данном случае использовать термин «русский джаз». Все-таки то, что можно было бы обозначить как русский джаз, должно быть сложившимся полноценным стилем. На сегодняшний день, зная, что сейчас у нас происходит, я сказал бы, что формирование русского джаза началось. То есть российские джазовые музыканты стали играть джазовую музыку с использованием музыки российского кино, с элементами русских романсов, русских народных песен, с мотивами композиторов российского происхождения. Всё это вместе означает начало формирования чего-то, что можно будет, на мой взгляд, лет через пятнадцать-двадцать назвать русским джазом. Но сейчас я не сказал бы, что он есть. Он в процессе складывания, но этот процесс начался, и вполне возможно, что это будет вполне оригинальное и самодостаточное направление.

– Вернемся к тому, с чего начали и с чего сразу же свернули в политику – совершенно по-русски, между прочим. Вы легко переходите границы между классической музыкой и джазом, а не пытаетесь в принципе разрушить эти границы?

– Нет.

– Нет?

– Нет, ни в коем случае. У меня нет цели разрушения границ. У меня созидательная цель – сконструировать некое специфическое эсперанто, которое в то же время не было бы попыткой механического смешения существующих в мире языков.

– А зачем, для чего нужно это музыкальное эсперанто?

– Для меня это просто так же естественно, как для вас дышать. Поймите, музыкант, не являющийся ремесленником, играет – как слышит, у него нет того, о чем вы сказали, – нет задачи.

– То есть в принципе какая разница – джаз это или классика...

– Yes! Я просто так слышу, я владею всеми этими языками, для меня всё равно – на каком разговаривать. У меня руки сейчас захотели говорить вот так – и оказалось, что они

это могут. Я их не контролирую. Разве вы, говоря на родном для вас русском языке, успеваете себя контролировать – что и как вы сказали? А теперь скажите мне, что я успею проконтролировать, когда я импровизирую в быстром темпе – в среднем двенадцать-тринадцать звуков в секунду? То есть это как речь. Если язык для вас неорганичен, вы говорите на нем медленно, с акцентом или только заученными фразами. Именно так и разговаривают музыкальные ремесленники – сплошные заученные фразы.

– **Так разговариваю люди, которые языком не владеют.**

– Да, или владеют им плохо... Когда на пятидесятилетие меня спросили, какая фраза может быть эпиграфом всей моей жизни, я ответил – окуджавские слова: «Каждый слышит, как он дышит». Это правда: музыкант, если он настоящий музыкант, просто не сможет по-другому, он как чукча – что видит, о том и поет. Это не кокетство, это действительно так. Но из этого не следует, что мы ничего не выучиваем. Хотя одними и теми же заученными фразами можно и пошлый анекдот рассказать, и «Войну и мир» написать – язык-то один.

– **Это правда, что вы увлекаетесь ролевыми компьютерными играми?**

Искусство без меры не живет. Чувство меры воспитывает вкус. Частично неприятие попсы людьми от классики и от джаза как раз связано с тем, что попса не обладает этим самым вкусом...

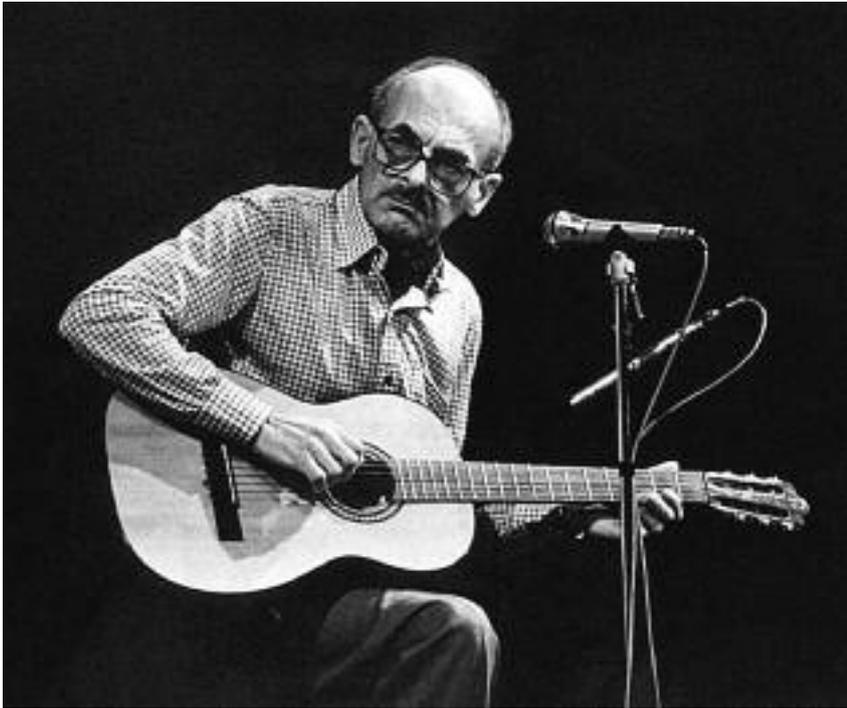
Ну, если и обладает, то далеко не на сто процентов. Хотя и в попсе есть исполнители, которых я люблю

– Да.

– **А что это для вас? Способ расслабиться? Способ по-другому увидеть мир? Что это?**

– Нет. Начну несколько издали. Музыкант не играет пальцами. Он даже ушами не играет, хотя иногда в консерватории говорят, что ты должен играть ушами – и это правильно. Точнее, и правильно, и неправильно. Музыкант играет душой. Если в душе пусто, нечем играть, то музыкант начинает играть просто ноты. Таких мы и называем ремесленниками. Мы отдаем должное уровню их ремесла, но за душу они не берут или берут неглубоко, а это одно и то же. Я бы даже предпочел, чтобы лучше вообще не брали, чем брали неглубоко, потому что когда такие вещи, как шансон, в большинстве своем воздействуют только на верхние ассоциативные ряды, глубинные ряды начинают атрофироваться. В результате полу-

чаются люди, которым неведомы глубокие серьезные чувства, а это очень плохо для страны, для нации – когда таких людей много... Но вернусь к ролевым играм. И так, музыкант играет душой. Именно поэтому через искусство, музыку, живопись, скульптуру душа занимается энергетическим обменом с вами. Это и есть суть искусства – энергетический обмен, передача эмоций, незаметное, но неизбежное изменение человеческой души. В ту или в другую сторону – зависит в данном случае от искусства. Есть музыканты – назовем их урбанистами, – которые играют музыку современности, музыку города. Я не против, но лично себя к ним не отношу. Я – музыкант, который не умеет играть реальность. Это просто мое личное свойство. Я умею играть фантазии, сказки, я умею играть природу, я умею играть эмоции – но я не умею играть быт, меня это не привле-

Когда на пятидесятилетие меня спросили, какая фраза может быть эпиграфом всей моей жизни, я ответил – окупжавские слова:
«Каждый слышит, как он дышит»

→ кает. И для меня всё время встает вопрос: чем же мне играть? Ведь для того, чтобы выйти на сцену, в моей душе что-то должно быть – то, что я сейчас передам сидящим в зале. Душа должна чем-то наполняться. Она должна наполняться моей семьей, любовью, тем миром, который вокруг меня. Поэтому у меня очень закрытый, ограниченный мир. Я стараюсь не пускать туда ничего из того, что мне не нравится. Мой быт уютный, мягкий, вкусный – он мне нужен именно таким. Собственно, мое зарабатывание денег нужно для того, чтобы поддерживать мой мир. Мне больше ничего не требуется. На самом деле, я могу себе позволить что-то, но мне этого не требуется. Мне требуются просто уют, вкусный кофе, хорошая беседа, хорошая природа, любовь моей семьи, без которой очень холодно. Мне было страшно холодно, когда не стало мамы. Как будто часть души ушла, и это не так просто восполнить. А поскольку я музыкант, это значит, что для меня душа – это не слова, а просто то, чем я играю. Поэтому неудивительно, что я увлекаюсь ролевыми играми. Для меня важно, что это небытовой, нереальный мир, в котором я могу делать не

то, что заставляет меня быт, в котором я могу чувствовать себя по-другому, действовать по-другому. А для меня уход от реальности жизненно необходим для того, чтобы я вышел на сцену. Вот, собственно, и всё. Можете называть меня человеком не от мира сего. В принципе это правда, потому что сей мир меня не очень, честно говоря, привлекает. Поэтому-то у меня не очень много друзей.

– Скажите, а для вас существует такое понятие, как Русский мир? Или Российский мир – в данном случае давайте опустим всю эту набившую оскомину возню вокруг обоих этих прилагательных. И если существует, то каким смыслом – опять же именно для вас лично – наполнено это понятие?

– Я еврей чистой крови, но я русский музыкант. Я говорю на русском языке – и говорю достаточно хорошо, в данном случае я имею в виду способность выражать свои мысли и доносить их до собеседника. Мои любимые писатели – Толстой и Чехов. Я не уехал из России, хотя у меня в России ни одного родственника нет, они все в Германии, Америке, Израиле. Но я не уехал из России – значит, я русский музыкант.

Что я понимаю под словом «русский»? Наверное, ощущение нации, к которой принадлежу. Мне не столь важно, что я еврей, хотя я чувствую свою принадлежность к евреям. Мне не столь важно, что я не православный, – я не принадлежу к какой-либо религии, хотя я необычайно верующий человек, я мистик, убежденнейший мистик. Человек искусства не может, на мой взгляд, не быть мистиком, потому что мы имеем с ней дело каждый день. Следовательно, не это является определяющим, хотя для некоторых, скажем, православие будет являться определяющим. Но мне кажется, что искренне верующий, как и искренний патриот, не будет кичиться этим и не станет выставлять свою веру напоказ. Это мое мнение, я никому его не навязываю. Мне кажется, что относить себя к русским – это испытывать некое абстрактное чувство, которое заставляет тебя болеть за страну, называемую Россией. Хотя надо для начала разобраться в том, что ты подразумеваешь под понятием «страна». Я не скрываю, как много мне не нравится в нашей стране. Здесь пока что недостатков больше, чем достоинств. Но ведь когда твой ребенок болен, ты же не станешь его от этого меньше любить. Мне кажется, что очень ошибочно воспринимать всех, кто критикует страну или ее власти, как оппозиционеров. Меня всё время спрашивают: у вас мышление оппозиционера, вы в оппозиции? Что за глупость. Я никакого отношения к оппозиции не имею. Я отношусь ко всему, что меня окружает, именно так, как родитель относится к больному ребенку: любви не меньше, но хочется вылечить.

– А этот больной ребенок сейчас выздоравливает? Или же ему наоборот становится всё хуже и хуже?

– В протекании любой болезни существуют перепады. Случаются временные улучшения, а на следующий день снова становится хуже. Я не обладаю все полнотой информации, мне крайне трудно судить о том, что сейчас происходит. Для меня нет понятия веры. Вспомню здесь Фому Аквинского, который сказал: «Вера есть абсурд». А кто-то дополнил эту мысль: «Вера есть абсурд, начинающийся там, где заканчиваются знания». Поэтому я не

могу верить в то, находится ли Россия на подъеме или в упадке. Я могу лишь точно знать либо одно, либо другое. Я могу судить только по фактам, которые вижу. А я вижу резкое увеличение военных расходов, что отражается на мне как налогоплательщике. Я вижу резкое ухудшение образования, что имеет отложенный эффект воздействия на мой народ. Я вижу резкое увеличение ширпотреба на телевидении, а желтизны – в газетах, обвальное снижение общего уровня культуры. Я вижу, что элита стремится сделать нацию как можно более управляемой – а значит, побаивается ее. Чего побаивается – не могу судить. Возможно, того, что нация станет менее управляемой и начнутся волнения. Я могу привести еще несколько негативных примеров. Но есть и примеры позитивные. Что бы ни говорили, но когда я приезжаю за рубеж, я вижу, что образ русского там, как правило, положительный. Это особенно заметно, если сравнить с тем, как было при Советском Союзе. Когда я, будучи советским гражданином, приезжал за границу, я откровенно чувствовал себя человеком второго сорта по всем параметрам. Сейчас я этого не чувствую – и уже давно не чувствую. Я не скажу, что мы плохо живем. Я знаю, как живут в Никарагуа, в Африке, в некоторых других странах. Мы – далеко не бедная страна. Мы достаточно хорошо живем, и у нас достаточно приличный уровень. Есть страны, которые живут намного хуже и при этом не теряют оптимизма. На протяжении всей своей более чем тысячелетней истории мы выживали в любом испытании и выходили из него только сильнее. Однако из этого утверждения автоматически не следует, что так будет и впредь. Может быть, когда-то и не получится выйти. Римская империя, например, погибла. Всякое может быть. Другое дело, что если абстрагироваться от чувства к России как к ребенку, то я, будучи объективистом, могу заметить: погибла Римская империя, а на ее месте возникло несколько других государств, цивилизация пошла дальше. Но всё же, как я думаю, можно говорить о том, что шансы выйти из непростой ситуации у нас имеются и на этот раз. Несмотря на мощнейший отток мозгов, наша наука существу-

Музыкант играет душой. Если в душе пусто, нечем играть, то музыкант начинает играть просто ноты

ет и даже на каких-то направлениях неплохо развивается. Проблема в том, насколько нам удастся уберечь все эти живые ростки от тотального и всеохватного бюрократизма. Один мудрый философ раннего Нового времени дал потрясающе точное определение смысла существования бюрократии: бюрократия развивается, чтобы удовлетворять потребности развивающейся бюрократии. То есть бюрократическое государство – это государство, в котором бюрократическая система работает сама на себя и больше ни на что.

– Ну, это кибернетическое определение системы – самовоспроизводство прежде всего...

– Поэтому и создаются конкурирующие системы. А у бюрократии нет конкурента, кроме нее самой. Какой выход? Национальное желание, о котором я говорил? Но это недостижимо, это – утопия, хотя к ней и следовало бы стремиться.

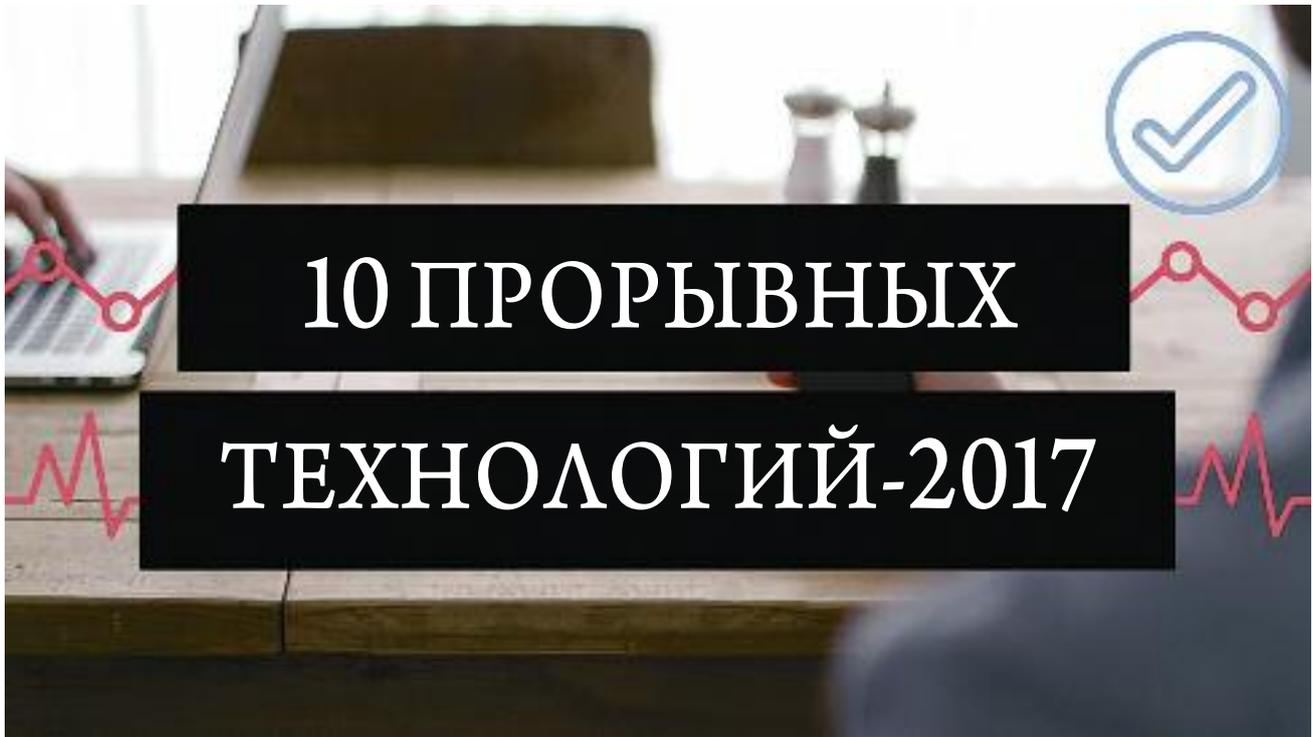
– А к ней придется стремиться хотя бы уже просто ради того, чтобы элементарно выжить. Мы не можем до бесконечности паразитировать на сырьевой ренте, на экстенсивном росте.

– А вы пойдите и докажите это олигархам. Кстати, олигархия – это прямое следствие экстенсивного развития. И прямое следствие коррупции. Если коррупция идет с самого верха, олигархия неизбежна.

– Мы подошли к очень важной теме – и жаль, что это произошло уже под занавес нашей беседы. Наша олигархия – это вышедший из подполья теневой советский капитализм, это своего рода переворот сверху.

– А переворота снизу и не бывает. Он всегда осуществляется сверху, даже если кажется, что его делают снизу. Поэтому слова о возмущении народных масс – это рассказы для глупцов. Я надеюсь, что к ним не отношусь.

– Спасибо вам, Даниил Борисович. Получилось так, что собственно о музыке мы говорили очень мало. Можно даже сказать, что совсем не затрагивали этой темы. Но именно после такого разговора обо всём – о политике, о философии, даже частично об этике – ваш музыкальный почерк становится гораздо более понятным и читаемым. Причем отнюдь не только для меломанов. **Ф**

MIT Technology Review –
издание Массачусетского технологического института (США) –
составило список из десяти прорывных технологий,
которые в ближайшее время будут влиять
на экономику, политику и культуру

1 Беспилотные грузовики

Технология будет доступна через 5–10 лет

Может ли компьютер быть за рулем лучше человека? Мы, вероятно, выясним это в ближайшие годы, поскольку уже несколько компаний тестируют автоматическое вождение грузовиков. Хотя многие технические проблемы всё еще не решены, разработчики утверждают, что вождение грузовиков будет более безопасным и менее дорогостоящим. «Эта система часто ездит лучше, чем я», – говорит Грег Мерфи, который был профессиональным водителем грузовика в течение 40 лет. В настоящее время он служит в качестве резервного водителя во время испытаний автоматического вождения грузовиков «Отто» в компании, находящейся в Сан-Франциско. Ключевой в технологии «Отто» является система лидара, использующего импульсный лазер для сбора подробной информации об окружающем гру-

Резервный водитель может взять управление на себя, нажав на красную кнопку

зовик пространстве. Пока устройство одного лидера «Отто» стоит около 100 тысяч долларов. Но у компании есть основания ожидать, что новая версия может стоить менее 10 тысяч долларов.

2 Победа над параличом

Технология будет доступна через 10–15 лет

Достигнут заметный прогресс в использовании имплантов, способных восстанавливать свободу движения, утраченную при травмах спинного мозга. Грегуар Куртин с коллегами из Федеральной политехнической школы в Лозанне провели удач-

ный эксперимент по восстановлению двигательной активности макаки с рассеченным спинным мозгом и пол-

Чип для считывания сигналов мозга

ся с моторной корой мозга, а ниже травмы позвоночника вшили гибкие электроды вокруг спинного мозга животного. Эти два электронных устройства соединили друг с другом беспроводным образом. Намерение обезьяны двигаться считывается и передается в виде всплесков электрической стимуляции на гибкий электрод.

яны двигаться считывается и передается в виде всплесков электрической стимуляции на гибкий электрод.

Беспроводное устройство передачи сигналов укреплено на черепе

ностью парализованной правой ногой. Под черепом установили записывающее устройство, соприкасающее-

Гибкий электрод для имитации спинного мозга

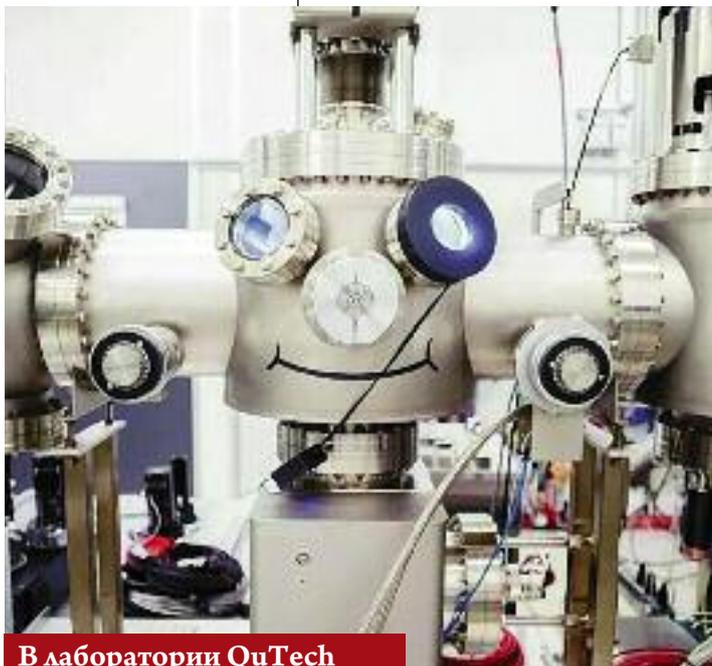

Обезьяна начинает двигаться: правая нога изгибается и шагает. Как вспоминал ликующий Грегуар Куртин, «обезьяна подумала-подумала, а потом: раз – и пошла!» И это не единственный пример успеха. В университете Кейс Вестерн Резерв в Кливленде командой под руководством Роберта Кирша и Болу Аджибойя проведен успешный эксперимент на человеке. Пожилому и почти полностью парализованному пациенту вживили электроды аналогичные тем, какие были в экспериментах в Лозанне, и он смог не просто поднимать руку, но даже поднести к губам чашку. Ученые из Кливленда надеются помимо лечения паралича использовать подобное нейронное протезирование для борьбы со слепотой и, возможно, научиться восстанавливать память, пораженную болезнью Альцгеймера.

3 Потребительский квантовый компьютер

Технология будет доступна через 4-5 лет

Каждый год квантовые компьютеры попадают в списки самых ожидаемых прорывных технологий – и всякий раз безрезультатно. Долгие годы квантовые компьютеры существовали только в теории, но похоже, что в 2017 году разработки приобретут реальные очертания. Фундаментальное отличие квантовых компьютеров от обычных состоит в следующем. Ячейки обычных компьютеров работают по принципу двоичной системы, обладающей одним из двух возможных значений: 0 или 1. Один бит информации содержит один разряд. Если в системе имеется N ячеек, то общее число возможных состояний равно 2^N . В обычных компьютерах информация хранится в битах, а в квантовых – в кубитах, квантовых битах. Кубиты могут находиться как бы одновременно в двух состояниях – содержать ноль и единицу сразу, – благодаря чему в теории квантовый компьютер может работать быстрее и обрабатывать намного больший объем информации за один бит, чем обычные компьютеры. Это должно происходить потому, что квантовый регистр, состоящий из N квантовых ячеек, взаимодействующих друг с другом, обладает свойством так называемой квантовой суперпозиции, что обеспечивает возможность управления сразу огромным множеством состояний – 2^N (два в степени N). В последнее время возросли инвестиции в исследования в области квантовой физики и смежных областей, необходимых для разработки функционального квантового компьютера. Одним из лидеров в этой сфере является лаборатория QuTech Технологического университета в Делфте (Голландия), в которой занимаются изучением квазичастиц – именно они могут стать ключевым компонентом квантовых компьютеров. Проект в Делфте,

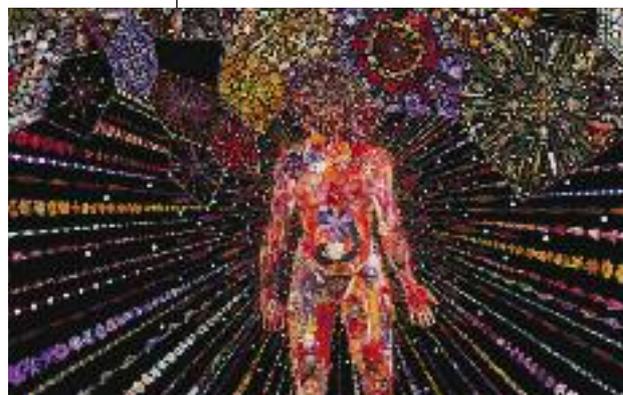
В лаборатории QuTech

возглавляемый профессором Лео Кувенховеном, направлен на преодоление одного из самых серьезных препятствий на пути к созданию квантовых компьютеров: кубиты являются чрезвычайно чувствительными к шумам и, следовательно, ошибкам. Кубиты эффективно работают, когда они находятся в состоянии квантовой суперпозиции, а это очень хрупкое состояние, которое легко расстраивается от малейших помех – таких, как вибрация или колебания электрических полей. Ученые в QuTech пытаются снизить подверженность кубитов шумам и, как следствие, ошибкам, так как именно эта проблема мешает развитию технологии.

4 Клеточный атлас

Технология будет доступна через 5 лет

Мы, наконец, узнаем точно: из чего мы состоим. Международный консорциум ученых из США, Великобритании, Швеции, Израиля, Нидерландов и Японии собирается создать подробную трехмерную карту человеческих клеток, которая впервые визуализирует то, из чего состоит тело человека. Для этого придется каталогизировать 37,2 триллиона микроскопических изображений клеток человеческого организма, определив молекулярную подпись каждой клетки и присвоив ей «географические координаты» расположения в человеческом организме. «Клеточный атлас» – приоритетный проект в списке медицинских исследований, в которые Марк Цукерберг и его жена Присцилла Чан собираются инвестировать 3 миллиарда долларов. Ученые ожидают, что этот проект окажет в ближайшие десятилетия значительное влияние на биологию и медицину, поможет понять

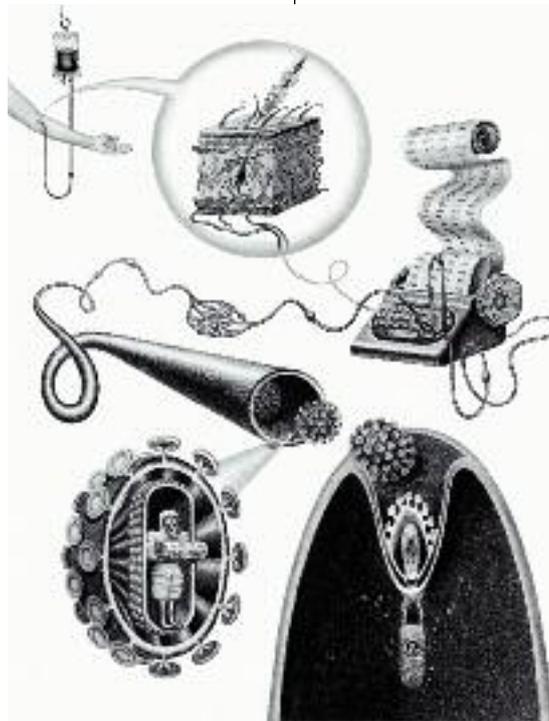

причины развития онкологических и аутоиммунных заболеваний, а также разработать эффективные препараты для их лечения.

5 Генная терапия 2.0

Технология уже доступна

Генная терапия – совокупность биотехнологических и медицинских методов, направленных на лечение заболеваний, вызванных мутациями в структуре ДНК или поражением ДНК вирусами, с помощью редактирования генетического аппарата. Изначально генную терапию рассматривали как средство излечения наследственных генетических заболеваний, однако сейчас исследователи надеются применить ее для борьбы с широким спектром заболеваний – болезнью Альцгеймера, диабетом, сердечной недостаточностью и раком. Одной из самых перспективных технологий генной терапии является редактирование генома CRISPR/Cas9. Эту технологию открыли в 2013 году как механизм бактериального иммунитета вирусной ДНК. Ученые называют эту технологию «молекулярными ножницами», так как она позволяет с высокой точностью вырезать и изменять участки ДНК лю-

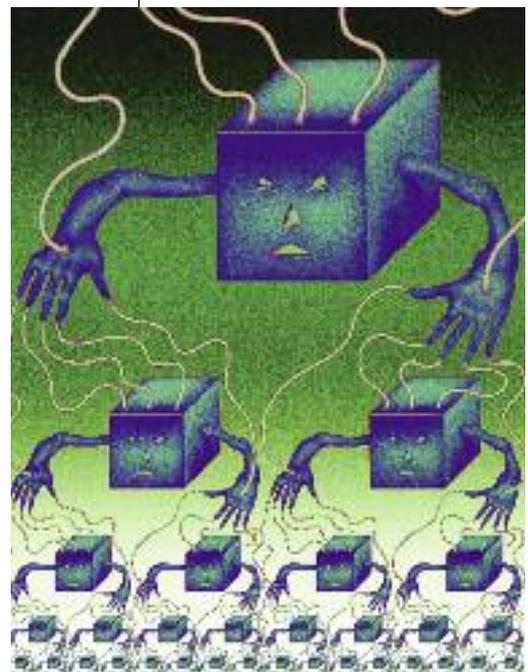
бых организмов прямо в живых клетках. Недавно китайские ученые провели первый в мире эксперимент по редактированию генома взрослого человека с помощью технологии CRISPR/Cas9. Сотрудники Сычуаньского университета ввели модифицированные Т-лимфоциты пациенту, больному раком легких. Предполагается, что это запустит процесс уничтожения раковых клеток в его организме. Ученым уже удалось применить генную терапию для борьбы с редкими наследственными заболеваниями, например, с тяжелой комбинированной иммунной недостаточностью и гемофилией. В США компания Spark Therapeutics первой на рынке предлагает генную тера-

пию для лечения прогрессирующей слепоты. На данный момент в мире проводится порядка 40–50 клинических испытаний, направленных на борьбу с различными болезнями методами редактирования генома.

6 Ботнет

Технология уже доступна

Ожидается широкое распространение серьезной проблемы – ботнета, поражающего различные IT-устройства, а теперь даже и бытовые приборы. Ботами (bot – от слова robot) называют вредоносные программы, скрытно внедренные злоумышленником на чужие устройства и заставляющие их выполнять некие действия с использованием захваченных ресурсов. Боты способны объединяться в сеть, и тогда их называют ботнетом. Используя сети, киберпреступники осуществляют контроль над оборудованием локальных сетей, модемами, сетевыми хранилищами, системами видеонаблюдения и даже промышленными управляющими системами, организуют мощные DDoS-атаки, рассылают спам и пр. MIT прогнозирует появление и распространение таких сетей не только в компьютерах и смарт-гаджетах, но и в среде нашей домашней бытовой техники – видеокamer, телевизоров и даже стиральных машин, для которых антивирусная защита часто просто не предусмотрена. Ботнеты существуют около 10 лет, а их разработчики являются хорошо организованными преступными сообществами, предоставляющими платные хакерские услуги – вплоть до сдачи своих систем в аренду. Об опасности их дальнейшего распространения и усиления мощности предупреждает MIT Technology Review.

7 Солнечные панели нового поколения

Технология будет доступна через 10–15 лет

Солнечных панелей на крышах становится всё больше и больше, но они всё еще остаются громоздкими, дорогими и неэффективными. Фотоэлектрический эффект, лежащий в их основе, способен превратить в электричество лишь небольшую долю энергии, имеющейся в солнечном свете. Дело в том, что обычные кремниевые солнечные элементы поглощают и преобразовывают в электричество только видимое излучение в диапазоне от фиолетового (380 нанометров) до красного (780 нанометров). Поэтому большинство солнечных батарей работают с коэффициентом полезного действия не более 20 процентов, и даже в теории они не смогут превысить 32 процента. Гораздо эффективнее технология термофотоэлектричества: преобразовать солнечный свет в тепло, а затем превратить полученное тепло снова в свет, но уже в той области спектра, которая будет эффективно трансформироваться в электричество. Разработанный элемент (абсорбер-эмиттер) состоит из нескольких слоев углеродных нанотрубок, которые поглощают тепловое излучение, и фотонного кристалла-излучателя, который преобразует его в световое излучение видимого спектра и перенаправляет на солнечную ячейку, которая преобразует энергию в электричество. Как ожидается, такая установка должна быть как минимум в два раза эффективнее обычных солнечных элементов. Этим направлением – термофотовольтаикой – занимаются во многих исследовательских центрах, но панелям, созданным в МТИ, удалось получить наилучшие по энергетической эффективности результаты. Что касается эффек-

Элемент абсорбер-эмиттер устанавливают над оптическим фильтром

тивности экономической, то ее еще предстоит достичь: пока технология работает только в вакууме, а необходимые для нее компоненты стоят слишком дорого.

8 Панорамное селфи

Технология уже доступна

«Фишка» этой технологии в том, что можно делать высококачественную фото- и видеосъемку с круговым и даже сферическим обзором, приобретя совсем недорого (350–500 долларов) камеру. До появления этих камер подобная съемка требовала специального оборудования, съемки одновременно с нескольких точек, сложную обработку – сведение – материалов. Многие производители фото- и видеокамер (Kodak, Sony, Samsung и др.) уже продают не только фотоаппараты, но и приставки для сферической съемки размером с мячик для гольфа. Спектр применения этих новых устройств вышел за рамки «просто

фотографирования», эти камеры используются в медицине при эндоскопии, для непрерывного мониторинга природных объектов и помещений.

9 Подкрепляющее обучение

Технология будет доступна через 1-2 года

Технология названа Reinforcement Learning – усиливающее, или подкрепляющее, обучение. Правильнее, наверное, будет называть его «самоусиливающееся самообучение», потому что речь идет о дальнейшем развитии искусственного интеллекта, о создании таких технологий машинного обучения, в которых машина не только обучает, но и сама обучается в процессе общения и накопления опыта. В этой технологии удастся воспроизвести кажущееся простым и естественным явление природы, которое мы и наблюдаем, и используем ежедневно. Психолог Эдуард Торндайк описал его более 100 лет назад в следующем эксперименте. Кошки

размещались внутри коробки, из которой они могут выбраться только при нажатии на рычаг. После некоторого довольно продолжительного расхаживания туда-сюда и мяуканья какая-то из кошек случайно наступала на рычаг. Довольно быстро кошки замечали связь между нажатием на рычаг и открыванием заслонки, после чего все быстренько друг за другом покидали коробку. Но не так-то просто научить этому искусственный интеллект, компьютер. Тем не менее, это сделать удалось, хотя и пришлось потратить на исследования и эксперименты более 60 лет: первые опыты с моделью крысы, ищущей выход из лабиринта, были проведены еще в 1951 году. Технология самообучения искусственного интеллекта получила признание только в 2016 году, когда программа AlphaGo (разработка компании

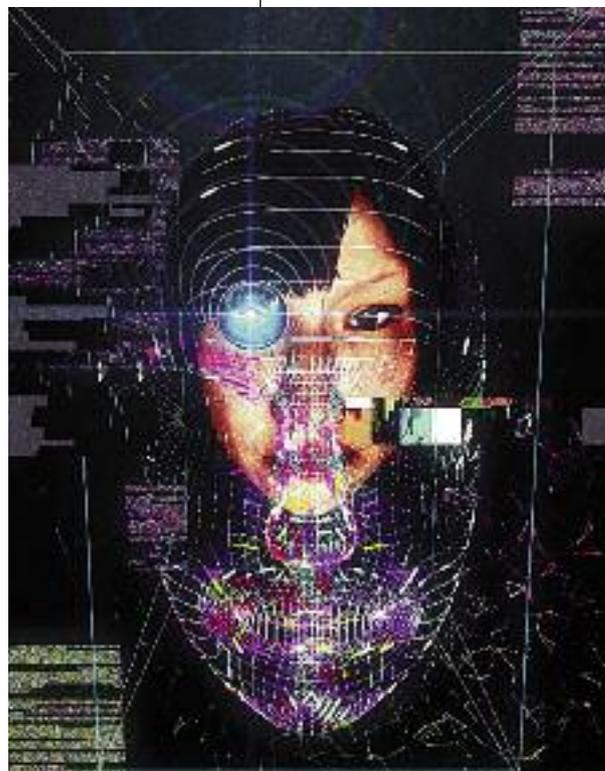

DeepMind) буквально разгромила (счет поединка – 4:1) Ли Седоля – одного из лучших игроков в сложнейшую игру го. Считается, что игра го не поддается алгоритмическому программированию – в отличие от шахмат, не говоря уже о шашках, – поскольку оценка позиции представляет исключительную сложность и осуществляется во многом интуитивно. Британская (теперь уже приобретена американским Google) компания DeepMind, основанная выпускниками Университетского колледжа в Лондоне в 2010 году, смогла разработать особую архитектуру гибридной нейронной сети, позволяющей не просто следовать какому-то одному алгоритму, а учитывать собственный опыт, включать свою ассоциативную память, создавать сеть взаимосвязанных интеллектуальных агентов.

10 Оплата через распознавание лица

Технология уже доступна

Распознавание по лицу при оплате уже используется в Китае. Технология распознавания образа Face++ анализирует 83 точки на лице и делает это с высокой точностью. Она применяется не только как фейсконтроль при допуске в здания, но и в мобильном приложении Alipay, в котором уже более 120 миллионов китайцев ввели свои лица в качестве учетной записи.

Центр «БИРЮЧ»

Трудно представить себе более неожиданное и поэтическое название реки, нежели – Тихая Сосна. Эпитет «тихая», обращенный к сосне, – сам по себе необычен и эмоционален, а уж названная так река пробуждает не просто интерес, но и волнение. Протекает эта речка по землям Воронежской и Белгородской областей, протяженность ее невелика: пробежав чуть более 160 км, она впадает в Дон. Хотя и невелика река, но ей удалось попасть

в книгу рекордов Гиннеса: в 1924 году в ней была выловлена самая дорогая рыба в мире – белуга весом 1227 кг, в брюхе которой оказалось 245 кг черной икры.

На Тихой Сосне расположились три города – Бирюч, Алексеевка и Острогожск. Возникновение этих городов связано с историей обороны южных рубежей Русского государства. В этих местах в XVII веке располагалось Слободское казачье войско – так называемая Слобожанщина, – а Острогожск был главным городом, сюда

приезжал Петр Первый, чем, несомненно, его и прославил. Город Алексеевка не менее славен в русской – да, пожалуй, и мировой истории. Судите сами. Один из самых подлых и мерзких грабителей – испанский конкистадор Франсиско Писарро, тот самый, который ограбил и уничтожил империю инков, – взял в плен вождя Атауальпу и обещал его отпустить, если за него дадут выкуп. Выкупом должно было стать золото и серебро, которым следовало заполнить комнату до высоты поднятой вверх руки. Инки пошли на это и собрали необходимое. Но подлец Писарро не только не отпустил пленника – он казнил и его, и еще более 20 тысяч инков. По оценкам общий объем выкупа составил около 6 тонн золота и 12 тонн серебра и вошел в историю как крупнейшая в истории добыча.

А причем тут Алексеевка? А при том, что кроме золота и серебра Писарро вывез в Испанию и необычный цветок, которому инки поклонялись как образу Солнца. Этот цветок, попав в Европу в начале XVI века, быстро распространился, став одним из самых дорогих и любимых украшений садов и парков. В конце концов, спустя три столетия, цветок добрался и до Алексеевки, где с ним повстречался крестьянин Дмитрий Бокарев. Именно он впервые придумал и получил из семян цветка масло. Так в 1829 году появилось подсолнечное масло. И что примечательно: традиция производства подсолнечного масла, возникнув в Алексеевке, продолжает здесь жить и развиваться. Сегодня эту историческую эстафету несет Группа компаний «ЭФКО».

Группа компаний «ЭФКО» является крупнейшим российским вертикально интегрированным производителем жиров специального назначения, используемых в кондитерской, хлебопекарной и других отраслях пищевой промышленности. «ЭФКО» также является ведущим производителем майонеза, растительного масла и кетчупа в России, выпуская эту продукцию под такими широко известными брендами, как «Слобода» и Altero. Разумеется, технологии производства подсолнечного масла давно ушли вперед от уровня маслобоя не только XIX, но и XX века. Немалый вклад в их развитие внесла и вносит Группа компаний «ЭФКО». Уделяя этому исключительное внимание, она создала Инновационный и Учебный центры, дав им название третьего из упомянутых городов на берегу Тихой Сосны – Бирюч.

Оба центра размещены в специально построенном городке, который тоже лежит на берегу Тихой Сосны.

Это удивительное место привлекает красотой природы Белогорья и необычностью архитектуры комплекса. Здание Учебного центра вызывает ассоциации с традиционной архитектурой Кембриджа и Оксфорда, а здание Инновационного центра, в котором расположены исследовательские лаборатории, – таинственный замок из темного камня, с которым контра-

стирует белоснежный православный храм.

В ИЦ «Бирюч» работает коллектив уникальных специалистов – математиков, физиков, химиков, механиков, конструкторов, электронщиков и программистов. Результатом их усилий стали разработки погружного георадара для горизонтальной проводки скважин, дифференциальных спектрометров ионной подвижности, обладающих рекордной разрешающей способностью, промышленного дуального томографа для обнаружения алмазов в кимберлитовой руде, спектрометров динамического рассеяния, позволяющих определять размер и форму наночастиц. Здесь проводятся исследования по различным направлениям наукоемкого приборостроения. Лаборатории и центры прикладных исследований занимают ведущее положение в области переработки сырья, производства высокотехнологичных жиров, разработки и тестирования жировых продуктов с учетом потребностей производителей пищевой отрасли.

Чтобы обеспечить своим сотрудникам максимально комфортные условия для раскрытия их профессионального и творческого потенциала, был создан Учебный центр подготовки кадров, на базе которого возникла получившая широкое признание Школа менеджмента «Бирюч», перед которой губернатор Белгородской области Евгений

Савченко поставил задачу подготовки менеджеров для других предприятий области. На сайте УЦ «Бирюч» подчеркивается, что Школа менеджмента «Бирюч» – это «научный и учебно-воспитательный центр, имеющий своей конечной целью подготовку эффективных менеджеров и разработку формальных и неформальных внутрифирменных коммуникаций, мотивирующих персонал на достижение высших результатов в своей профессиональной деятельности. Основная задача научной работы Школы менеджмента «Бирюч» – изучение сущности человека до уровня понимания, позволяющего создавать целостные концепции обеспечения личностных и профессиональных компетенций студентов. Это происходит за счет включения менеджеров в процессе обучения в эмоционально-чувственные и социально-экономические отношения». Среди штатных преподавателей – 5 докторов и 6 кандидатов наук, дополнительно привлекаются ведущие специалисты из разных отраслей. Так, в феврале-марте 2017 года для выступлений на семинарах Школы менеджмента «Бирюч» были приглашены такие известные ученые, как Александр Бузгалин, Андрей Фурсов, Сергей Хоружий, Николай Мусхелишвили.

Мы публикуем в сокращенном виде прозвучавшие на семинарах выступления. **F**

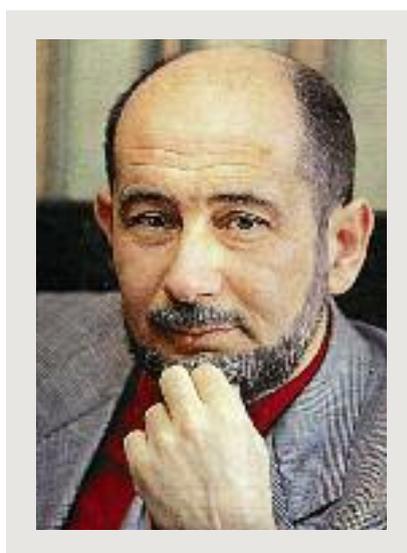
ГЛОБАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС, его причины, параметры, особенности протекания и вероятные сценарии дальнейшего развития

Семинар Школы менеджмента «Бирюч» 25 февраля 2017 года

Тезисы выступления

Капиталистическая экономическая система должна по идее развиваться циклически, и раз в десять лет в ней должны случаться нормальные кризисы перепроизводства, поскольку происходит перенакопление капитала. После этого обновляется основной капитал. Раньше такое бывало раз в 10–15 лет. Подобное циклическое развитие продолжалось до Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов минувшего века. Именно тогда наступило понимание того, что никакая рыночная экономика не может работать без серьезного общественного и государственного регулирования. После того как такое регулирование было введено и половина или, по крайней мере, треть экономики была выведена из-под рыночной конъюнктуры, возникла система, в которой кризисов не стало.

Александр Владимирович Бузгалин –
доктор экономических наук,
директор Института
социоэкономики Московского
финансово-юридического
университета

Прогресс произошел в тех сферах, в которых нет серьезных производственных инноваций, – в виртуальной сфере, в производстве разного рода гаджетов, в индустрии досуга. Креативный потенциал человека стал направляться на оптимизацию сугубо прикладных спекулятивных приемов и на совершенствование узко-профессиональных качеств

В результате мир полвека существовал без кризисов. Но капитал не хотел так жить, и в середине 70-х – начале 80-х годов произошел неolibеральный рывок – государственное регулирование было резко уменьшено. В результате появилась сфера, в которой регулирования практически не осталось, – это сфера частных финансовых институтов. В ней образовалась возможность заниматься производством денег из ничего. Но это снова привело к перенакоплению капитала – возник гигантский финансовый пузырь. Складывается мир симулякров, в котором создается огромное количество благ, которые людям не нужны. В мир симулякров ушло огромное количество перенакопленного капитала. Этот капитал тормозил технический прогресс. Точнее, прогресс произошел в тех сферах, в которых нет серьезных производственных инноваций, – в виртуальной сфере, в производстве разного рода гаджетов, в индустрии досуга. То есть экономика знаний обратилась на обслуживание финансового посредничества, и креативный потенциал человека стал направляться на оптимизацию сугубо прикладных спе-

Капиталистическая экономическая система должна развиваться циклически, и раз в десять лет в ней должны случаться нормальные кризисы перепроизводства. Это продолжалось до Великой депрессии конца 20-х – начала 30-х годов минувшего века, когда наступило понимание того, что никакая рыночная экономика не может работать без серьезного общественного и государственного регулирования

кулятивных приемов и на совершенствование узкопрофессиональных качеств.

В результате получается специфическая модель, которую можно назвать попятным ходом. Человечество пошло в мир симулякров и псевдоблаг. Это – попятное движение, но оно выгодно для финансового капитала и для всех тех, кто с ним связан. Но главное заключается в другом: пойдя по пути десоциализации, мы открыли дорогу кризису. Возникла ситуация, когда финансовый сектор превалирует над сектором реальным. Причина этого достаточно проста. Простран-

ство для финансовых спекуляций практически безгранично. Точнее, оно ограничено только платежеспособным спросом населения, с одной стороны, и возможностью государства выпускать виртуальные денежные знаки или их суррогаты, с другой стороны. Вложения в финансовый сектор становятся гораздо более выгодными, чем в реальный сектор. В результате реальный сектор выполняет роль своего рода банка, который кредитует финансовые спекуляции.

В настоящий момент пока не просматривается сценария скорого исчезновения с мировой экономиче-

ской площадки транснациональных корпораций. Более того, конкуренция между ними имеет весьма специфический характер – она ведется по жестким и всеми соблюдаемым правилам. Будет продолжаться срачивание корпоративного капитала с государством и задействование всей мощи государственных институтов для защиты частных интересов. Но всё это не снимает угрозы возвращения кризиса, его нового витка по образцу того, что было в 2007–2009 годах.

Что касается нашей страны, то перед ней в контексте всего сказанного открываются три возможных сценария. Первый сценарий – это продолжение того же курса, каким мы следуем сейчас. Остается стагнация в экономике, консервируется отставание от ведущих стран. Второй сценарий – это то, о чем сейчас мечтают очень многие, но что, при всех видимых переменных, не приведет к существенной трансформации. Может быть запущена неоиндустриализация, в результате восстановятся какие-то сегменты промышленности совет- ➔

Может быть запущена неоиндустриализация, в результате восстановятся какие-то сегменты промышленности советского образца. Но при этом всё управление останется прежним – в ручном режиме. И разные субъекты политической власти просто разделят между собой участки, на которых можно будет конкурировать

→ ского образца. Но при этом всё управление останется прежним – в ручном режиме. И разные субъекты политической власти просто разделят между собой участки, на которых можно будет конкурировать. При этом реальная власть будет принадлежать по-прежнему крупным корпоративным структурам. Наконец, третий сценарий – романтический: мы используем нашу специфику для того, чтобы стать лидерами, но по-другому, не так, как Запад.

Глобализация – это нелинейный процесс. Она может нарастать – может падать, в одном месте ее становится больше – в другом меньше. Сегодня мы от старой неолиберальной глобализации переходим к миру формирующихся протоимперий и региональных объединений. Это один очевидный тренд. Но он не отменяет и другого очевидного тренда – нарастания противоречий, вызванных глоба-

лизацией. Например, между глобальным капиталом и дисперсным рынком рабочей силы.

Главный вопрос для России сегодня – это, как ни странно, вовсе не вопрос о том, где взять деньги, а вопрос о том, чего мы вообще хотим. Проблема в том, что у нас все хотят разного. Если нам ставится цель удвоить ВВП, то для ее реализации потребуется один набор действий. Если же мы хотим не просто удвоить ВВП, а создать, взрастить такие человеческие качества, которые могли бы стать универсальным двигателем прогресса, тогда от нас потребуется совершенно иной алгоритм действий. Надо всего лишь изучить и творчески позаимствовать опыт стран, находящихся сейчас на подъеме. Этот опыт чрезвычайно прост: утверждаются планы развития и правила, по которым эти планы будут реализовываться. Никому не дозволяется ме-

нять эти планы – ни президенту, ни премьер-министру, ни губернатору. А чтобы всё же поменять правила, надо провести общенародную дискуссию. Для государственного сектора должен существовать четкий план развития. В этой логике государственная корпорация, работающая в соответствии с рыночными критериями, – это нонсенс. Государство должно реализовывать общенародную цель, иначе оно становится неэффективным. У частного сектора – свое пространство действия. Государству надлежит гарантировать бизнесу свободу действий в этом пространстве, но вместе с тем и указывать ему те запретные зоны, в которые он не должен заходить. Никакой равноправной конкуренции не предусмотрено. Государство одним помогает, а другим мешает путем налогов, кредитов, таможенных условий или ситуационных правил игры. В результате происходит быстрая структурная перестройка экономики.

Необходимо полное изъятие природной ренты. Углеводородный бизнес не должен зависеть от цены на нефть. За определенную цену ему сдается в аренду участок, на котором организуется добывающий комплекс, и нефть закупается по определенной цене. В результате этот бизнес будет

получать среднюю прибыль – такую же, как производитель масла, станков, велосипедов. Надо создавать, воспитывать социально ответственный бизнес.

Очень важный вопрос – это экологические и социальные нормы, с которыми у нас в большинстве случаев довольно плохо, особенно в малом бизнесе.

Такие элементарные вещи, как пятидневная рабочая неделя, восьмичасовой рабочий день, охрана труда, повышение квалификации за счет фирмы, оплачиваемый отпуск и так далее, не говоря уже о выплате заработной платы, – это есть аксиома даже не социально ответственного бизнеса, а просто нормального капитализма. Требование выплаты зарплаты – это требование реалистичности элементарной рыночной сделки. Если наемный работник не является собственником корпорации, то в

этом случае он заключил договор по продаже своей рабочей силы, причем в кредит и без процентов.

Крайне востребована институциональная революция, потому что у нас безобразные правила игры, которые постоянно меняются и очень запутаны. В этом вопросе левые едины с правыми, потому что у нас феодальная модель, когда управляют не по закону, а «по совести», по звонку губернатора, по звонку из администрации президента, по звонку из министерства. В таких условиях и бизнес работать не может, и социальная ответственность не складывается, и государственное регулирование не получается.

Налоговая реформа – это уже просто перезревшая проблема, дальнейшее затягивание ее решения чре-

вато самыми деструктивными последствиями. И дело тут даже не в том, чтобы просто снизить налоги на бизнес. Если это бизнес, который работает на общегосударственные цели, то тогда налог вообще может быть нулевым. Но если бизнес работает против этих целей, то налог должен быть максимальным, чтобы бизнес оттуда выдавливать и направлять его в те сферы, где он может приносить пользу. Вот это и называется гибкой налоговой политикой. Если вы в высоких технологиях – вы платите очень низкий налог. Если вы эксплуатируете работников на базе ручного труда, построили еще один перевалочный пункт или посредниче-

ствах обычно не больше 10 раз. Дальше вы можете получать доход из прибыли, но это будет уже совсем другое дело. Но базовая зарплата топ-менеджера не может превышать зарплату рабочего больше, чем в 10 раз. Этого вполне достаточно для стимулирования менеджера, который заинтересован в творческой деятельности. Если ему интересно управлять, интересно заниматься творчеством, если он радеет за корпорацию и не зациклен на идее поменять шестисотый «Мерседес» на «Роллс-Ройс». Менеджер, на самом деле, – тоже человек, причем творческий. И если его стимулировать только деньгами, то он начинает думать только о деньгах. А сделать больше денег в корпорации проще всего путем продажи ее секретов конкурентам. Коррупция гораздо более сильная и гораздо более развитая как раз в частном бизнесе, а не в госструктурах. Большинство менеджеров занимаются тем,

что вступают в коррупционные сделки. Знаменитая фраза Абрамовича:

«Не надо покупать завод, надо купить директора», – абсолютно правильная. Поэтому если менеджера не включить в управление системой, мотивировав его ценностями

социальной ответственности, совместной работы, коллективизма, солидарности, творческой самореализации, возможности роста, развития личностных качеств и так далее, он с большой вероятностью станет продавать своего нанимателя.

Сегодня очень мало думают о том, что творческий потенциал человека – это главное богатство России. На самом деле это именно так. Очень показательный пример, доказывающий справедливость этого утверждения: Индия получает доходов от продажи программного обеспечения намного больше, чем Россия – от продажи нефти и газа. Если бы мы вкладывали деньги в выращивание программистов и в их деятельность внутри России, мы уже сейчас жили бы намного лучше – и в материальном, и в творческом измерениях. **Ф**

Очень важный вопрос – это экологические и социальные нормы, с которыми у нас в большинстве случаев довольно плохо, особенно в малом бизнесе

скую деятельность осуществляете – платите очень высокий налог. Логика тут довольно простая.

Россия по-прежнему удивляет мир колоссальным по своему разбросу диапазоном оплаты труда. У нас топ-менеджеры и в государственных, и в частных корпорациях могут получать и в 100, и в 1000 раз больше средней зарплаты в фирме. Между тем в мировой практике в современной креативной корпорации разрыв в до-

Тезисы выступления

Размышления о кризисе лучше всего начать с критического описания того, что является его зеркальным отражением, – то есть прогресса. Все разговоры о прогрессе, которые ведутся в западной цивилизации на протяжении последних 200 лет, – это разговоры на языке религиозных традиций с линейным временем.

У истории не может быть никаких целей – это религиозная постановка вопроса. Другое дело, что история социальных систем – как и систем биологических, в отличие от процессов развития неживой материи, – имеет антиэнтропийный характер. Следовательно, постановка вопроса об усилении антиэнтропийного потенциала социальных систем вполне возможна. Однако в пространстве линейной логики и линейной телеологии говорить о прогрессе социальных систем всё равно не просто.

Например, в 1820-х годах валовой продукт Китая в два раза превышал валовой продукт Западной Европы. Но разве из этого следует, что Западная Европа с Англией в качестве ядра капиталистической системы начала XIX века была менее прогрессивна, чем Китай? Между тем Китай действительно по

Андрей Ильич Фурсов – кандидат исторических наук, директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия)

валовому продукту превосходил Западную Европу. И то, что сейчас происходит с Китаем и с Индией, – это на самом деле возвращение исторического процесса на те пути, по которым он протекал с древности и до середины или конца XVIII века. Период господства Запада, на самом деле, чрезвычайно короткий.

Пирамида майя

Как определять критерии прогресса? Например, у ацтеков и у майя не было колеса, и в повседневном обиходе они не пользовались железными ножами. Были ли они из-за этого менее развитыми, чем, скажем, европейцы XVI века? Им просто колесо не было нужно, они решали задачи, связанные с вращательным движением, иначе. Или другой вопрос: какая система более прогрессивная – феодальная или капиталистическая? Казалось бы, однозначно капиталистическая. Между тем для основной массы населения капиталистическая эпоха с самого ее начала и до рубежа XIX и XX веков – это социальный ад. И только чуть более века назад ситуация начала выправляться – да и то лишь для ядра капиталистической системы, которое стало решать свои проблемы за счет ограбления периферии: в результате периферия стала жить значительно хуже, чем до капитализма. То есть прогресс ядра был обеспечен регрессом периферии. У нас почему-то всегда, когда говорят о прогрессивности капитализма, представляют себе Швецию, США, Францию. Но ведь Гаити, Нигерия, Эквадор, Индонезия, южная часть Индии – это тоже капиталистическая система. Иными словами, сама постановка вопроса о прогрессивности той или иной социальной системы всегда упирается в вопрос о критериях.

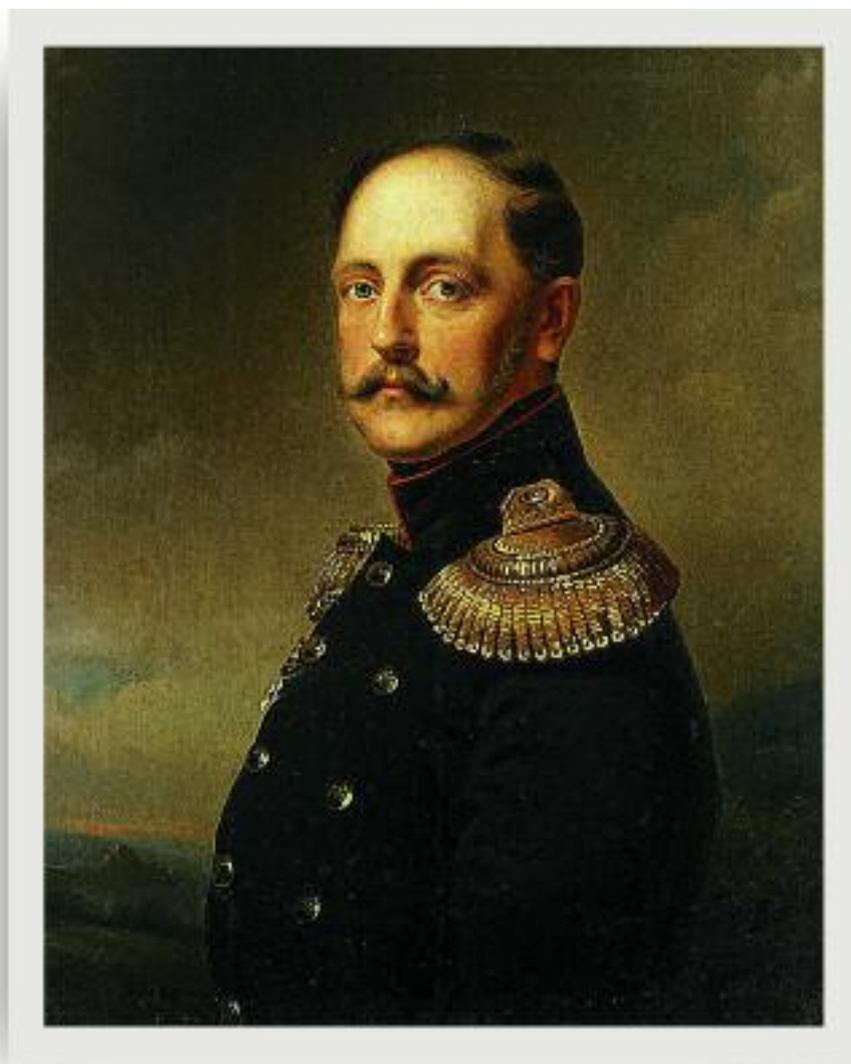
Если взять историю России, то у нас было 4 относительно спокойных – при этом не скажу, что счастливых, –

Как определять критерии прогресса? Например, у ацтеков и у майя не было колеса, и в повседневном обиходе они не пользовались железными ножами. Были ли они из-за этого менее развитыми, чем, скажем, европейцы XVI века? Им просто колесо не было нужно, они решали задачи, связанные с вращательным движением, иначе

тридцатилетия, когда накапливался социальный жирок. Первое тридцатилетие – это первая треть XVI века, ког-

да почти не было войн, за исключением 1514 года, когда мы потерпели страшное поражение от литовцев, но тем не менее в ту пору была спокойная жизнь, наблюдался экономический рост. Второе тридцатилетие – последняя треть XVII века, то есть время непосредственно перед петровскими преобразованиями. Затем было тридцатилетие замечательного русского царя Николая I, которого обогнали точно так же, как Ивана Грозного и Иосифа Сталина. И наконец, последнее счастливое тридцатилетие – 1955–1985 годы. Но вместе с тем ни одно из этих тридцатилетий не было беспроблемным. В одном проявлялся прогресс, а в другом – регресс. Поэтому я вообще стараюсь не употреблять термин «прогресс». В реальности мы имеем дело с трансгрессом – то есть с прогрессом в одной сфере и для одной группы и с регрессом в другой сфере и для другой группы. В этом отношении у Станислава Ежи Леца есть хороший афоризм: «Считать ли это прогрессом, если людоед научился пользоваться ножом и вилкой?» Можно привести и еще одно высказывание на сей счет – американского социолога Баррингтона Мура-младшего из его книги «Социальные истоки диктатуры и демократии. Роль помещика и крестьянина в создании современного мира». Он писал: «Революции рождаются не столько из победного крика восходящих классов, сколько из предсмертного рева тех слоев, над которыми вот-вот сомкнется волна прогресса».

Теперь о мировом кризисе. Мировая капиталистическая система вступила с 1970-х годов в состояние системного кризиса терминального характера: капитализм свой потенциал исчерпал, и в нем появилось много такого, что противоречит самой капиталистической системе, а самое главное – капитал перестал нуждаться в тех ограничителях, в единстве с которыми он и конституировал капиталистическую систему. Кроме того, капиталистическая система – как в свое время и экстенсивная античная рабовладельческая система – породила на своей периферии огромную массу населения, с которой она просто ничего не может сделать. Отсюда и одна из главных затей Римского клуба – сокращение населения планеты до полутора-двух миллиардов. Именно поэтому сейчас особое значение приобретают разнообразные экологические движения и

В истории России было 4 относительно спокойных тридцатилетия. Первое тридцатилетие – это первая треть XVI века, когда почти не было войн, была спокойная жизнь, наблюдался экономический рост. Второе тридцатилетие – последняя треть XVII века, то есть время непосредственно перед петровскими преобразованиями. Затем было тридцатилетие замечательного русского царя Николая I (на иллюстрации). И наконец, последнее счастливое тридцатилетие – 1955–1985 годы

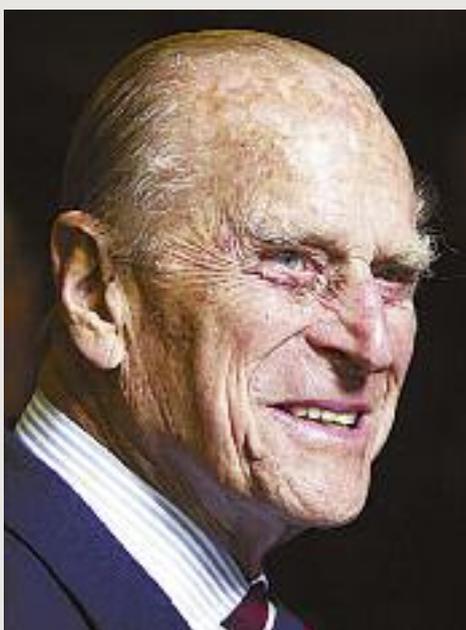
идеологии, которые представляют собой цельную и последовательно реализуемую программу фактического геноцида.

Так, World Wildlife Fund, по сути, реализует политику, которую можно назвать защитой природы путем расчистки планеты от человека. Человек признается одним из биологических видов, и какой-нибудь паучок на Амазонке имеет, согласно этой доктрине, точно такие же права, как и чело-

век. А принц Филипп, герцог Эдинбургский, – муж британской королевы Елизаветы II, – который долгое время курировал Всемирный фонд дикой природы, откровенно признался, что «хотел бы вернуться на Землю смертоносным вирусом, чтобы раз и навсегда избавиться ее от лишнего числа едоков». Сейчас, например, World Wildlife Fund занят сохранением генетического наследия одного каннибальского племени, проживающего на границе между Венесуэлой и Бра- ➔

→ зилией. Доказывается с привлечением всей мощи современных СМИ, что сохранение жизненного пространства этого племени очень важно для поддержания разнообразия планеты. То есть экологизм как идеология позднекапиталистической элиты – это, если называть вещи своими именами, идеология геноцида большей части населения планеты.

Необходимо отметить новые тенденции в развитии производительных сил позднекапиталистического общества, связанные с изменением соотношения вещественных и невестественных (информационных) факторов производства. Капитал есть овеществленный труд, реализующий себя в качестве самовозрастающей стоимости, тогда как сегодня решающую роль приобретают информационные (нематериальные) факторы производства, которые Маркс в свое время назвал «духовными производительными силами». Следовательно, посткапиталистическая неэгалитарная система, планируемая нынешними «хозяевами истории» (Бенджамин Дизраэли), должна основываться на отчуждении именно нематериальных факторов производства. Она будет стремиться к тому, чтобы сохранить свою монополию на знания – этот главный фактор производства. Что для этого надо сделать? Во-первых, разрушить образование и низвести его до очень низкого уровня. Во-вторых, разрушить науку и сконцентрировать научные исследования в абсолютно закрытых центрах. То

Принц Филипп (на фото), герцог Эдинбургский, – муж британской королевы Елизаветы II, – который долгое время курировал Всемирный фонд дикой природы, откровенно признался, что «хотел бы вернуться на Землю смертоносным вирусом, чтобы раз и навсегда избавить ее от лишнего числа едоков»

есть лишить образование и науку той доступности для широких масс населения, какая еще сохраняется сейчас. Вводится и соответствующая новая система организации науки – когда всё

решает политика выдачи или, соответственно, невыдачи грантов.

Совершенно отдельный вопрос – контроль над ресурсами, которых становится всё меньше. Очевидно, что наиболее эффективной силой, способной осуществлять этот контроль, является государство. Но даже полусуверенных государств в мире не так много. Те же Соединенные Штаты не вполне суверенны, потому что после ползучего переворота, который начался убийством Кеннеди и завершился импичментом Никсона, США превратились из государства в преимущественно кластер транснациональных корпораций. Не вполне суверенное государство и Китай. То же самое можно сказать и о нас, хотя нам

определенный суверенитет гарантирует обладание ядерным оружием. Евросоюз – это вообще не государство. Но даже частичный суверенитет США, Китая и России мешает окончательному утверждению нового мирового порядка, управляемого крупнейшими корпорациями. Однако в складывающейся геополитической обстановке, когда мир начинает распадаться на макрорегионы и возрастает угроза войны, совсем разрушать государства нельзя. Поэтому здесь нужны какие-то другие варианты.

Вообще у любой нелинейной системы есть три варианта развития. Вертикальный – собственно развитие, горизонтальный – застой, обратный, попятный – деградация. Сейчас –

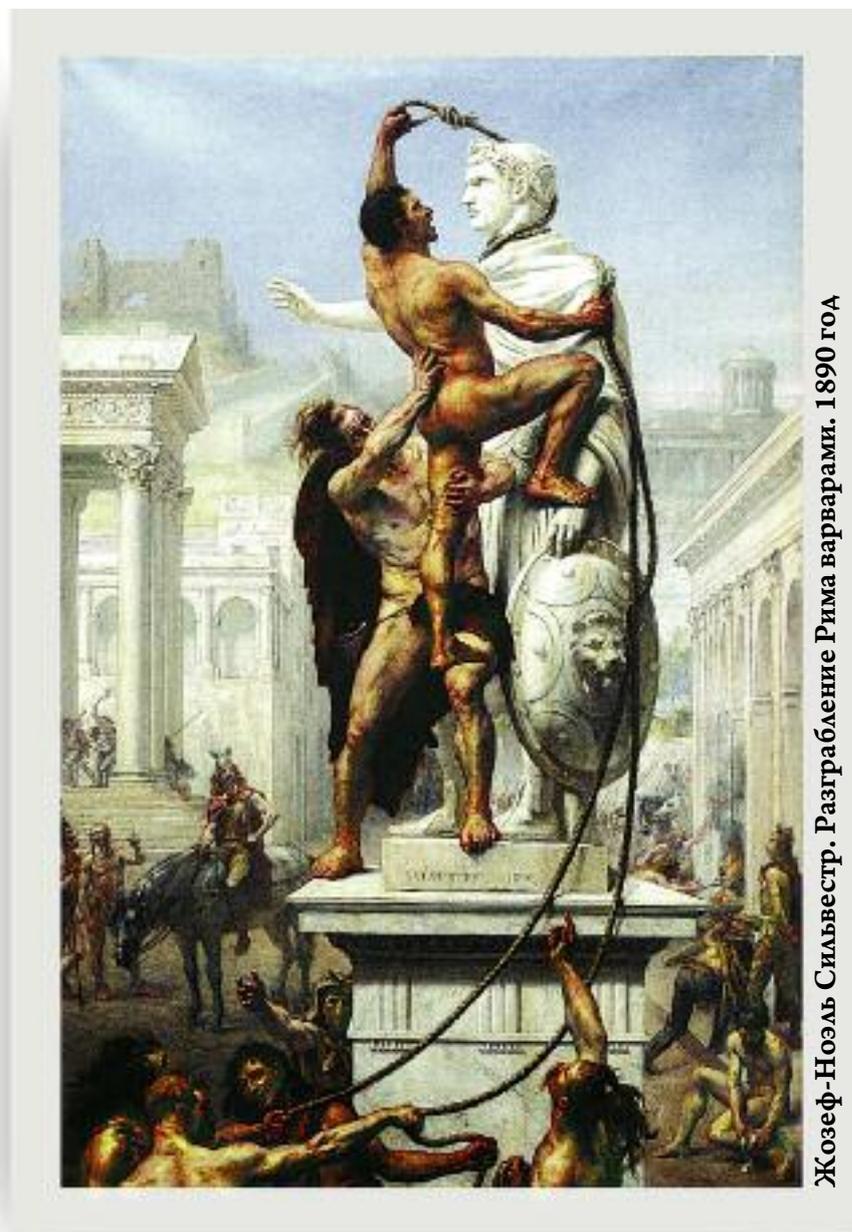
Даже полусуверенных государств в мире не так много. Те же Соединенные Штаты не вполне суверенны, потому что после ползучего переворота, который начался убийством Кеннеди и завершился импичментом Никсона (на фото), США превратились из государства в преимущественно кластер транснациональных корпораций

после победы Трампа – можно с уверенностью сказать, что на какой-то весьма продолжительный период времени выбран застойный сценарий.

Реиндустриализация Америки, о которой говорит Трамп, – это на самом деле продолжение прежнего курса, только другим способом. Это способ оттянуть решение проблемы, но не решение как таковое. И дело тут не в победе условных «промышленников» над условными «финансистами». Просто стратегически Запад находится сейчас примерно в таком же положении, в каком был Рим со времен Траяна и Адриана, – когда была утрачена стратегическая инициатива и осуществлялся переход от наступления к обороне.

Огромная демографическая масса из Латинской Америки, Африки и с Ближнего Востоке давит на Запад и превращает его в своего рода пост-Запад. Это означает, что сам ход развития западной цивилизации времен капитализма сломлен – и это очень существенно меняет конфигурацию кризиса, который помимо классового приобретает еще и расовый характер. Нас ждет повторение того, что произошло полторы тысячи лет назад: пришли варвары и смели прогнивший античный мир. При этом античный мир внутренне уже был готов к приходу варваров – в нем была мода на варварскую одежду, его видные полководцы были из варваров. То же самое ждет Запад и сейчас. Пройдет еще 10–15 лет, и немецкая армия будет состоять в основном из турок и курдов, а французская – из африканцев и арабов. Арнольд Тойнби в свое время сказал, что Запад погубит союз внешнего и внутреннего пролетариата, подразумеваемая под пролетариатом, естественно, совсем не то, что этот термин означает в марксизме.

При этом никуда не делись и другие проблемы. Налицо неуклонное падение производительности капитала. Целые зоны перестают быть рентабельными из-за бегства капитала, при этом нет средств и механизмов принудительного воспроизводства ликвидности, потому что государство уходит из этого процесса. И наступает нечто вроде тепловой смерти. Другая нарастающая проблема, как отмечают аналитики, – тотальная административная зарегулированность: управленческий механизм генерирует такой объем нормотворческой информации, который в итоге блокирует каналы обратной связи, управление перестает отвечать на внешние вызо-

Жозеф-Ноэль Сильвестр. Разграбление Рима варварами. 1890 год

Сам ход развития западной цивилизации времен капитализма сломлен – и это очень существенно меняет конфигурацию кризиса, который помимо классового приобретает еще и расовый характер. Нас ждет повторение того, что произошло полторы тысячи лет назад: пришли варвары и смели прогнивший античный мир

вы. Наконец, происходит деградация образования и мышления. «Информационное общество» – в кавычках, естественно, – оказалось неспособным решить проблему адаптации объемов поглощаемой информации к приобретенному на ее основе знанию ввиду ограниченных возможностей человеческого мозга. Это ведет к деградации управленческой элиты. Нельзя не согласиться с теми, кто отмечает: процессы выработки и принятия решений перестают быть адекватными, руководи-

тели всех уровней всё глубже погружаются в ту или иную виртуальную версию происходящего, которая со временем начинает всё более кардинально расходиться с реальностью. Отсюда – невозможность выработки альтернативных сценариев. Это происходит во всех странах, в том числе и в России.

Но в России есть и целый ряд других проблем. Приведу лишь такую статистику. Примерно 89 процен →

Чтобы выжить, режиму надо иметь массовую поддержку, репрессивный аппарат и готовую идеологию. Однако подобного комплекта у олигархических режимов, как правило, не оказывается под рукой, и им остается плыть по волнам

→ тов всего национального богатства принадлежит группе из 105 тысяч миллионеров и 96 миллиардеров. При этом износ основных фондов промышленности составляет 53 процента, в добывающей отрасли – 65 процентов, в коммунальной сфере – 70–80 процентов. Доходы населения стремительно падают. И на этом фоне встает задача заретушировать этот невероятный социальный и вообще бытийный разрыв. Способ здесь один – если говорить о том, чтобы именно заретушировать, а не решить проблему, – усилить патриотическую риторику. Но патриотизм должен опираться на достижения, однако все наши значимые и знаковые исторические достижения – из советской эпохи. Получается, что капиталистический патриотизм должен апеллировать к достижениям социалистической эпохи, а это нонсенс.

Имеется и целый ряд внешнеполитических проблем. Например, наши отношения с Китаем и с США. Возникает вопрос: это отношения каких режимов? Все три режима – кланово-олигархические, а потому по определению неспособны задать новую мировую повестку развития, а ведь только задающий такую повестку становится подлинным лидером развития, в том числе развития мирового. На основе кланово-олигархического капитализма у России нет будущего. Эти режимы нежизнеспособны, что показали и позднесоветская, и позднесамодержавная эпохи. К тому же всякий раз, когда у режима возникают существенные трудности, олигархи очень быстро откупаются головами главных начальников, как это произошло с Николаем II и в мягкой форме с Горбачевым. Но самый серьезный изъян таких режимов заключается в том, что

их как слабое звено и балласт сбрасывают более сильные олигархические режимы в условиях мировых кризисов.

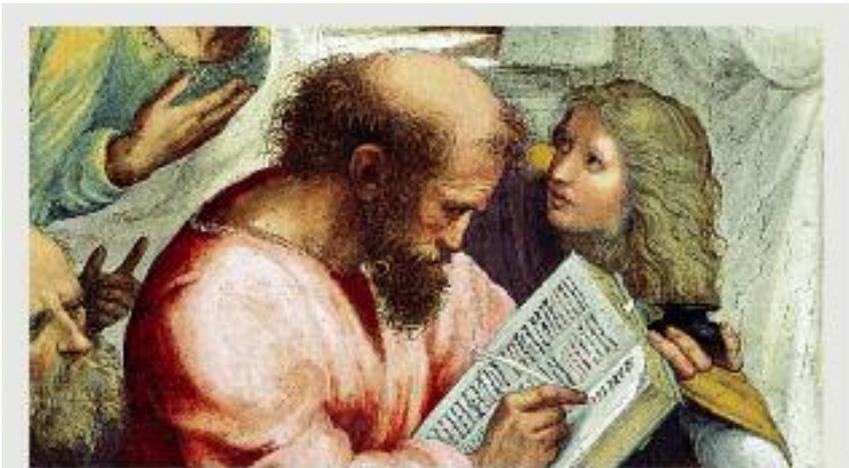
В 2006 году я написал статью «Корпорация-государство». Это понятие не следует путать с корпоративным государством. Корпоративные государства – это Третий рейх и муссолиниевская Италия. В понятии «корпорация-государство» существительное выступает по своей функции в качестве прилагательного. Корпорация-государство функционирует как корпорация, главная задача которого – отсечь от общественного пирога максимальное количество населения данной страны. Это принципиально новая форма государственности. Дальше наступает просто уже отмирание государства. Структурная единица организации корпорации-государства – это клан. Поэтому корпорация-государство является той самой формой, в которой существует олигархический капитализм.

Чтобы выжить, режиму надо иметь массовую поддержку, репрессивный аппарат и готовую идеологию. Однако подобного комплекта у олигархических режимов, как правило, не оказывается под рукой, и им остается плыть по волнам, как об этом блестяще написал в одном из своих романов Олег Маркеев, описывая ельцинскую администрацию: «Новые обитатели здания из шустриков президентской администрации представлялись Максимуму нелепыми пингвинами, сдуру залезшими на макушку айсберга. Они могли всласть гадить на нем, составлять свое представление о мире, в котором живут, устанавливать свои законы для прочих обитателей птичьего базара, даже считать, что они прокладывают курс айсбергу. Но он нес их, повинувшись невидимым глубинным течениям. Его миром был океан, который не объять птичьим умом». То есть вывод простой: если играть на мировой арене всерьез, нужно понимать, как устроен мир и как он функционирует. Это – необходимое условие. Достаточным условием является такое изменение (желательно сверху) природы и структуры режима, которое обеспечит единство интересов верхов и низов на основе разделяемых целей и ценностей. Разумеется, это легче декларировать, чем сделать, но кто сказал, что история и борьба за существование в ней – легкий процесс? **Б**

ЕВРОПЕЙСКИЕ ХРИСТИАНСКИЕ ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ:

историко-культурный контекст, содержание,
современное прочтение

Семинар Школы менеджмента «Бирюч» 25 марта 2017 года

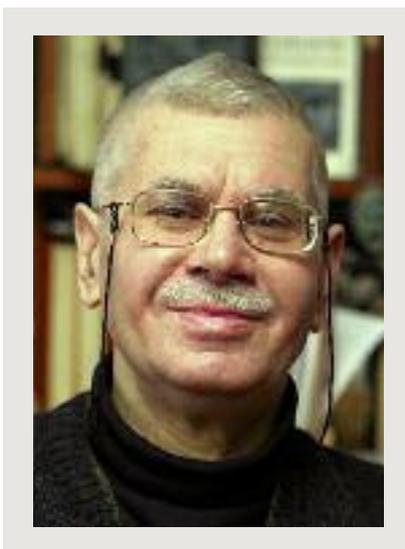

Пифагор. Фрагмент фрески Рафаэля «Афинская школа». 1511 год

Тезисы выступления*

Исихазм: суть явления
Исихазм – одно из духовных, антропологических и социальных явлений в составе Православия. Но это далеко не рядовое явление: как признано сегодня, исихазм составляет ядро, стержень православной духовности, его влиянием определяются многие глубинные черты православного менталитета. Тем не менее, в широком сознании до сих пор не присутствует каких-либо отчетливых представлений об исихазме, а в сознании научном не сложилось его общепринятого понимания. Поэтому всякий систематический рассказ о нем – это рассказ с тех или иных личных авторских позиций. За многие годы изучения исихазма подобный личный подход родился и

* Тезисы публикуются в авторской орфографии.

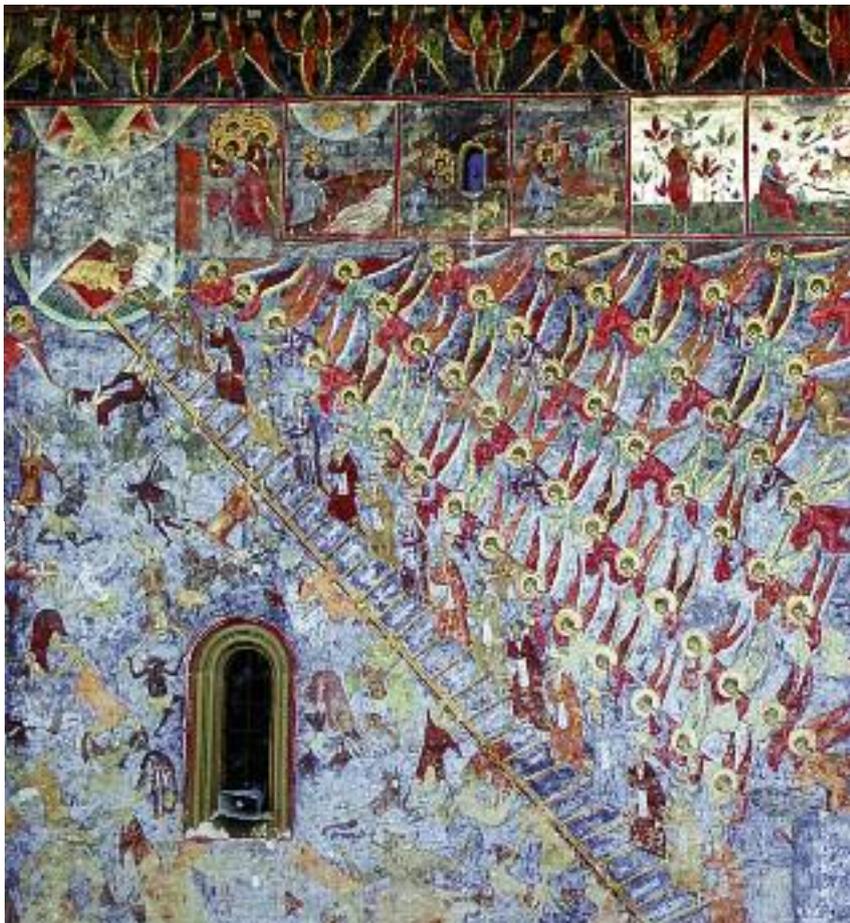

Сергей Сергеевич Хоружий – доктор физико-математических наук, директор Института синергичной антропологии

у меня – его можно назвать представлением исихазма сквозь призму Живого Предания.

Еще Пифагору приписывается создание первого «духовного упражнения», называемого «досмотр себя»: в конце каждого прожитого дня человек обозревает в уме его течение, подводит его итоги и дает им оценку. В эпоху эллинизма, особенно у римских стоиков, аскеза получает смысл всестороннего духовного, душевного и телесного очищения человеком самого себя, освобождения самого себя от власти помыслов, страстей, вожделений

Живое Предание – это старинная формула, которая выражает особенности отношения к Православному Преданию, к наследию Святых отцов в православном сознании. Это наследие воспринимается как некое древнее достояние, которое, однако, в любую эпоху остается живым и действенно участвующим в современной жизни. Подобное отношение оказывается возможным в силу того, что святоотеческое наследие воспринимается совсем не как фонд простых сведений и идей, оно будит сознание, вовлекает его в такую обстановку, проблематику, атмосферу, которые по-прежнему ощущаются важными, живыми, затрагивающими. Тем самым оно вступает с сознанием в диалог, указывает и подсказывает ему установки и стратегии для его отношения к современности. Это и значит, что Предание – живо! И исихазм тоже именно таков, он тоже – часть Живого Предания. →

Обожение – это состояние, когда все энергии человека собраны воедино и соединены с Божественными энергиями, с Божией благодатью. Продвижение же к нему обозначается известной православной формулой «стяжание благодати»

➔ Более конкретно я стремлюсь показать, что исихазм несет в себе некоторую стратегию самореализации человека как такового, безотносительно к частностям истории и географии. Подобная стратегия по самой своей природе и сути состоятельна и действенна всегда и везде, в том числе и для нас – сегодняшних людей, – хотя она может изменять свои формы, причем даже весьма резко. Поэтому при ее рассмотрении необходимо, раскрыв ее суть, затем найти ее адекватные современные формы. Этой логике мы и будем следовать.

В широком смысле исихазм – это мистико-аскетическая практика и традиция, он – часть древнего и обширного мира аскезы. Истоки

аскезы в европейской культуре находятся в Древней Греции, где еще во времена Гомера слово «аскезис» означало физические упражнения для поддержания и развития телесных способностей человека. В эпоху классической античности в понятие аскезы добавляются новые составляющие, нравственные и духовные: аскетическая практика начинает включать в себя упражнения в мудрости и в добродетели. Аскеза продвигается к тому, чтобы стать всесторонней практикой поддержания в форме, культивирования и развития всех способностей человека, и для этого она вырабатывает у человека навыки саморегуляции, самоуправления, самоконтроля. Еще Пифагору приписывается создание первого «духовного упражнения», называемого «досмотр себя»: в

Монастырь Ватопед

конце каждого прожитого дня человек обзрывает в уме его течение, подводит его итоги и дает им оценку. В эпоху эллинизма, особенно у римских стоиков, аскеза получает смысл всестороннего духовного, душевного и телесного очищения человеком самого себя, освобождения самого себя от власти помыслов, страстей, вожделений.

В христианстве аскетизм обретает новые важные черты. Христианство наделяет человека духовным назначением: человек должен достичь воссоединения с Богом во Христе. Отсюда и аскетическая практика получает единое финальное назначение: она должна служить соединению человека с Богом. Представление же о Боге, сравнительно с античностью, кардинально меняется: Бог един в Трех Лицах и обладает нетварным Божественным бытием; как таковой, Он отделен онтологическим разрывом от мира и человека, которые наделены лишь ущербным «тварным падшим» образом бытия. И следовательно, христианская аскеза имеет задачу преодолеть бытийный разрыв, дабы возвести человека к соединению с Богом.

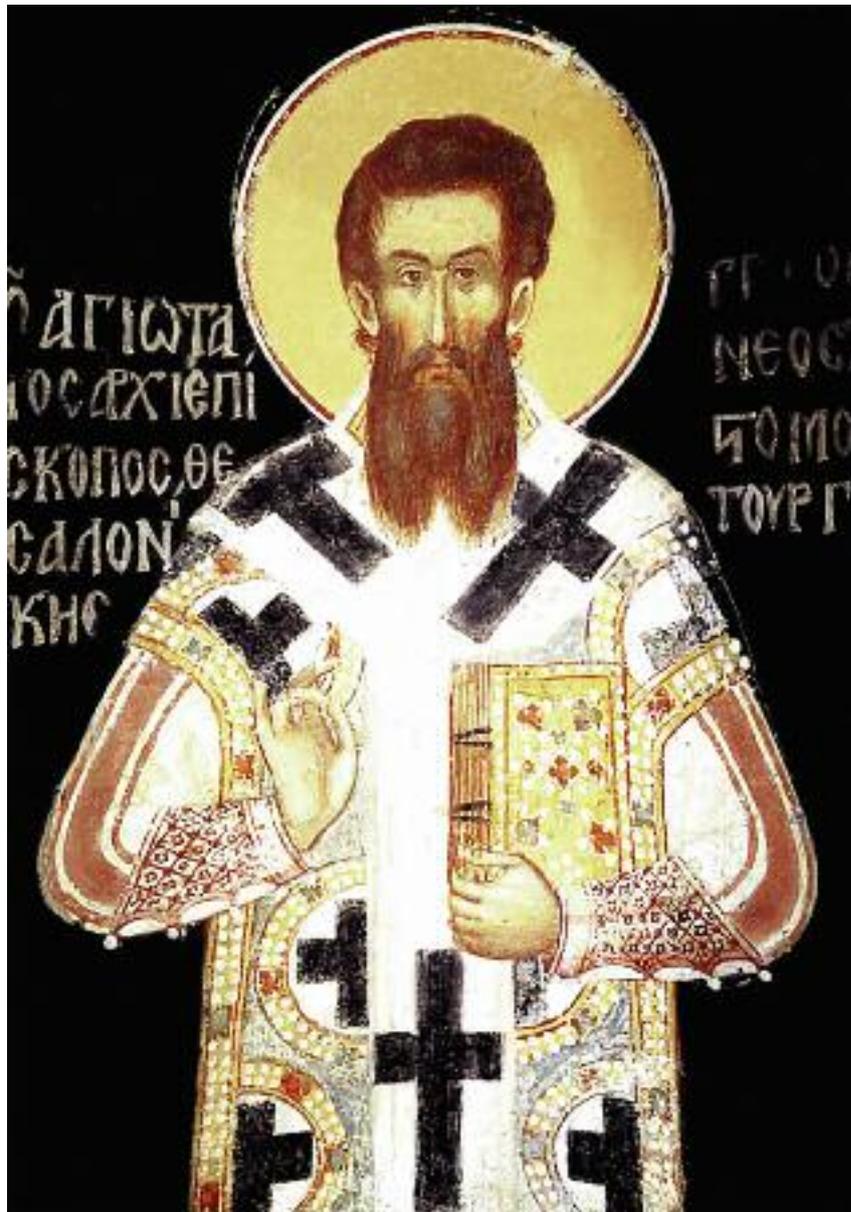
В языческой античности также ставилась задача соединения с

На Афоне довершается формирование полного свода исихастской практики. Восходя к высшим ее ступеням, афонские монахи начали достигать опыта особого рода, который они определили как «созерцание Фаворского Света», то есть того Света, что осиял учеников Христа в евангельском событии Преображения на Фаворе

Божественным началом, и это соединение мыслилось как созерцание Бога. Понимание духовной жизни как устремления к созерцанию Бога было закреплено в античном мышлении с помощью высокоразвитой философии, обладавшей уникально богатой философской лексикой и капитальнейшим аппаратом понятий и методов. И неизбежным образом христианство в течение немало-го периода выражало свой опыт на языке античности как опыт созерцания Бога. Но в христианстве Бог – Личность! И отношение христианина к Нему реализуется прежде всего в личном общении. Аскетическая практика специально и всецело посвящает себя исполнению духовного задания человека, и эта специфика христианского отношения к Богу, его связь с общением воплощаются в ней наглядно. Как мы увидим, исихазм – школа христианского общения, хотя одновременно он есть и школа безмолвной духовной сосредоточенности: исихия, духовное состояние, давшее ему название, имеет своим синонимом «священнобезмолвие». Оба этих полюса оказываются необходимы в составе практики, стремящейся достичь актуального приобщения человека к нетварному Божественному бытию.

Строение исихастской практики

Практика восхождения к Богу и соединения с Ним предполагает определенные стадии. Сначала человек устремляется к встрече. Он перестраивает всю организацию своих энергий, дабы создать в себе то, что допустимо назвать строем всецелой Богоустремленности. На пике этой устремленности он и может уповать на достижение чаемой встречи, на контакт с иным бытием, с его энергиями. Такая встреча, в которой устанавливается согласное сообразование, сотрудничество человеческих и Божественных энергий, в православном богословии именуется событием и состоянием *синергии*. Вслед за ее достижением духовная практика входит в совершенно новую область, где начинаются процессы радикально иной природы. В этой области человек оказывается в поле действия энергий иного бытия, которые в Православии называются Божией благода-

Афонский монах – святытель Григорий Палама (на фреске) – в своем сочинении «Триады в защиту священнобезмолвствующих», опираясь на собственный опыт и на опыт своих собратьев, подробно показал, что на высших ступенях исихастской практики подвижник делает себя «прозрачным для благодати» – открытым для преобразующего воздействия Божественных энергий. Эта открытость являет собою одновременно созерцание и общение: созерцание Божественного (Фаворского) Света и личное общение со Христом. Здесь подступы к Обожению и его актуальные начатки

тью. Человек делает себя открытым для благодати, и она начинает действовать в нем и менять его – в конечном итоге, вплоть до самих определяющих черт, фундаментальных предикатов нашего «тварного падшего» образа бытия, таких как его

конечность и смертность. От встречи с иным порядком бытия, сохраняя плод встречи, синергию, человек продвигается к реальному вхождению в него и приобщению к нему. Полнота и совершенство этого вхождения и приобщения назы- ➔

В античной мысли есть специальный концепт – «подвижный покой»; общение между Лицами Троицы и есть такой подвижный покой. Мы можем видеть его на иконе Троицы преподобного Андрея Рублева: здесь все три фигуры ангелов находятся именно в состоянии подвижного покоя и общения между собой

→ ваются *Обожением человека*. Обожение – это состояние, когда все энергии человека собраны воедино и соединены с Божественными энергиями, с Божией благодатью. Продвижение же к нему обозначается известной православной формулой «стяжание благодати».

Описанная практика сугубо индивидуальна в том смысле, что для каждого конкретного человека она представляет собой радикальное преобразование-преображение всей цельности его существа, которое осуществляется им самим, выступает как его личное задание. Однако, как обнаруживает подвижник, такое задание невозможно исполнить ему

одному. Духовная практика – это тонкое искусство и строгий метод, которым надо учиться. В начале пути необходим наставник, от которого «новоначальный» только и может получить опыт исихастской жизни и у которого он должен для этого «быть в послушании», всецело вверив ему всего себя, свои помыслы и свою волю. На дальнейших этапах необходима тщательная проверка опыта, ибо велики опасности сбиться с пути, впасть в опыт иллюзорный и ложный; и для такой проверки нужно общение с собратьями-подвижниками. Наконец, нужны способы сохранения опыта и его передачи, как в пространстве, так и во времени, и в этих способах главную

роль играют личная передача, личное общение. В итоге в исихазме, «духовном искусстве», как и в других искусствах, необходимо сообщество участников, которое хранит и транслирует добываемый тонкий опыт. И мы заключаем, что исихазм – явление двойственной природы: это одновременно – индивидуальная антропологическая практика и коллективная духовная традиция.

Исихазм существует с IV века нашей эры, и его традиция возникла и развивалась в среде монашества. Первые Отцы-пустынники убеждались, что всецелая устремленность к Богу требует того, чтобы удалиться из мира и в уединении сосредоточиться на своем внутреннем мире и на своих отношениях с Богом. Исихастский опыт вырабатывался у послушников под наставничеством опытных старцев.

Отчетливо выделяются основные этапы становления этого опыта. На протяжении IV–VI веков доминирует импульс радикального разрыва с миром, пресловутое «противостояние Империи и Пустыни»: со всей остротой осознается необходимость удаления из мира для вступления на путь обретения нового опыта Богообщения. В это время разрабатывается сложный набор установок и техник, складывающихся в прохождение «Духовных Врат»: исход из мира, заставляющий отторгнуть весь мирской способ жизни и включающий радикальную «премену ума» (метанойя – греч. термин для обозначения покаяния). Вслед за тем развертывается борьба со страстями, или «невидимая брань», аскета; и наконец, после победы в этой брани достигается как бы экватор духовной практики: состояние исихии, уединенной и безмолвной внутренней сосредоточенности, когда внимание подвижника может уже направляться не к миру, оставленному позади, а к высшей цели Богообщения.

На следующем этапе «Синайского исихазма», в период VII–X веков, происходит отыскание и обретение того ключевого способа, или механизма, который сделает возможным актуальное продвижение навстречу Богу. Здесь исиха-

стами совершенно было подлинное антропологическое открытие: они нашли на опыте определенную непростую практику, которая иницирует в человеке процессы принципиально нового характера, с новой и необычной динамикой. Суть этой практики составляет соединение двух очень разных активностей человека: внимания и молитвы. Открыта была новая форма молитвы: знаменитая «непрестанная молитва» исихастов, искусство непрерывного творения Иисусовой Молитвы. С помощью специальных техник внимания процесс молитвы охранялся от всех вторжений и помех, так что молитвенное обращение ко Христу, став непрерывным, могло приобретать необычайную интенсивность, силу, охватывать всё существо человека – и так делать его способным к встрече с Божественными энергиями. Новая школа молитвы стала называться практикой «Умного делания».

Далее на основе «Умного делания» формируется очередной этап развития исихазма, когда в центре внимания оказываются уже высшие ступени практики, на которых совершается переустройство человека благодатью и открываются подступы к Обожению. Исторически данный этап охватывает период XIII-XIV веков, когда главным очагом исихастской традиции стал Афон. Именно на этом этапе исихазм становится наиболее известен и влиятелен во всём византийском обществе, и с ним связаны крупнейшие исторические события той эпохи, получившие название Исихастских споров и Исихастского возрождения.

На Афоне довершается формирование полного свода исихастской практики. Восходя к высшим ее ступеням, афонские монахи начали достигать опыта особого рода, который они определили как «созерцание Фаворского Света», то есть того Света, что осиял учеников Христа в евангельском событии Преображения на Фаворе. Афонский монах – святитель Григорий Палама – в своем сочинении «Триады в защиту священнобезмолствующих», опираясь на собственный опыт и на опыт своих братьев, подробно показал, что на высших ступенях исихастской практики под-

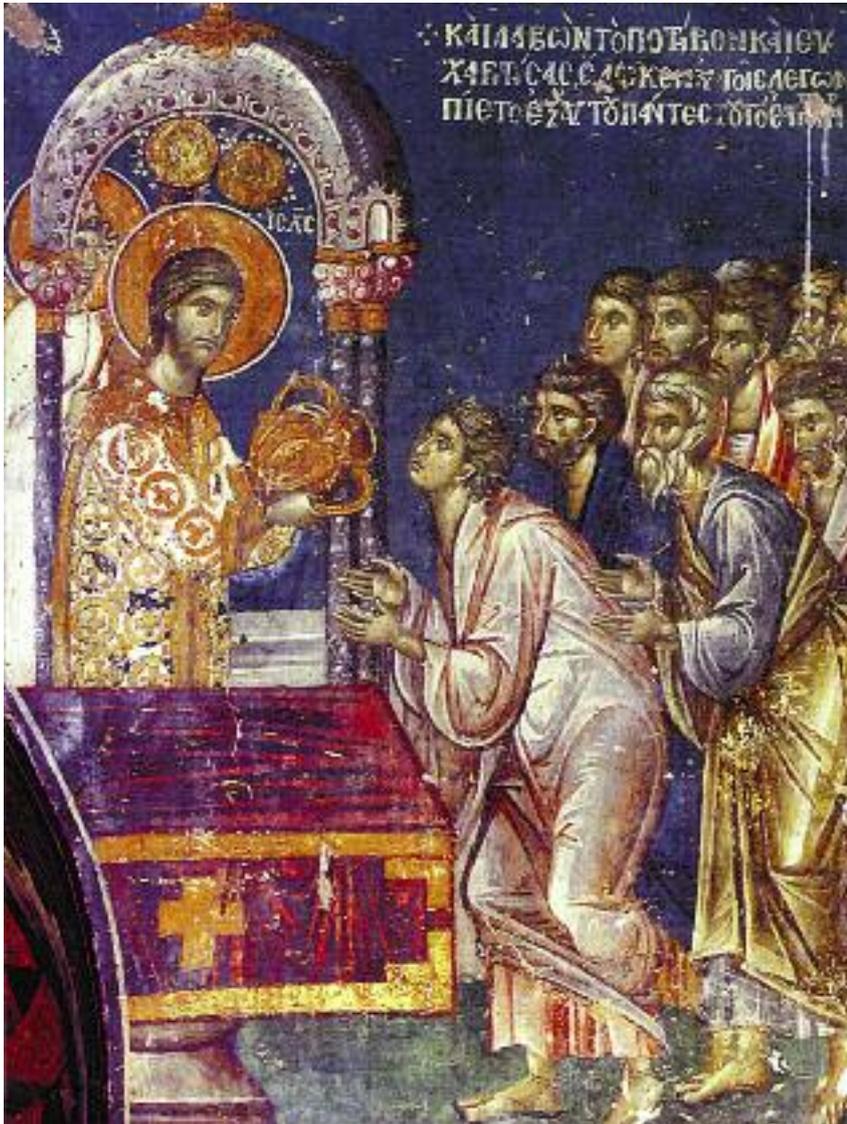
Максим Исповедник. Мозаика XI века

Преподобный Максим Исповедник говорит, что преобразование мира и его возведение ко Христу должно совершаться путем последовательного преодоления розней и разделений в мироустройстве. Но в этом космическом Обожении, как и в Обожении человека, совершающая сила преодоления может принадлежать лишь Богу, Божественным энергиям

вижник делает себя «прозрачным для благодати» – открытым для преобразующего воздействия Божественных энергий. Эта открытость являет собою одновременно созерцание и общение: созерцание Божественного (Фаворского) Света и личное общение со Христом. Здесь подступы к Обожению и его актуальные начатки. У человека трансформируется его перцептивная система – у него появляется то, что в исихазме называется «умными чувствами»: новые, совершенно иные восприятия, которые образуют, вместо пяти прежних чувств, единую и объединенную воспринимающую способность, причем такая способность принадлежит не какому-либо обособленному органу чувств, но всему цельному человеческому существу. Это и есть та новая антропологическая реальность, которая формируется на

вершинах исихастского опыта и осуществляет приобщение к Божественной реальности, личное общение человека с Богом.

Далее необходимо увидеть и дучесть социальные стороны исихазма. Исихазм – не только антропологическая практика, но и социальное явление. Прежде всего внутри исихастского сообщества культивируется разнообразное общение. Преподобный Иоанн Лествичник в знаменитом трактате «Райская Лествица» дал первое описание всего пути исихастской практики, представив ее строение как лестницу из 30 ступеней, возводящих человека к соединению с Богом. Каждой ступени этой лестницы отвечает определенное устроение всех энергий человека, и от ступени к ступени человек, меняя себя, постепенно приближается к ➔

Согласно преподобному Максиму Исповеднику, космическая миссия символически выполняется в таинстве литургии: здесь через посредство священника Божественные энергии передаются в сообщество верующих, откуда затем, по его трактовке, передаются и всему мироустройству. На основании утверждаемой здесь прямой связи между литургией и космологией в современном богословии возникла формула, выражающая суть **Обожения в его космическом аспекте, – космическая литургия**

➔ **Обожению.** На каждой ступени в полной мере осуществляется определенный режим человеческого существования, каждая из них – полное и самодостаточное устройство всего человека, некоторый способ жизни. И соответственно, на каждой из ступеней каким-то образом проявляется и исихастская социализация. Это происходит прежде всего в общении: подъем со ступени на ступень – это порождение всё новых и новых форм общения: в первую

очередь аскет продвигается в Богообщении, но развиваются также и формы межчеловеческого общения.

Когда человек восходит к Обожению, формы его общения, изменяясь, приближаются к той, которая соответствует Божественному бытию. В Православии опыт Боговидения говорит, что Божественное бытие также не чуждо общению, но в нем осуществляется общение осо-

бого рода – взаимообщение между Ипостасями Пресвятой Троицы. Поскольку же бытие Божественное абсолютно и совершенно, то и общение между Ипостасями есть высшая и совершенная форма общения. Для этого способа общения в Византии было выработано особое богословское понятие «перихорезис» (буквально – обход по кругу). Оно означает, что между тремя Лицами Пресвятой Троицы совершается непрерывный взаимообмен бытием, осуществляющийся не в нашем земном времени, а непосредственно в самом Божественном бытии. Каждая Ипостась полностью передает свое бытие другим Лицам, и Они существуют в таком постоянном движении в бытии, но не во времени. В античной мысли есть специальный концепт – «подвижный покой»; общение между Лицами Троицы и есть такой подвижный покой. Мы можем видеть его на иконе Троицы преподобного Андрея Рублева: здесь все три фигуры ангелов находятся именно в состоянии подвижного покоя и общения между собой. Они все обращены друг к другу, они не отделены друг от друга, они совершают непрерывный круготок бытия. Жизнь здесь общая – у трех Ипостасей единая Сущность.

Отличаться от того, что есть Ничто, не быть абсолютной недвижимостью, но в то же время не пребывать в потоке времени, во власти которого находится тварный падший мир, – это и есть перихорезис, совершенный взаимообмен бытия. Исихастская практика включает в себя создание целого ряда различных форм общения, которые, меняясь по мере восхождения по ступеням Райской Лестницы, делаются все более глубокими, дифференцированными, наполненными, и от низшей формы общения – передачи битов информации – весь этот процесс последовательно восходит к обмену не битами, а бытием, к перихорезису. Так выстраивается иерархия видов общения, которая и составляет собой главную форму исихастской социализации.

Когда исихаст достигает полноты владения искусством духовного восхождения, у него развивается еще одна способность: со-

единять поддержание строя Богоустремленности с некоторой иной активностью, обращенной уже к людям. Исход подвижника из мира может в дальнейшем сопрягаться с его возвращением в мир – уже для служения людям. Наиболее ярко и наглядно такой возврат осуществляется в традиции русского старчества. Старчество – исконное явление внутри исихазма, но в древности оно означало лишь попечение опытного подвижника, старца над начинающим подвижником, послушником. В России же в XIX-XX веках оно выросло в обычай духовного наставничества и помощи искушенных старцев-исихастов всем православным, а порой даже и неправославным: каждому нуждающемуся. По сути, в этом старческом служении зарождалась новая, высшая формация этики межчеловеческих отношений: *этика сверхнормативной любви Христовой*. Духовный дар старца – прозорливость, даваемая приобщенностью к Божественному бытию и обращаемая на дело любви к ближнему, дающая способность брать на себя груз другого человека. Это – одно из высших проявлений исихастской социализации.

Исихазм в современности

Какое отношение может иметь исихазм к нашему современному динамичному миру? Ответ на этот вопрос существенно важен для понимания как самой современности, так и того, какие в ней следует выстраивать стратегии жизненного, социального и даже профессионального поведения. Чтобы увидеть место и роль исихазма в современной реальности, следует ввести понятие *примыкающих практик* исихазма. В своем полном объеме практика исихазма культивируется лишь в узком и уединенном сообществе, однако она несет в себе высокий духовный заряд, обладает большой силой излучения. Под действием этого излучения и возникают так называемые *примыкающие практики*: люди, не принадлежащие к традиции, но попавшие в поле ее излучения, ощутившие ее притягательное влияние, начинают развивать разнообразные практики, ориентирующиеся на исихазм. Эти практики могут заимствовать самые разные стороны исихазма как

Николай Чудёнис. Рай. 1909 год

Открываются новые задачи исихазма в современную эпоху: исихастская традиция, несущая опыт стяжания благодати, должна в свете этого опыта оценивать соответствие современных практик и технологий целям и установкам космической литургии. Роль ее теперь в том, чтобы находить критерии селекции и трансформации существующих практик, указывать им способы их участия в космической литургии

цельного строя жизни: искусство исихастской молитвы, нравственные установки, принципы мироотношения, элементы жизненного и социального поведения и т. д. В результате может сложиться достаточно многочисленное сообщество тех, кто в своих жизненных стратегиях ориентируется на исихазм и развивает *примыкающие практики*. Это сообщество называется *примыкающим слоем* исихазма.

За счет своего *примыкающего слоя* исихазм выступает в обществе как цельный способ жизни, куда входит определенная культура жизни, культура чувств, определенный лаг общежития. В этот способ могут также входить определенные профессиональная, деловая, корпоративная культуры. И в целом при развитом *примыкающем слое* исихазм представляет собой одно из полноценных и активных слагаемых жизни общества и культуры.

Ярким примером может служить предреволюционная Россия, в которой, благодаря расцвету русского старчества, влияние исихазма стало почти всеобщим, затронув также искусство и литературу (достаточно упомянуть «Братьев Карамазовых»).

Но что такое сегодня *примыкающий слой* исихазма? Главную роль в современном обществе начинают играть новые антропосоциальные и технологические практики, в которых человек срачивается с техносферой, а техносфера – с окружающей средой – и которые обретают глобальные, планетарные и космические масштабы. Способны ли эти практики питать *примыкающий слой*, быть *примыкающими практиками* исихазма? Напрашивается сразу негативный ответ, кажется совершенно очевидным, что подобные практики не имеют и не могут иметь ни малейшего касания →

→ тельства к православной аскезе. И однако такой ответ неверен.

Дело в том, что наше обсуждение исихазма пока не затронуло одну важную идейную нить, которая как раз и связывает его с техносферой, с практиками действия человека в природном и техногенном мире. Эта нить создается за счет бытийного статуса и космического измерения Обожения. Как мы говорили, исихастская практика – это практика, в которой меняется сам способ бытия человека. А способ бытия – характеристика не индивидуальная, а всеобщая. Цель исихастской практики – Обожение, которое совершается с подвижником, но в то же время представляет собой изменение самого способа бытия человека вплоть до преодоления его конечности и смертности. Эта цель есть событие подлинного и актуального бытийного трансцендирования, «превосхождения естества». И это значит, что Обожение в своей полноте предполагает не только индивидуальное преображение человека, но и превосхождение самого способа человеческого бытия, преображение тварного мира как такового. Это и есть космическое измерение Обожения: в нем должны измениться свойства и качества космоса, так что к соединению с Богом должен восходить не только человек, но и весь тварный мир.

Космическая сторона в отношении человека и мира к Богу указывается уже в Новом Завете. Затем она раскрывается в трудах Восточных Отцов Церкви и в особенности преподобного Максима Исповедника, который представил систематическую космологию, стоящую целиком на идее собирания всего тварного мира в единство, последовательно преобразуемое и возводимое к единению с Богом. Согласно Максиму, это преобразование мира и его возведение ко Христу должно совершаться путем последовательного преодоления розней и разделений в мироустройстве. Но в этом космическом Обожении, как и в Обожении человека, совершающая сила преодоления может принадлежать лишь Богу, Божественным энергиям. При этом Божественные энергии способны непосредственно получить, стяжать только человек – и это зна-

чит, что человек выступает необходимым посредником в деле Обожения космоса: ему надлежит стяжать Божественные энергии и, помимо личного Обожения, передавать их в мир, где они совершали бы космическое Обожение. В итоге космическое измерение Обожения – это космическая миссия человека.

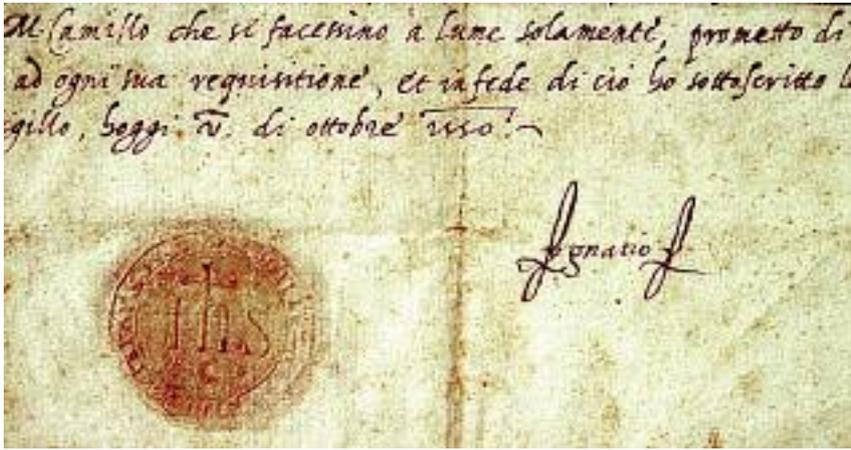
Согласно Максиму, эта космическая миссия символически выполняется в таинстве литургии: здесь через посредство священника Божественные энергии передаются в сообщество верующих, откуда затем, по его трактовке, передаются и всему мироустройству. На основании утверждаемой здесь прямой связи между литургией и космологией в современном богословии возникла формула, выражающая суть Обожения в его космическом аспекте, – *космическая литургия*. Она предполагает, что фундаментальные разделения мира снимаются и происходит его восхождение к Обожению, и всё это – на символическом уровне, в таинстве литургии.

В нашу эпоху описанная святоотеческая концепция космического Обожения нуждается, однако, в новом продумывании, переосмыслении, а также и дополнении. Со времени Святых Отцов положение человека в мироздании кардинально изменилось: сегодня его практики уже не символически, а актуально затрагивают сами основания мироустройства, его фундаментальные разделения и структуры. И коль скоро они могут воздействовать на фундаментальные разделения тварного бытия, они тем самым могут соучаствовать в космическом Обожении, ему содействуя или препятствуя. В случае содействия они становятся прямым актуальным продолжением символической практики храмовой литургии: актуальным расширением космической литургии в изначальном святоотеческом смысле.

Этот вывод возвращает нас к теме «исихазм и современность», внося в нее новое неожиданное содержание. Мы убедились в том, что новейшие практики действия человека в мире могут, вообще говоря, оказываться примыкающими практиками исихазма, если толь-

ко они содействуют космическому Обожению. Согласно сегодняшнему пониманию космической литургии, технологии должны интегрироваться в нее и служить обоживающему преобразованию мира. Отсюда открываются новые задачи исихазма в современную эпоху: исихастская традиция, несущая опыт стяжания благодати, должна в свете этого опыта оценивать соответствие современных практик и технологий целям и установкам космической литургии. Роль ее теперь в том, чтобы находить критерии селекции и трансформации существующих практик, указывать им способы их участия в космической литургии. Создание подобных критериев, указание ориентиров для интеграции в космическую литургию – актуальная и творческая задача для встречи древней традиции с современным обществом.

Еще одно плодотворное поле для такой встречи обнаруживается в современных исследованиях исихазма. В исихазме заключено глубокое опытное знание о человеке, о его личностных структурах, процессах формирования его идентичности, конституции. Изучая и обобщая исихастский подход к пониманию человека, тонкие антропологические техники исихазма, современная наука – развиваемая в России синергичная антропология – предлагает новый способ анализа антропологических практик – подход *антропологической диагностики*. В этом подходе создаются принципы, методы, ноу-хау, которые позволяют точно определить и реконструировать те типы конституции человека, типы структур личности и идентичности, что стоят за изучаемыми явлениями и процессами. Подобная диагностика незаменима во многих областях – в практиках менеджмента, управления и контроля, в задачах оценки рисков, выбора стратегий развития и многом другом. На этом пути в поле излучения исихастской традиции вовлекаются новые широкие сферы деятельности, играющие ведущую роль в жизни современного общества. И в целом исихазм предстает сегодня как подлинное Живое Предание, как действенный фактор духовной и социальной жизни современной России. **Ф**

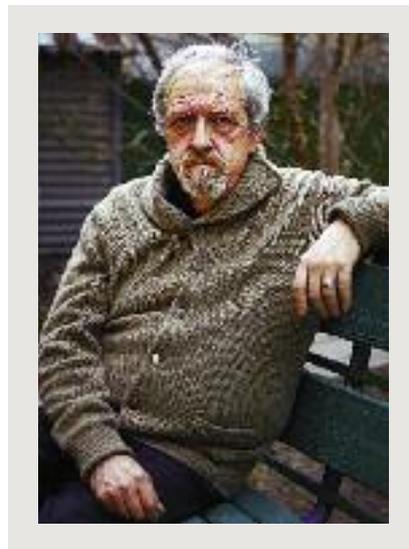

Автограф Игнатия Лойолы

Тезисы выступления

Основы иезуитской мистики и педагогики в концентрированном виде изложены в сочинении основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы «Духовные упражнения». Это сочинение – несомненно, самая известная и влиятельная книга Лойолы. Но этот труд менее всего можно считать именно книгой, потому что он предназначен не для чтения, а для практического осуществления. Это «способ приготовить и расположить душу к тому, чтобы изгнать все беспорядочные привязанности; затем, изгнав их, искать и находить божественную волю в расположениях своей жизни, на благо собственной души».

Если оставить в стороне техническую сторону упражнений – различные примечания, приложения, правила, – то они состоят из начальной медитации, материала упражнений, распределенного по четырем «неделям», то есть этапам, и заключительной медитации. По своему содержанию это педагогика духовного опыта, в котором высвечивается и прилагается к соответствующему субъекту (к тому, кто выполняет упражнения) опыт самой библейской веры. Человек Библии постепенно открывается навстречу тайне существования, истолкованной в свете Благовестия. Действительно, история одного народа предстает как история обретения такого сознания, в котором Бог поистине наставляет человека на путь к предназначенной ему полноте жизни. Ради этого Он исторгает человека из греха и тленности и соединяет его со Своим Сыном, призванным совокупить в Себе все

Николай Львович Мухелишвили – доктор психологических наук, главный редактор журнала «Символ», профессор Российского государственного гуманитарного университета

вещи и сделаться всем во всём. Таковы законы этого продвижения по духовному пути – законы, которые упражнения открывают затворнику, выявляя в то же время смысл ответного усилия, которое тот совершает, следуя за Господом.

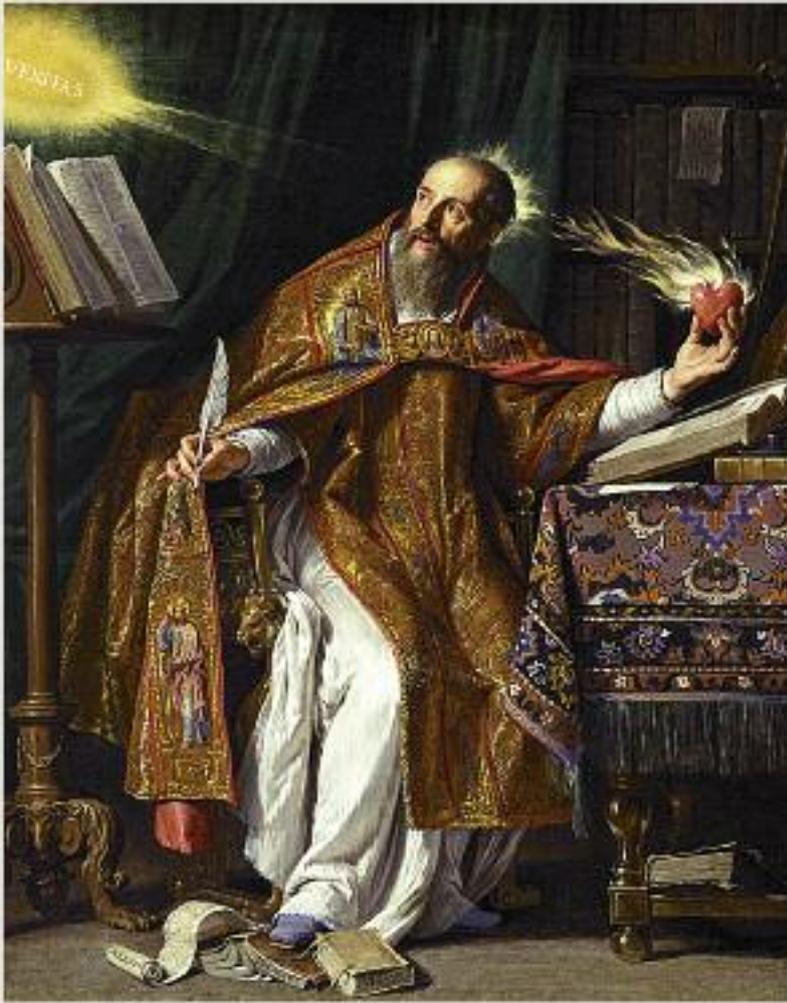
Диалектика упражнений в тенденции воспроизводит диалектику духовного опыта христианской веры. Она означает живую встречу объективного содержания явленной в Благовестии тайны с уникальной личностью принимающего ее затворника. Но объективное содержание богооткровенной тайны составляет всякая прошлая, настоящая и будущая реальность, которая рассматривается или созерцается в свете веры в Иису-

Основы иезуитской мистики и педагогики в концентрированном виде изложены в сочинении основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы «Духовные упражнения». Это «способ приготовить и расположить душу к тому, чтобы изгнать все беспорядочные привязанности; затем, изгнав их, искать и находить божественную волю в расположениях своей жизни, на благо собственной души»

са Христа. Вот почему на этом объективном уровне педагогика упражнений состоит в том, чтобы еще глубже раскрыть христианскую тайну исторического бытия человека – бытия всеобщего и личностного, – чтобы дух выполняющего упражнения распахнулся ей навстречу и принял всецелого Христа в становлении, осветился Его явлением, научился входить в полноту Истины, которая есть Жизнь. Будучи неразрывно связанными с жизнью затворника, практические упражнения предохраняют его от чисто интеллектуального и объективированного созерцания. В них открытость ума имеет спутницей молитву, которая непрерывно подвергает сердце преобразующему воздействию Духа.

В объективном плане упражнения представляют собой толкование и свидетельство богооткровенного провозвестия в его универсальности и в то же время в непосредственной связи с личностью, к которой обращен его призыв. Они также являют собой непрерывное усилие, которое приводит в состояние готовности присущие затворнику способности внимать и повиноваться. Игнатий не преподавал упражнения группам – они сопровождали личный духовный путь каждого затворника. В одних случаях им отводился особый срок продолжительностью от тридцати до сорока дней, в других они давались в обычной жизни – по ходу частых встреч и последующих духовных бесед.

Герметизм этой книги, ее закрытость для непосвященных обеспечивается ее внешней непривлекатель-

Филипп де Шампань. Святой Августин. 1645–1650 годы

По замыслу, исходящему из того, что вера не препятствует знанию, но напротив – обостряет интеллект (здесь, кстати, можно вспомнить жившего задолго до иезуитов Августина, который считал веру условием самого познания), религиозная практика – общая молитва, медитации, беседы – интегрируется в учебный процесс

→ тельностью. Написанная сухим, довольно бесцветным языком, весьма подробно рубрицированная, она является собой ветвящуюся инструкцию, размеченный указателями лабиринт, или «дерево возможностей», открывающихся перед учеником, ступающим на путь затвора и молитвенной медитации. Совершать экзерциции, постоянно находясь в ситуации напряженного выбора между открывающимися путями, надлежит под внимательным руководством наставника, подобно тому как сам Игнатий совершал их под руководством Бога. Насыщение сухих пунктов индивидуальным духовным содержанием должно

совершаться каждым человеком в интимной молитвенной беседе с Богом.

Такой же схематичный перечислительный характер имеет *summa* иезуитской педагогики. На протяжении веков ее принципы претерпевали постепенную эволюцию, этапы которой – по мере умножения образовательных заведений на разных континентах – фиксировались в ряде педагогических уставов. Последний из таких уставов – «Характерные особенности иезуитского образования» – был сформулирован в 1986 году собравшейся в Риме специальной международной комиссией, состоявшей из

иезуитов и мирян. Этот документ можно считать своеобразной хартией иезуитского образования, в нем содержатся лишь основные его принципы, которые детализируются в каждом учебном заведении сообразно с национальными и религиозными традициями той или иной страны, уровнем развития общества, пожеланиями учащихся и их родителей.

Какие бы изменения, модификации и дробления ни претерпевала система иезуитского образования со временем, его динамика, согласно этому манифесту, находит обоснование в неизменной верности традиции Общества Иисуса и ее истоку – духовному опыту Игнатия Лойолы. То есть энергия движения черпается из особой харизмы иезуитского ордена, ниспосланной через ее основателя. Оставлено в прошлом, пожалуй, лишь одно, но очень существенное – крайний ригоризм Игнатия во всем, что касается религии и морали. Современные католические биографы, описывая известный эпизод его странствий, когда он едва не зарезал случайного попутчика-мавра за ошибочное суждение о Пресвятой Деве, склонны подчеркивать его приверженность высокой истине и пламенность натуры. (Между прочим, мавра спас от смерти лишь мул Игнатия, побредший в сторону: его седок, сжимавший рукоять кинжала, отпустил поводья, доверив животному самому решить судьбу дилетантствующего богослова.)

Различия между образованием и воспитанием – этом предмете постоянной рефлексии и многочисленных (увы, не всегда плодотворных) дискуссий в современной светской школе – не имеет смысла говорить применительно к иезуитской системе образования, религиозной по своей сути. По замыслу, исходящему из того, что вера не препятствует знанию, но напротив – обостряет интеллект (здесь, кстати, можно вспомнить жившего задолго до иезуитов Августина, который считал веру условием самого познания), религиозная практика – общая молитва, медитации, беседы – интегрируется в учебный процесс.

Игнатий ощутил Бога как творца и господина вселенной, как высшее благо и единственную абсолютную реальность. Весь остальной мир реален лишь как причастный к Богу, все части мира ценны, лишь поскольку

ку они ведут к Богу. С помощью веры человек усматривает присутствие Бога во всех событиях природной и человеческой истории и – более всего – в своем повседневном духовном опыте. Отсюда – мироутверждающий характер иезуитской педагогики: школа должна прививать ученикам способность неустанно удивляться таинственному величию мира. В то же время, поскольку сам человек сотворен по образу Бога и является средоточием Его любви, задачей школы становится как можно более полное развитие дарованных свыше талан-

Игнатий (на картине XVI века) не преподавал упражнения группам – они сопровождали личный духовный путь каждого затворника. В одних случаях им отводился особый срок продолжительностью от тридцати до сорока дней, в других они давались в обычной жизни – по ходу частых встреч и последующих духовных бесед

тов и способностей каждой личности, включая физические способности к спорту. *Cura personalis* («забота о личности») – основополагающий тезис иезуитской педагогики. Исходя из него, учебные программы строятся с расчетом не на то, чтобы все учащиеся в срок освоили тот или иной предметный участок действительности, а на то, чтобы быть максимально адаптированными к интеллектуальным и душевным особенностям каждого воспитанника. Во главу угла ставится не «сухой остаток» знаний, а свободная, богатая и от-

Весь космос знаний, подлежащих усвоению студентами иезуитских учебных заведений, традиционно вращается вокруг свободных (гуманитарных) наук, философии и теологии

как наилучшим образом отвечающих, по мнению основателей иезуитской педагогики, запросам человеческой души, однако это прекрасно совмещается с критическим изучением широкого спектра естественнонаучных и социальных дисциплин. Более того, удельный вес точных наук, преподаваемых в коллегиях, в последние десятилетия по очевидным причинам стремительно растет, и это заставляет преподавателей тем внимательнее относиться к предметам гуманитарного круга →

Школа должна прививать ученикам способность неустанно удивляться таинственному величию мира. В то же время, поскольку сам человек сотворен по образу Бога и является средоточием Его любви, задачей школы становится как можно более полное развитие дарованных свыше талантов и способностей каждой личности, включая физические способности к спорту

Личность Христа была предметом глубоких медитативных прозрений Игнатия, который добивался видения Иисуса на разных этапах его земной жизни. Фигура Христа – Бога и человека – возвышается над всем учебно-воспитательным процессом

→ литературе, эстетике, музыке, изящным искусствам.

Исключительно важную роль иезуиты всегда отводили искусству убеждения и диалога. С самого начала своего существования иезуитские коллегии были знамениты высоким уровнем преподавания «элоквенции» –

риторики, навыков владения пером. В настоящее время к традиционным дисциплинам добавилось изучение кино и, конечно, Интернета. Обоюдоострый характер технологического прогресса и сопряженные с ним моральные опасности не отпугивают педагогов: учебный процесс мыслится ими как постоянный критический диалог между

наукой и культурой, с одной стороны, и верой – с другой. В этом диалоге обе стороны должны постоянно проверять друг друга на прочность.

Вообще вопрос о внешних влияниях на человеческую личность, сама острота которого объясняется греховностью человеческой природы, ставящей человека в унижительную зависимость от окружающего мира, очень важен для иезуитской педагогики. Собственно, «Духовные упражнения» и посвящены филигранной технике «пеленгации» и осознания собственных грехов, мешающих человеку свободно ответить на любовь Бога. Поэтому в игнатианских учебных заведениях культивируется почтительное отношение к знанию как таковому: трезвое и непредвзятое знание о мире и о своей собственной личности позволяет отличать добро от зла и поставить то и другое на службу своему совершенствованию. Знание тем самым помещается в моральный контекст. Для такого взгляда в принципе не существует индифферентных вещей: все феномены, попадающие в поле зрения человека, становятся ценностно окрашенными. Подобное отношение к миру не может не быть волевым и активным, поскольку требует от человека постоянного нравственного роста.

Воспитанника иезуитского заведения подводят к убеждению, что не только моральная личность человека, но и мир с его социальными структурами не является чем-то навсегда застывшим и, следовательно, должен постоянно меняться к лучшему. Волю ученика – которая, согласно игнатианским представлениям, является одним из трех главных антропологических измерений личности (наряду с сознанием и памятью), – следует воспитывать в наибольшей свободе.

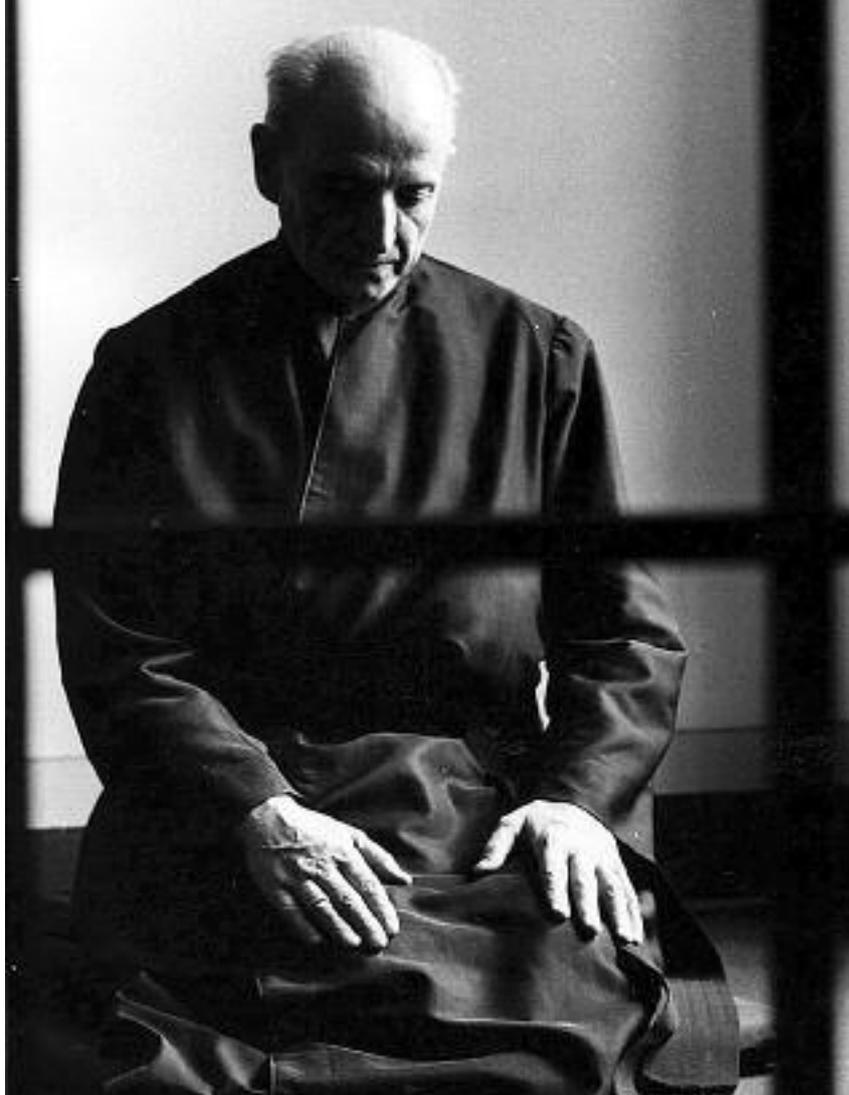
Личность Христа была предметом глубоких медитативных прозрений Игнатия, который добивался – и заповедовал это будущим последователям «Духовных упражнений» – видения Иисуса на разных этапах его земной жизни. Фигура Христа – Бога и человека – возвышается над всем учебно-воспитательным процессом. Иисус жив, и каждый может непосредственно обратиться к нему в молитве. Ключевым словом в отношениях человека с Иисусом Христом является сло-

во «ответ». Наиболее адекватным ответом на любовь Бога, по католическим представлениям вообще, является подражание ему. Ученики должны быть внутренне подготовлены к серьезным испытаниям: Христос своей свободной волей отдал жизнь за людей, он излил за нас свою кровь (жизнь), в наших силах ответить на его любовь любовью – стойким перенесением посылаемых испытаний и, главное, служением и жертвой окружающим людям. Особо подчеркивается, что ответное отношение к Богу не может быть спекулятивным, то есть чисто умозрительным. «Любовь следует вкладывать более в дела, нежели в слова», – пишет Игнатий, поэтому от учеников ждут, что в дальнейшей жизни они воплотят свои убеждения и свою веру на практике в самых разных сферах – будь то семья, общественные движения, политические и государственные структуры или церковь.

Важнейшей в системе иезуитского воспитания является доктрина справедливости. Она входит в учебные программы, причем в трех аспектах. Во-первых, вопросы справедливости могут обсуждаться на всех занятиях. В некоторых школах для этого предусмотрен даже особый дополнительный курс. Программа включает критический анализ современного общества в форме, доступной для восприятия детей и молодежи. По замыслу, увенчанием такого разбора должно быть выдвижение различных предложений для исправления существующего положения дел в социальной сфере. Пространство подобных дискуссий задается тремя измерениями: евангельским словом, учением церкви и духом гуманитарных наук.

Во-вторых, справедливое устройство должно быть воплощено прежде всего в самой школьной жизни. Поэтому администрации учебных заведений надлежит всегда быть готовой по результатам этих дискуссий вносить изменения в школьные программы и уставы. Подобная практика направлена на воспитание в учащихся чувства собственного достоинства, ответственности и уверенности в себе.

В-третьих, образовательная программа, прививающая воспитанникам принципы справедливости, в обязательном порядке предусматривает их непосредственный контакт с миром

В иезуитских школах постоянно действует программа «Люди – для других людей».

Манифестом этого движения считается речь генерала Общества Иисуса Педро Аруппе (на фото) в 1973 году, где, в частности, сказано, что цель иезуитского образования – воспитать человека, который «не мог бы даже помыслить себе любовь к Богу, которая не содержала бы в себе любви к ближнему», поскольку «любовь к Богу, которая не находит осуществления в справедливости, есть не что иное, как фарс»

несправедливости. Ученикам предоставляется возможность участвовать в социальных службах, встречаться с бедными, помогать им. Согласно принятым относительно недавно документам Католической церкви и Общества Иисуса, бедные являются для них «предметом особой заботы». Понятие бедности при этом толкуется расширительно: сюда входят все категории населения, которые неспособны обеспечить себе достойное человеческое существование: старые люди, инвалиды, маргиналы разного рода и т. п. В иезуитских школах постоянно действует программа «Люди – для других

людей». Манифестом этого движения считается речь генерала Общества Иисуса Педро Аруппе в 1973 году, где, в частности, сказано, что цель иезуитского образования – воспитать человека, который «не мог бы даже помыслить себе любовь к Богу, которая не содержала бы в себе любви к ближнему», поскольку «любовь к Богу, которая не находит осуществления в справедливости, есть не что иное, как фарс». Сложная диалектика справедливости и милосердия – моральных понятий, которые в другой системе ценностей могут входить в радикальное противоречие, – формулируется здесь →

Познав любовь Бога, открытую ему через Христа, Игнатий Лойола поделился своим мистическим опытом с «друзьями во Господе» и призвал их к совместному служению Богу и людям. Этот кружок подвижников и является моделью образовательного сообщества иезуитов, убежденных в том, что сила сообщества как такового многократно превосходит возможности любого числа обособленных индивидов

➔ строго и однозначно: справедливость без милосердия нельзя считать евангельской.

У иезуитских педагогов и школьных администраторов стоит поучиться тому, как они строят отношения с учениками и их родителями. Образцом здесь, как и во всём другом, является для них опыт Игнатия Лойолы. Познав любовь Бога, открытую ему через Христа, Игнатий поделился своим мистическим опытом с «друзьями во Госпо-

де» (имеются в виду его ближайшие друзья и последователи) и призвал их к совместному служению Богу и людям. Этот кружок подвижников и является моделью образовательного сообщества иезуитов, убежденных в том, что сила сообщества как такового многократно превосходит возможности любого числа обособленных индивидов.

Коллектив руководителей, преподавателей и технических работников учебного заведения должен, по замыс-

лу, быть моделью и ядром всего учебного сообщества. Внутри этого коллектива, состоящего из иезуитов и мирян, всячески поощряется общение всех видов и уровней: от общего присутствия на литургии, проведения различного рода дискуссий и профессиональных собраний до совместного препровождения свободного времени. Несколько раз в году по подходящим случаям устраиваются совместные обеды с родителями и учениками.

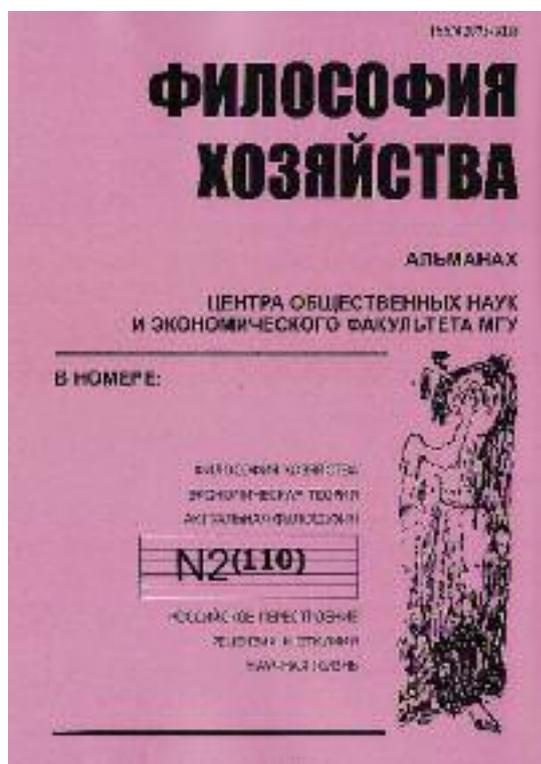
Учителя и администраторы иезуитских школ обязаны тесно сотрудничать с родителями, которые рассматриваются как равноправные члены учебного сообщества. Предполагается, что родители, отдавшие своего ребенка в иезуитскую школу, хотя бы отчасти разделяют ценности игнатианской педагогики. Школа работает в непрерывном контакте с семьей. Родители регулярно получают информацию об успехах детей и обо всём происходящем в школе. Администрация приветствует их участие в школьных советах. Вместе с тем считается, что родители на равных делят с педагогами ответственность за воспитание детей. Что касается самих учеников, то их слово и мнение относительно всех сторон школьной жизни также принимается во внимание, кроме того, они вместе со взрослыми входят в различные школьные комитеты.

Таким образом, в игнатианской педагогике вряд ли найдутся оригинальные элементы, свойственные только этой системе. Все они вытекают из общекатолической доктрины и в той или иной мере заимствованы из разных учебных заведений (например, из Парижского университета, где учился Игнатий). Открыто признавая это, теоретики иезуитского образования, тем не менее, неустанно подчеркивают самобытный дух своих школ, который заключается в творческом сочетании этих элементов и особой энергии, исходящей от них. Иезуитские проповедники не увлекаются высокомерным, в сущности, отождествлением самих себя с библейским «малым стадом», «остатком», «избранным родом» и т. п., они не отсиживаются за церковной оградой, а несут свое учение в мир. Судя по тому, что аудитории игнатианских учебных заведений во всех частях света никогда не пустуют, мир относится к этому вполне благосклонно. **F**

МЕРОПРИЯТИЯ

Научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Лаборатория как научно-исследовательское подразделение в составе экономического факультета была создана в декабре 1988 г. На момент своего создания она называлась Лабораторией сравнительного анализа хозяйственных механизмов. В 2000 г. она была перепрофилирована и стала Лабораторией философии хозяйства. Создателем и бессменным руководителем лаборатории является профессор Юрий Осипов. На счету лаборатории более 80 крупных научных конференций и более 150 семинаров, симпозиумов и круглых столов, полторы сотни монографий и сборников, более ста номеров журнала «Философия хозяйства», сотни статей и иных публикаций. Подробная информация о мероприятиях размещена на сайте лаборатории (<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/>).

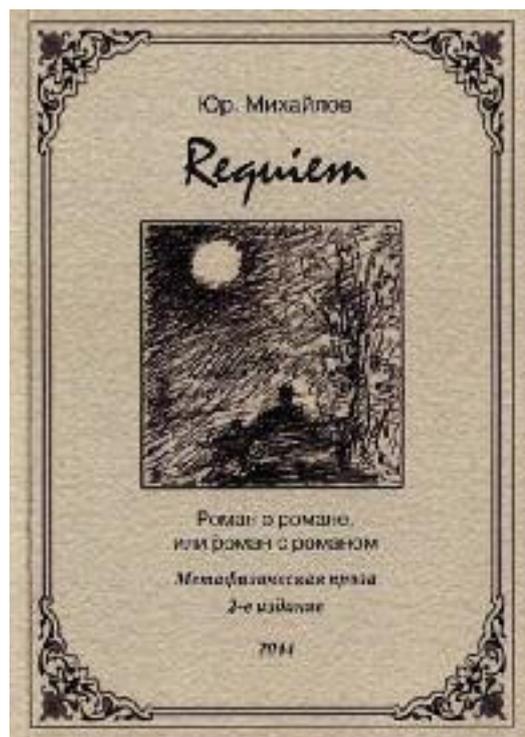

IV Всероссийский научно-практический симпозиум «Средняя Россия: земля и люди» на тему «Обретение хозяйственной целостности», июнь-июль 2017 г.

Аграрная сфера развивается – достижения налицо. Но нет пока хозяйственной целостности, нет аграрного комплекса. Растениеводство и выход обильной продукции – хорошо, но не развивается животноводство, нет достаточной переработки сельхозпродукции, нет и рынков для отечественных продуктов. Что происходит на практике, есть ли тут какие-либо достижения? Какова государственная политика в этой области? Что предпринимает сама Средняя Россия? Симпозиум проводится совместно с администрацией Мучкапского района и Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина (Мучкапский район Тамбовской области).

Научный симпозиум «Хозяйственный антропогенез: от природы к неприроде», 15 июня 2017 г.

Человек меняется, может, не столько физически, сколько метафизически: меняется сознание, его «начинка», его жизненные и поведенческие ориентации, как и, разумеется, меняются слово, язык, культура, мораль. Так или иначе, но процесс идет по линии (треку) от природы к неприроде, от естественности к искусственности. Что происходит с человеком, его сознанием и поведением, его собственной природой? Каков главный тренд? И что можно ожидать впереди?

**Международная научная конференция – междисциплинарный гуманитарный диспут
«Великое историческое событие: корни, смыслы, плоды.
К 100-летию Российской революции 1917 г.», 25 октября 2017 г.**

Революционный 1917 г. Сначала Февральская революция, затем Октябрьская – не единый, не общий, но исторически взаимосвязанный процесс грандиозной Российской революции. Что происходило, почему, для чего? Если смысл любой революции не в революции, то тогда в чем же был смысл Российской революции – этого величайшего потрясения страны и знакового события для всего мира? Смысл Февраля и смысл Октября. Европейские семена революции и ее российские корни. Мировая революция и Россия, Россия и мировая революция. Бытийная Россия и внебытийная революционная анти-Россия. Грехи и вины России, ее историческая уязвимость перед натиском революции – антироссийскость российской революции. Роковой 1917 г. – заслуга и достояние мировой войны? Мотивация Февраля и мотивация Октября. От Февраля к Октябрю: резкий поворот, но к чему – к мировой революции, социализму, России? Что дала и не дала стране и миру Октябрьская революция? Революционные и антиреволюционные плоды Октября. Гражданская война. Разгром церкви. Нэп как возврат к Февралю? Феномен сталинизма. Где оказалась и кем была Россия? А если бы Российской революции не было? А если бы только Февраль? А если бы?.. Революция как выворот бытия и антиреволюция как выворот выворота, но уже без возврата к революционно вывернутому. А что 1990-е гг. – через призму революции, а 2000-е – через призму уже и антиреволюции? Где и как теперь Россия?

Орлёнковские чтения-2017 «Мировые геостратегические тренды: социум, экономика, политика» (научный симпозиум), сентябрь-октябрь 2017 г., Краснодарский край, пос. Новомихайловский, ВДЦ «Орлёнок»

Мир интенсивно меняется. Возникают и усиливаются главные геостратегические тренды. Какие? В планетарном социуме (глобализм, локализм или партикуляризм), в международной политике (США и мир, Россия и мир, Европа, Китай, Индия, БРИКС), в мировой экономике (конкуренция или диктат, рынки или сети, стихия или управление, кризисы или перманентная кризисность). Что есть мир сегодня и чем он может стать завтра? Проблема мировых напряжений и международной борьбы, в том числе и войн.

Международная научная конференция «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия», 6–8 декабря 2017 г.

Учитывая тот важнейший факт, что по планетарному миру и по России уже бродит не призрак, а самая настоящая «субстанция перемен», крайне актуально провести широкую научно-экспертную дискуссию относительно движения России к своему новому социохозяйственному облику – уже не сугубо европейскому, и совсем не азиатскому, а именно российскому, непредвзято сочетающему актуальную отечественную традицию с новизной. Вот поэтому и «Россия на пути к России» – здесь не столько патристическое ожидание, сколько осознание геостратегической необходимости, подкрепляемой открывшейся перед страной исторической возможностью выйти наконец-то к самой себе, чему упорно способствует ожесточенная глобальная конкуренция в обстановке нарастающего вокруг России геополитического напряжения.

КАДРОВЫЙ НАБОР ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ

СЕГОДНЯ В КОМПАНИЮ «ЭФКО» ТРЕБУЮТСЯ БРЕНД-МЕНЕДЖЕРЫ, ДИЗАЙНЕРЫ, АРТ-ДИРЕКТОРА. МЫ ИЩЕМ КРЕАТИВНЫХ, ТВОРЧЕСКИХ ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ, ЖЕЛАЮЩИХ ОБУЧАТЬСЯ И РАЗВИВАТЬСЯ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ, СВЯЗАННЫХ С ТВОРЧЕСТВОМ – ВЫБЕРИ ТО, ЧТО БЛИЖЕ ТЕБЕ, И ПОПРОБУЙ СВОИ СИЛЫ!

8 800 505 03 02

КРЕАТИВНЫЙ ДИЗАЙНЕР

- РАЗРАБОТКА ДИЗАЙНА ЭТИКЕТОК, ЛОГОТИПОВ, БУКЛЕТОВ, НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ И ПОЛИГРАФИИ
- РАЗРАБОТКА ИМАДЖА НОВЫХ БРЕНДОВ
- РАЗРАБОТКА ВИЗУАЛЬНОГО СТИЛЯ КОМПАНИИ

БРЕНД-МЕНЕДЖЕР

- РАЗРАБОТКА КРЕАТИВНЫХ СУПЕРСЕРИЕВ РЕКЛАМНЫХ РОЛИКОВ
- РАЗРАБОТКА РЕПРОДУКЦИОННОЙ МОДЕЛИ И СЦЕНАРИЕВ, КОТОРЫЕ БУДУТ «ИСТОЧНИКОМ» ПЛАКОВ
- СТРАТЕГИЯ РЕКЛАМНЫХ РОЛИКОВ В ИНТЕРНЕТЕ И МИКРОВИДЕО

АРТ-ДИРЕКТОР

- РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ И КОНКРЕТНЫХ РЕКЛАМНЫХ РОЛИКОВ И КАЧЕСТВ СТИЛИСТА, ОТ КОТОРОГО ЗАВИСИТ, КАК ПРОДУКТ БУДЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ НА ЭКРАНЕ

ДИЗАЙНЕР ИНТЕРЬЕРА ДИЗАЙНЕР-АРХИТЕКТОР

- РАЗРАБОТКА ДИЗАЙНА ИНТЕРЬЕРА И ЭКСТЕРЬЕРА ДЛЯ ДИВАНОВ И ПРЕДПРИЯТИЙ КОМПАНИИ
- УВЕРЕННОЕ ВЛАДЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ ПРОГРАММАМИ (3d-Max, ArchiCAD и т.п.)

МАСТЕР ПРЕДПЕЧАТНОЙ ПОДГОТОВКИ

- РАЗРАБОТКА И ПОДГОТОВКА ФАЙЛОВ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ К ИЗДАНИЮ
- РАБОТА С ЛУЧШИМИ ТЕХНОЛОГИЯМИ СТРАНЫ
- ИНТЕРЕСНЫЕ ПОСОБИЯ И КОМАНДИРОВАНИЕ

УСЛОВИЯ:

- ФОРМАЛЕННЫЕ СОГЛАСНО ТК РФ
- КОНКУРЕНТОСПОСОБНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА (СОВЕРШЕННОЛЕТНИМ КАНДИДАТАМ ПО ИТОГАМ СОВЕЩАНИЯ)
- КОРПОРАТИВНАЯ МОБИЛЬНАЯ СВЯЗЬ
- ИНТЕРЕСНЫЕ КОМАНДИРОВАНИЯ ПО РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ
- ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И КАрьерНОГО РОСТА
- ВОЗМОЖНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ В УЧЕБНОМ ЦЕНТРЕ КОМПАНИИ

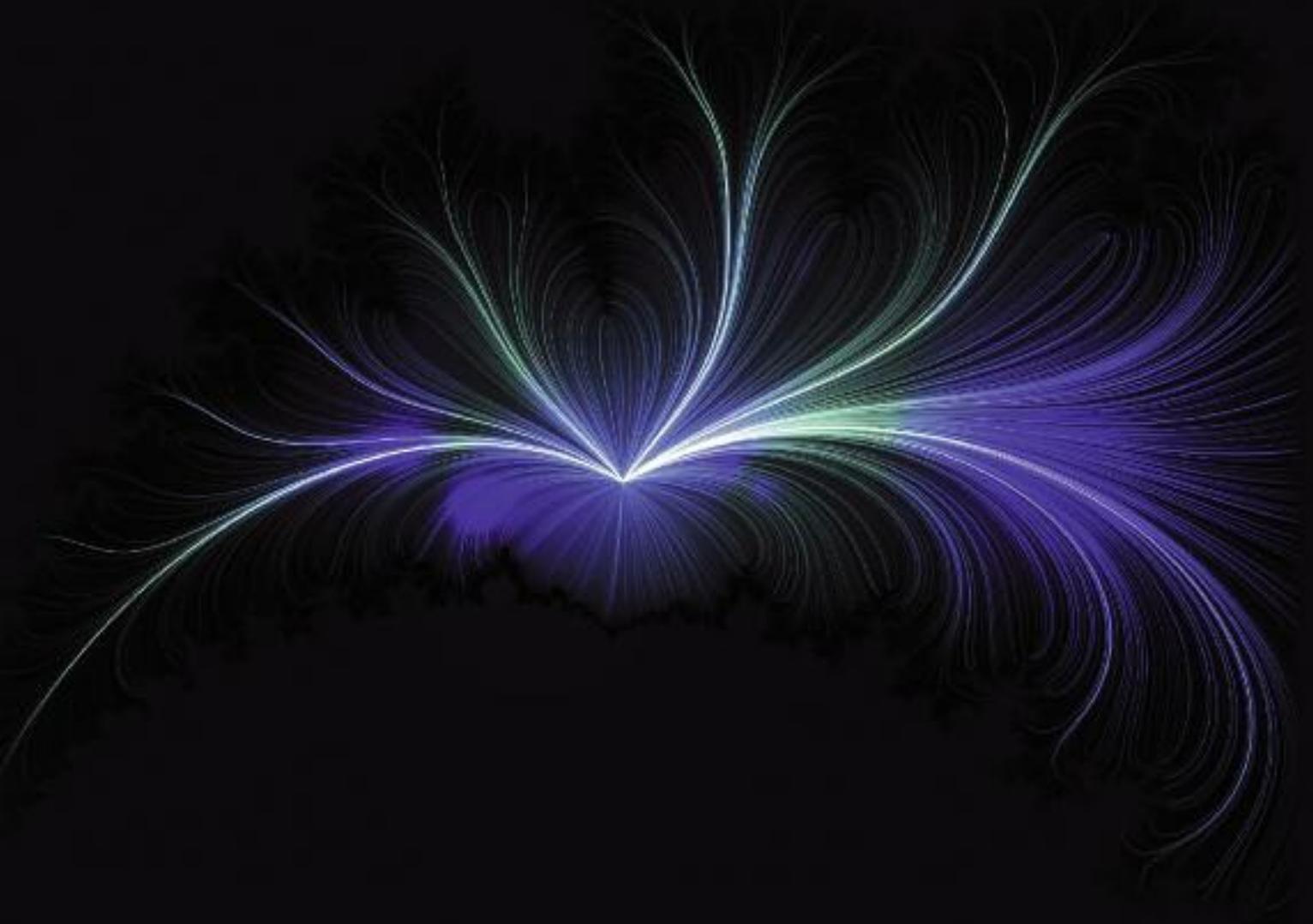
ТРЕБОВАНИЯ:

- ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
- ДИПЛОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ
- ЛУЧШЕЕ ПОНИМАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
- ГОРЯЩИЕ ПОХОДКИ К ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ, КРЕАТИВНОСТЬ, АКТИВНОСТЬ

LIONS GALA NIGHT

Cessante causa, cessat effectus

интернет-портал

«Цивилизационная динамика»

dynamic-of-civilizations.ru